

Карл Густав Юнг

Один современный миф

Einmoderner Mythos
Von Dingen, die am Himmel gesehen werden
Zürich, Rascher, 1958

Введение

Дать точную оценку значимости событий, происходящих в настоящее время — задача исключительно сложная, тем более что наши суждения по поводу этих событий рискуют оказаться излишне субъективными. Я прекрасно осознаю меру опасности, которой я подвергаю сам себя, берясь сообщить свое мнение о некоторых ставших известными в последнее время фактах, с моей точки зрения — весьма важных и весомых. Речь идет о получивших всемирное распространение слухах по поводу появления в нашей тропосфере и стратосфере тел округлой формы, известных под названием «неопознанных летающих объектов» («летающих тарелок», «дисков» или «блюдец»).

Эти слухи, да и сама проблема возможного физического существования связанных с ними летающих объектов, кажутся мне настолько важными, что я считаю своим долгом забить тревогу — подобно тому, как я это сделал незадолго до событий, столь глубоко потрясших всю Европу¹. Конечно, я хорошо знаю, что мой голос ныне, так же, как и в прежние времена, слишком слаб, чтобы быть услышанным широкими массами людей. Впрочем, я на это и не претендую: мною движет прежде всего моя совесть врача, которая заставляет меня обратиться к тем немногим, кто захочет меня выслушать, и предупредить их о необходимости подготовиться к событиям.

1) Имеется в виду статья: С. G. Jung. Wotan. — Neue schweizer Rundschau, III, 11, 1936; ее перевод см ниже в настоящей книге. (Здесь и далее специально неговоренные примечания принадлежат переводчику).

20

21

знаменующим собой конец целого эона¹, концодной из великих эпох мировой истории.

История древнего Египта уже научила нас тому, что к концу каждого «платонического месяца»² и к началу следующего дают о себе знать явления психической трансформации. По всей видимости, здесь речь идет об изменениях, которые затрагивают совокупность действующих психических доминант, архетипов, «богов», и вызывают или сопровождают любые эпохальные модификации коллективной психической субстанции³. Сходные изменения происходили и в исторический период, оставив свой след в преданиях — во-первых, при переходе от эры Тельца к эре Овна, а в дальнейшем при смене эры Овна эрой Рыб, начало которой совпало с рождением христианства. Ныне мы приближаемся к великому преобразованию, ожидаемому в момент вхождения точкой весеннего равноденствия в область Водолея.

С моей стороны было бы неразумно утаивать от читателя, что подобные рассуждения не только крайне непопулярны, но и способны вызвать к себе самое отрицательное отношение, поскольку они слишком похожи на тот смутный бред, который затуманивает мозги преобразователей мира и истолкователей «знаков и знамений». Тем не менее я готов рискнуть своей репутацией человека аляльного, заслуживающего доверия и способного мыслить научно — репутацией, заработанной в результате долгой карьеры,

богатой трудами и борьбой. Мои читатели могут быть уверены: я принимаю это решение тяжелым сердцем. Откровенно говоря, меня глубоко заботит судьба всех тех, кто будет застигнут врасплох ходом событий и, не имея необходимой подготовки, окажется связанным по рукам и ногам лишенным способности понять что-либо. Насколько мне известно, никто еще не задавался вопросом о том, какими могут быть психологические последствия преобразований, которые ждут нас впереди. Вот почему я считаю своим долгом в меру собственных возможностей попытаться их обрисовать. Итак, я берусь за выполнение этой неблагодарной задачи, сознавая, что мой резец рискует соскользнуть с того твердого камня, который ему предстоит обработать.

Эон (греч. αἰών) — согласно позднеантичным мифологическим представлениям — обширный отрезок космического времени, представленный в виде персонифицированного целого.

«Платоническим месяцем» называется период между сменой знаков весеннего равноденствия. Равен 2160 годам. Мировой «платонический год» равен 25920 годам.

См. Предисловие.

Внебольшой статье, напечатанной недавнов «Вельтвохе»¹, я уже высказался о природе летающих тарелок. Мои выводы совпали с теми, которые приведены в опубликованном несколько позднее полуофициальном докладе Эдуарда Дж. Раппелта, бывшего руководителя учреждения, занимающегося в США неопознанными летающими объектами². Выводы эти сводятся к следующему: люди видят нечто, но что это — неизвестно. Необычайно трудно — если не сказать невозможно — составить сколько-нибудь ясное представление об этих объектах, ибо они ведут себя не как материальные тела, а как невесомые мысли. До сих пор никому не удалось неопровержимо доказать факт физического существования летающих тарелок — если не считать случаев, когда радарам удавалось зарегистрировать их эхо. Впрочем, о степени достоверности подобных наблюдений с помощью радаров я справился у специалиста данной области, профессора электроники Принстонского университета и Мюнхенской Высшей Политехнической школы Макса Кнолля. Его пояснения не прибавили особой уверенности. Тем не менее, по-видимому, засвидетельствованы случаи, когда визуальное наблюдение подтверждается эхом, одновременно зарегистрированным с помощью радара. Я обращаю внимание читателя также на книги майора Доналда Кэйхоу, частично основанные на официальных материалах³; их автор стремится по возможности избегать неумеренных спекуляций, не критического подхода и предубеждений, которыми изобилуют другие публикации.

Weltwoche, XXII, 1078, 9.VI 1954, с. 7 (прим. автора). Перевод этой статьи см. ниже в настоящей книге.

The Report on Unidentified Flying Objects, New York, 1956 (прим. автора). Major Donald E. Keyhoe, US Marine Corps, retired. Flying Saucers from outer Space, 1953; The Flying Saucer Conspiracy, 1957. См. также: A. Michel. The Truth about Flying Saucers, 1957 (прим. автора).

22

23

Проблема физического существования летающих тарелок обсуждается вот уже около десятилет, однако ни положительного, ни отрицательного ответа пока нет — несмотря на значительный объем накопленного за это время экспериментального материала. Продолжающееся отсутствие определенности только усиливает уверенность в том, что данное явление — несомненно, отличающееся большой сложностью, — наряду с возможной физической основой содержит и принципиально важный компонент психической природы. В этом нет ничего удивительного, поскольку речь идет о феномене, встречающемся достаточно часто и характеризующемся странностью, непривычностью, недоступностью познанию и противоречивостью физической природы. Такой объект благодаря своей неопределенности и даже мимолетности очень легко может вызвать как

сознательную игру воображения, так и бессознательные видения. Первая порождает предположения спекуляции, а также фантастические, не соответствующие истине рассказы, тогда как вторые обеспечивают мифологический фон, неотделимый от столь возбуждающих наблюдений.

Таким образом, сама по себе возникает ситуация, в которой при всем желании невозможно определить — имеем ли мы дело с иллюзиями, порожденными некоторым первичным восприятием, или наоборот, первичными эти фантастические образы, рожденные в сфере бессознательного захватившие сознание, наполнив его миражами и призраками. Материалы, которыми мне удалось ознакомиться в течение последнего десятилетия, свидетельствуют, что обе точки зрения имеют право на существование: в одном случае явление, принадлежащее объективному миру, то есть имеющее физическую природу, служит импульсом для возникновения мифа, выступающего впредь в качестве его сопровождения; в другом случае архетип сам порождает соответствующее видение. К этим отношениям причинности следует добавить еще одну, третью возможность, а именно — синхронное совпадение, не связанное с причинностью, но полное смысла¹;

1) В данной связи см. совместную работу Юнга и выдающегося физика Вольфганга Паули: C. G. Jung, W. Pauli. Naturerkenntnis und Psyche. — Zurich, Rascher, 1952.

совпадения подобного рода неизменно занимают умы со времен Гейлинкса¹, Лейбница и Шопенгауэра. Эта последняя точка зрения особенно подходит к явлениям, исследуемым в настоящей работе, так как они связаны с некоторыми психическими процессами архетипической природы. Будучи психологом, я не имею возможности квалифицированно участвовать в решении вопроса о физическом существовании летающих тарелок. Я могу лишь сосредоточиться на психологическом аспекте, который, несомненно, присущ данному феномену; поэтому в дальнейшем ограничусь главным образом именными его гранями, которые имеют отношение к психологии.

1) Арнольд Гейлинкс (Geulincx) — фламандский философ (1624-1669), приверженец концепции взаимной независимости телесной и душевной субстанций, согласно которой кажущиеся случаи их взаимодействия обусловлены неприродными, причинными связями, а непосредственным вмешательством божественной силы.

1. НЛО КАК ПРЕДМЕТ СЛУХОВ.

Рассказы о НЛО отличаются не только полной неправдоподобностью, но и явным несоответствием общим законам физики. Поэтому в отношении данного феномена естественной кажется отрицательная реакция — простое, однозначное неприятие. Каждый человек имеет право полагать, что речь идет не более чем о миражах, выдумке, лжи. Считается, что те, кто рассказывает о подобных явлениях (пилоты, наземный обслуживающий персонал), несколько "не в себе". Более того — рассказы эти приходят к нам из Америки, страны неслыханных возможностей и научной фантастики.

В соответствии с подобной естественной, скептической реакцией мы вначале рассмотрим рассказы о НЛО с точки зрения отношения к ним как к простым слухам, и попытаемся извлечь из этих проявлений, психической деятельности все выводы, возможные в результате использования нашего аналитического метода.

Мы воспринимаем сообщения о НЛО прежде всего как некое повествование, многократно пересказываемое и повторяемое в самых разных регионах земного шара. Повествование это, однако, существенно отличается от обычных слухов тем, что по степени своей выразительности оно приближается к видениям (я предпочитаю термин "видение", а не "галлюцинация", поскольку последний слишком явно связан с патологическими проявлениями; феномен "видения", напротив, характерен не только для больных

состояний); возможно даже, что оно целиком состоит из видений или поддерживается ими. Этот сравнительно редкий вид слухов я называю визионерскими слухами. Они родственны коллективным видениям, таким, как видения крестоносцев во время осады Иерусалима, видения защитников Монса во время Первой мировой войны, видения толпы верующих в Фатиме, видения пограничников центральной Швейцарии во время Второй мировой войны и т. д. [Монс - город в Бельгии, оккупированный немцами в 1914 году. Фатима - селение в Португалии; с 1917 года, когда тремя малолетними местными жителями явилась воплотить Дева Мария - место массовых паломничеств]. Помимо коллективных видений подобного рода известны случаи, когда отдельные люди видят предметы, не существующие в природе. Так, в свое время я присутствовал на спиритическом сеансе, в течение которого четверо из пяти участников видели небольшой, напоминающий луну предмет, который парил на уровне груди медиума. Мне, пятому участнику сеанса, они показали место, где это происходило, и были поражены, когда я сказал, что ничего не заметил. Я знаю еще три случая, когда люди (в двух случаях - двое, в одном случае - один наблюдатель) видели некие объекты во всех деталях, и лишь впоследствии удавалось доказать, что объектов этих на деле не существовало. Я сам был свидетелем двух случаев из трех.

Говорят, что двоих свидетелей достаточно, чтобы удостовериться в истине. По-видимому, в подавляющем большинстве случаев это мнение оправдывается, но иногда его все же приходится признать ошибочным. Бывает также, что человек в здравом уме, отвечающий за свои слова и поступки, замечает вещи, которых в действительности не существует. Я затрудняюсь дать объяснение явлениям подобного рода. Возможно, они встречаются чаще, чем кажется, ибо, как правило, людям несвойственно подвергать проверке то, что они видят "собственными глазами", и поэтому они так и не получают точных доказательств мнимости увиденного.

Я упоминаю все эти имеющие скорее косвенное отношение к нашей теме возможности потому, что не следует пренебрегать ни одним из аспектов, говоря о столь необычной и исключительной проблеме - неопознанных летающих объектах.

Основным условием возникновения визионерских слухов является наличие некоего неординарного эмоционального состояния - в отличие от слухов обычного типа, для порождения и распространения которых достаточно любопытства и незатухающей жажды сенсаций. Видение, достигающее степени обмана чувств, нуждается в более сильном импульсе, восходящем к более глубокому источнику.

"Прелюдией" к НЛО стали таинственные летающие снаряды в небе над Швецией, о которых заговорили в последние годы Второй мировой войны (многие считают, что снаряды эти были изобретены и изготовлены русскими), а также сообщения об "огненных истребителях" ("foo-fighters"; слово too представляет собой искаженное французское feu, "огонь") - особом свечении, сопровождавшем бомбардировщиков союзников в их полетах над Германией. Затем появились рассказы о летающих тарелках над США, будто извлеченные из приключенческих романов. Невозможность обнаружить земной источник этих летательных аппаратов и неспособность понять и объяснить их физические свойства очень скоро привели к тому, что им стали приписывать внеземное происхождение. В этой своей разновидности слухи оказались родственны психологическому феномену "большой паники", разразившейся в Нью-Джерси перед началом Второй мировой войны, когда радиопостановка рассказа Г. Уэллса о вторжении марсиан в Нью-Йорк вызвала настоящее массовое бегство с многочисленными дорожными происшествиями. Очевидно, эта передача затронула скрытые чувства слушателей, связанные с угрозой неминуемой войны.

Тема вторжения из-за пределов Земли была подхвачена и освоена молвой, и НЛО стали восприниматься и трактоваться как аппараты, пилотируемые разумными существами внеземного происхождения. Поведение этих "самолетов" - повсюду видимости невесомых, - и их продуманные, управляемые движения были отнесены на счет более высокого

уровня познаний и технической мощи, свойственного пришельцам из космоса. Поскольку они не причиняли никакого вреда и воздерживались от любых враждебных действий, возникло предположение, что их появление в земной атмосфере обусловлено любознательностью, желанием понаблюдать. Казалось, впрочем, что аэродромы, а особенно атомные центры, обладали для них особой привлекательностью; отсюда был сделан вывод, что опасное развитие атомной физики, главным образом в области исследований по расщеплению ядра, вызвало определенное беспокойство обитателей соседних планет и побудило их тщательно проинспектировать Землю сверху. Возникло ощущение, что за людьми следят из космоса. Молва удостоилась даже официального внимания: в США, в военном ведомстве, было создано специальное учреждение, занятое регистрацией, анализом, классификацией и обработкой собранных наблюдений. Похоже, аналогичным образом дело обстояло и в других странах, таких, как Франция, Италия, Швеция и Великобритания.

Новости НЛО стали постепенно исчезать из периодической печати в течение года после публикации отчета Эдуарда Дж. Раппелта. По-видимому, эти новости перестали восприниматься как сенсационные. Но недавнее сообщение в прессе о предложении, одного американского адмирала основать во всех странах клубы по сбору и добросовестному расследованию информации, касающейся НЛО, показывает, что интерес к ним не угас, а число наблюдений, по-видимому, не уменьшилось.

Вообще говоря, молва утверждает, что НЛО имеют чечевицеобразную или продолговатую форму, или форму сигары; что они сверкают разными цветами (особого упоминания заслуживают светящиеся зеленые шары, которые часто появляются над юго-западными районами США) или отливают металлом; что в полете они достигают скорости 15000 км/час, хотя способны также висеть совершенно неподвижно; наконец, что их ускорение настолько огромно, что любое человеческое существо было бы уничтожено, окажись оно внутри такого летательного аппарата. Траектория полета НЛО указывает на их не-подвластность действию силы тяжести: она слегка напоминает траекторию полета насекомого. Как и насекомые, НЛО время от времени более или менее надолго останавливаются над каким-нибудь интересным объектом или медленно облетают его, как бы из любопытства; затем НЛО так же внезапно и стремительно покидает его и продолжает лететь зигзагами, обнаруживая на своем пути новые интересные объекты. Таким образом, НЛО невозможно спутать ни с метеорами, ни с явлениями отражения, связанными с инверсией температур в смежных слоях воздуха.

Представление о том, что НЛО проявляют особый интерес к аэродромам и промышленным предприятиям, связанным с расщеплением атомного ядра, подтверждается не всегда, так как их удавалось наблюдать также над Антарктикой, над Сахарой, над Гималаями. Тем не менее они явно предпочитают Соединенные Штаты. Впрочем, последние сообщения показывают, что и в небе над Старым Светом, равно как и над Дальним Востоком, они не так уж редки. Неизвестно, что именно они ищут и за чем именно стремятся наблюдать. Кажется, что наши самолеты возбуждают их любопытство, ибо очень часто они направляются им навстречу или следуют за ними, однако при приближении самолета они улетают прочь. Трудно понять, лежит ли в основе их полетов какой-либо план или порядок. По своему поведению они напоминают группы туристов, планирующих без особой цели, рассеянно разглядывающих достопримечательности, время от времени останавливающихся; часто они без видимой причины взмывают на огромную высоту или начинают выделывать акробатические номера перед носом изумленных пилотов. Иногда они кажутся очень крупными - до 500 метров в диаметре; иногда же они едва достигают размеров небольшого светильника. Предполагается, что существуют летательные аппараты-"матки", из которых появляются и в которых прячутся многочисленные мелкие тарелки. По мнению одних, НЛО пилотируются экипажами; другие считают, что экипажей внутри них нет, а управление движением осуществляется на расстоянии.

Молва утверждает, что существа внутри НЛО похожи на людей и достигают в высоту трех футов; по другой версии они обнаруживают с людьми никакого сходства. Есть сообщения о гигантах ростом в 15 футов. Существа эти, по-видимому, очень осторожны в своих попытках ориентироваться на земной поверхности и избегают контактов с людьми; впрочем, иногда они откровенно выслеживают подходящее место для приземления с целью обеспечить насильственное переселение на Землю инопланетной популяции, испытывающей какие-то трудности. Плохое знание природных условий Земли и страх перед неизвестными инфекциями заставляют их избегать непосредственных встреч или даже попыток приземления, - хотя они и обладают страшным оружием, способным уничтожить человечество. Наряду с явно более высоким, чем у людей, уровнем техники, им приписываются величайшие мудрость и доброта, благодаря которым они могли бы сыграть роль спасителей рода человеческого. Впрочем, некоторые рассказывают, будто НЛО все-таки садятся на Землю; маленькие существа обнаруживались в непосредственной близости от людей и однажды даже пытались похитить человека. Такой заслуживающий доверия человек, как Кэйхоу, полагает, что именно огромные НЛО поглотили в окрестностях Багамских островов эскадрилью из пяти военных самолетов и большой гидросамолет. [Точнее было бы говорить не о Багамских, а о Бермудских островах: речь идет о знаменитом "Бермудском треугольнике"].

Волосы встают дыбом, когда знакомишься сподобными рассказами, в подтверждение которых приводятся документальные свидетельства. Имея в виду широко признанную возможность обнаруживать НЛО с помощью радаров, следует согласиться, что все изложенное похоже на "научно-фантастический рассказ" чистой воды. Любой человек, гордящийся своим здравым смыслом, не может воспринять это иначе, как вызов. Я не вижу необходимости приводить здесь различные объяснения, связанные со всеми этими слухами.

Случилось так, что в период моей работы над настоящей книгой две ведущие американские газеты почти одновременно опубликовали статьи, по которым можно составить ясное представление о современном состоянии проблемы. Одна из этих статей - отчет о последней встрече с НЛО, записанный со слов летчика, чей самолет с сорока четырьмя пассажирами на борту пролетал над океаном недалеко от Пуэрто-Рико. Он увидел "огненный предмет округлой формы, светящийся зеленовато-беловатым светом", который приближался с правой стороны, развив огромную скорость. Вначале пилоту показалось, что это реактивный самолет, но потом он заметил, что предмет этот необычен и ни на что известное не похож. Избегая столкновения, пилот энергично набрал высоту, причем сделал это настолько резко, что пассажиры попадали друг на друга; четверо были ранены, и их пришлось госпитализировать. То же видение явилось семи другим самолетам, находившимся в той же зоне в радиусе примерно пяти сот километров. Во второй статье, озаглавленной "Американский эксперт полагает, что летающих тарелок не существует", приводится категорическое суждение доктора Хью Л. Драйдена, директора Национального консультативного комитета по аэронавтике. Нельзя не почувствовать уважения к непоколебимому скептицизму Драйдена: он как нельзя лучше подтверждает ощущение, что эти нелепые слухи унижают достоинство всего человеческого рода.

Закрывая глаза на некоторые подробности, мы можем присоединиться к мнению разумного большинства, глашатаям которого является Драйден, и оценить тысячи сообщений о НЛО, вместе со всем сопутствующим этим сообщениям словесным мусором, как род визионерских слухов. Единственное, что от них остается - это масса (впрочем, весьма впечатляющая) ложных наблюдений и выводов, в которых 'проецируются субъективные' психические предпосылки.

Но коль скоро речь зашла о психологической проекции, должны существовать обуславливающие ее психические причины. Следует остановиться и задуматься над следующим: тысячи отдельных свидетельств не могут не быть объединены

общим знаменателем, и феномен, получивший столь универсальное значение, не может быть сведен к простой и несущественной случайности. Если сходные сообщения возникают в самых различных местах, это дает основание предполагать, что их мотивация везде одна и та же. Визионерские слухи, конечно, могут возникать под влиянием внешних обстоятельств или сопровождаться ими, но в самом существенном эти слухи обязаны своим рождением некоей единой эмоциональной матрице, а в случае, который нас занимает - некоей универсальной, повсеместно распространенной совокупности психологических факторов. Источник подобных слухов - аффективная напряженность, вытекающая из ситуации коллективного отчаяния, связанного либо с опасностью для коллектива, либо с жизненной потребностью души. Все это, несомненно, имеет место в современном мире, ибо весь мир находится под гнетом русской политики и страшится ее непредсказуемых последствий. Суеверия, видения, иллюзии и другие проявления подобного рода свойственны личности только в случае, если она утрачивает единство психики, то есть если в ней обнаруживается некая разорванность, некая трещина между сознательным поведением и компенсаторным содержанием сферы бессознательного. [Согласно юнговскому закону психической компенсации любое свойство психики, выявляемое на уровне сознания, компенсируется противоположно направленным свойством в сфере бессознательного. Гармоничное соотношение взаимно компенсируемых свойств - важнейшее условие целостности человеческого "Я"].

Это содержимое остается чуждым сознанию, которое, таким образом, лишается возможности прямо интегрировать его в себя и оказывается в ситуации, кажущейся безвыходной. Компенсаторное содержимое бессознательного стремится найти пути для косвенных проявлений, вызывая к жизни мнения, убеждения, иллюзии и видения, которые выглядят неожиданными и - что особенно важно - абсолютно необъяснимыми: необычайные явления природы, такие, как метеоры, кометы, "красные" дожди, теленок с двумя головами и другие новорожденные животные-уроды интерпретируются как знаки-предвестники угрозы; иногда обнаруживаются и некие "небесные знамения". Случается, что несколько человек одновременно наблюдает нечто не существующее на самом деле. Обуславливается данное обстоятельство параллелизмом времени и места, согласно которому развиваются ассоциации идей у множества лиц; история духовной жизни человечества знает бесчисленные примеры того, как одна и та же мысль в одно и то же мгновение приходит в голову совершенно не связанным друг с другом людям. К этому следует добавить все случаи, когда вмешательство некоей воздействующей на коллектив причины вызывает у разных людей одни и те же или по меньшей мере сходные психические последствия, то есть когда идентичные интерпретации или визионерские образы возникают у лиц, меньше всего подготовленных к подобным проявлениям или меньше всего склонных в них верить. Последнее придает рассказам очевидцев видимость достоверности: принято специально подчеркивать, что тот или иной свидетель находится вне подозрений, потому что ему никогда не были свойственны ничтожно развитое воображение, ни излишняя легковерность; напротив, он всегда отличался трезвостью суждений и критическим умом.

Итак, можно утверждать, что именно в подобных случаях; бессознательное прибегает к особенно энергичным действиям, имеющим целью дать знать о своем содержимом. Последнее обретает впечатляющую зримую форму благодаря проекции - психологическому феномену, под которым следует понимать перенос содержания сферы бессознательного на некий объект; в этом объекте скрыто прежде содержимое бессознательного находит свое проявление. Феномен проекции можно наблюдать как у психически больных, одержимых идеями преследования и галлюцинациями, так и у "нормальных" людей, видящих соринку в глазу соседа, но не замечающих бревна в собственном глазу; своей высшей формы проекция достигает в политической пропаганде.

Действенность проекции различна в зависимости от того, обусловлена ли она чисто личными обстоятельствами или связана с более глубокими обстоятельствами, важными для

коллектива. Свойственные личности проявления бессознательного и эффекты вытеснения обнаруживаются в узких пределах семьи или в кругу наиболее близких друзей. Что же касается содержания коллективного бессознательного - например такого, как религиозные, мировоззренческие или политико-социальные конфликты, - то оно для своего обнаружения стремится найти соответствующее "вместилище" - масонов, иезуитов, евреев, капиталистов, большевиков, империалистов и т.п.

Ситуация в мире, неустойчивость которого люди начинают ощущать и понимать повсеместно, настолько полна опасностей, что бессознательное воображение, являющееся источником проекции, минует земные организации и власти и устремляется в небо - к космическому пространству, где среди планет некогда обитали боги, эти вершители судеб. Наш земной мир разделен надвое, и неоткуда ждать помощи или решения, способного повернуть к лучшему подобное положение Дел. Даже те, кто в течение последних тридцати лет относился к религиозным проблемам как к чему-то несерьезному и не касающемуся их лично, начинают задаваться высшими вопросами. В этих условиях нет ничего удивительного, что даже тем слоям населения, которые вообще не задаются никакими вопросами, вдруг начали являться "видения": их коснулся повсеместно распространенный миф, объект непоколебимой веры одних и насмешливого отторжения других. Неудивительно и то, что среди очевидцев, которые удостоверяют реальность "небесных знамений" и свидетельствуют чудесх, превышающих всякое человеческое разумение, оказываются вполне серьезные и честные люди.

Конечно же, подобные свидетельства настоятельно требуют объяснения. Первые попытки объяснения сводились к тому, что летающие тарелки изобретены русскими или американцами; они были очень скоро отвергнуты из-за несвойственной предметам земного происхождения "невесомости" замеченных летательных аппаратов. Человеческое воображение, уже научившееся оперировать возможностями полетов на Луну, не замедлило отреагировать гипотезой, что принадлежащие к какому-то высшему виду разумные существа сумели преодолеть законы тяготения и воспользоваться чем-то вроде межзвездных магнитных полей в качестве источника энергии, позволяющего развить космические скорости. Возникло предположение, будто недавние атомные взрывы на Земле привлекли внимание значительно более развитых, чем мы, жителей Марса или Венеры, и вызвали их беспокойство по поводу вероятной цепной реакции, грозящей уничтожить Землю. Поскольку подобная реакция представляет катастрофическую опасность также и для соседних планет, обитателям последних пришлось установить пристальное наблюдение за происходящим на Земле в связи с нашими неуклюжими ядерными экспериментами. Тот факт, что они избегают приземления и не стремятся к контактам с людьми, объясняется следующим образом: несмотря на превосходство в умственном развитии, они совершенно не уверены в благоприятном приеме с нашей стороны и поэтому выказывают необходимую осторожность. С другой стороны, будучи высокоразвитыми существами, они не агрессивны, не причиняют Земле зла и ограничиваются объективной инспекцией аэродромов и ядерных производств.

И все же непонятно, почему в течение целых десяти лет эти существа высшего порядка, столь активно заинтересованные в судьбе Земли, не сумели вступить с нами в контакт - даже несмотря на свои большие лингвистические познания? За неимением ответа на этот вопрос выдвигаются другие предположения - например, о планете, испытывающей трудности в связи с потерей кислорода, засухой, перенаселенностью или другими проблемами; жители этой планеты стремятся найти подходящее место для переселения, а их разведывательные отряды ведут себя крайне осторожно и осмотрительно, несмотря на огромный срок в сотни, а может быть и тысячи лет, в течение которого они гостят в нашем небе. После Второй мировой войны они стали появляться все чаще и чаще - очевидно, потому, что их приземление планируется в ближайшем будущем. Мирный, доброжелательный настрой этих существ в свете некоторых новых сведений оказался под сомнением. Некоторые так называемые очевидцы рассказывают, что они наблюдали за приземлением летающих

тарелок и увидели их пассажиров, говоривших, естественно, по-английски. Космические гости выглядят либо как некие ангелы во плоти, идеальные существа, озабоченные нашей судьбой, либо как карлики с большими головами, свидетельствующими о переизбытке интеллекта, либо, наконец, как похожие на лемуру карликовые уродцы с шерстью, когтями и панцирем, напоминающим панцирь насекомого, го. Такой "свидетель", как М. Адамски [Д. Адамски. - Ред.], утверждает, что он самолично в течение нескольких часов облетел на тарелке Луну; согласно его рассказу невидимая сторона Луны имеет атмосферу, воду, покрыта лесами и застроена городами. Интересно, что "свидетеля" несколько не удивляет странная прихоть Луны, заставляющая ее показывать нам только свою наименее привлекательную сторону. Как ни странно, вся эта чушь была принята за чистую монету даже таким просвещенным и осторожным автором, как Эдгар Зиверс.

Любовь американцев к фото- и кинокамере общеизвестна. Тем более удивительным кажется почти полное отсутствие "подлинных" фотографий НЛО - несмотря на то, что часто наблюдения за ними велись подолгу и с относительно близкого расстояния. В свое время я случайно познакомился с человеком, который, находясь в Гватемале, вместе с сотнями других людей видел летающую тарелку. Стоял ясный день, и тарелка была на виду в течение целого часа; тем не менее по причине чрезмерного возбуждения он забыл воспользоваться своим фотоаппаратом. У меня нет оснований сомневаться в честности этого человека, но его рассказ подтверждает мое впечатление о сугубой "нефотогеничности" НЛО.

Все сказанное позволяет утверждать, что вокруг НЛО уже сложился целый круг легенд. Сегодня в нашем распоряжении есть обширная библиотека на данную тему, состоящая из работ "за" и "против", лживых и серьезных, - это не считая тысяч газетных статей! Последние наблюдения показывают, что на самом феномене это не отразилось; все течет своим "чередом, как и прежде. Как бы то ни было, ясно одно: возник живой, современный миф. На наших глазах рождается легенда, и мы видим, как в сложную и мрачную эпоху человеческой истории создается фантастическое повествование о попытке вторжения или, по меньшей мере, о приближении внеземных, "небесных" сил; все это происходит в момент, когда человеческое воображение самым серьезным образом занято возможностями межпланетных путешествий. Мы, люди, мечтаем попасть на Луну или на Марс; одновременно, как утверждает миф, жители других планет нашей системы и даже других созвездий хотят увидеть нас. Мы осознаем собственное стремление проникнуть во Вселенную; что же касается аналогичного стремления, приписываемого нами внеземным существам, то это - мифологическое допущение, то есть проекция.

Жажда сенсации и приключений, головокружение, вызванное техническим прогрессом, интеллектуальное любопытство могут показаться достаточными мотивами для наших футуристических фантазий; но импульсы для таких фантазий * особенно когда они обретают столь серьезные формы (вспомним также об искусственных спутниках) - основываются на более глубоких и скрытых причинах, а именно на ситуации отчаяния перед жизнью и на порожденных этой ситуацией потребностях. Упомянутые психологические констатации, проекции темы планетарной тревоги на нечто, находящееся в космосе, - разве не подводят они нас к вопросу о том, что человечество ощущает недостаток пространства на Земле и хочет бежать из этой тюрьмы, где ему угрожает не только водородная бомба, но и лавинообразный рост численности населения? Об этой последней проблеме не любят говорить; в связи с ней обычно оптимистически указывают на беспредельные возможности интенсивного производства продуктов питания, как будто в нем и заключается окончательное решение! Индийское правительство предусмотрительно выделило 500 тысяч фунтов на ограничение рождаемости, а в России для пресечения опасного роста рождаемости используются трудовые лагеря. Цивилизованные страны Запада обороняются другими способами; поэтому непосредственная опасность исходит не от них, а главным образом от остальных стран Азии и Африки. Здесь не место обсуждать вопрос о том, в какой мере две мировые войны уже явились следствием мучительного стремления уменьшить численность населения "любой ценой". Природе известно множество способов избавляться от

избытка собственных созданий... Короче говоря, жизненное и обитаемое пространство человечества, действительно, все более и более сокращается, и для многих народов оптимум уже остался далеко позади. Опасность катастроф возрастает пропорционально плотности населения. Растущая концентрация людей на ограниченной площади приводит к возникновению страха, заставляющего искать помощи во внеземных сферах, поскольку на Земле ее ждать не приходится.

Именно поэтому и возникают "небесные знамения"; обретая форму, рожденную благодаря возможности создавать сказочные образы на основании наших технических познаний, они являются нам как существа высшего порядка, путешествующие в чем-то наподобие космических кораблей. Проекции, с помощью которых мы стараемся объяснить эти знамения, обязаны своим происхождением тревоге, обусловленной не вполне понятыми причинами, и поэтому не осознаваемой. Отныне эти проекции направлены на то, чтобы найти источник нашей угнетенности, пользуясь при этом любыми, даже совершенно ложными косвенными путями. Некоторые из подобных проекций настолько очевидны, что вряд ли заслуживают более глубокого обсуждения.

Но если мы хотим проникнуть в сущность слухов, сопровождаемых, насколько можно судить, целыми копами лективных видений, мы не должны удовлетворяться слишком рациональными, ясными и понятными видами мотивов. Понять причину возникновения подобных слухов - поскольку речь идет о таком экстраординарном феномене, как НЛО, - значит затронуть самые глубинные корни нашей жизни.

НЛО были известны и в прошлом, но тогда они представляли собой редкое явление и в лучшем случае вызвали пересуды в сравнительно узком кругу. Лишь в нашу просвещенную и рационалистическую эпоху этому феномену довелось стать предметом слухов в коллективном, всеобщем масштабе. Фантазии на тему конца света, игравшие столь важную роль и получившие широчайшее распространение в конце первого тысячелетия христианской эры, имели чисто метафизическую основу и не нуждались в привлечении НЛО для дополнительного рационального обоснования. Вмешательство со стороны неба соответствовало философии и мировоззрению того времени, но наше общественное мнение явно не склонно принимать во внимание гипотезу о метафизическом акте; в противном случае многочисленные священнослужители уже говорили бы в своих проповедях о предупреждениях, посылаемых нам с неба. Метафизика чужда нашему мировоззрению; нам свойственно скорее думать о возможности психических нарушений, особенно в связи с тем, что наша психическая конституция после Второй мировой войны стала весьма хрупкой: она страдает от прогрессирующего чувства неуверенности и постоянного ощущения опасности.

Пытаясь оценить и объяснить катастрофические события европейской истории последних десятилетий, современные исследователи чувствуют обетшалость и бессилие традиционных средств. Чем дальше, тем более остро они вынуждены осознавать, что психологические и психопатологические факторы стали играть слишком заметную роль в расширении исторического горизонта. Отсюда - повышенный интерес думающей части людей к психологии. Это обострение интереса вполне естественно, однако оно уже вызвало недовольство в университетских кругах, среди недостаточно компетентных специалистов, застигнутых врасплох подобным оборотом дел. Тем не менее, несмотря на все попытки отодвинуть эту науку в тень, осознающая свою ответственность психология не должна отступать и отказываться от критического исследования явлений коллективного порядка: ведь ввиду очевидной противоречивости утверждений, связанных с отмеченными явлениями, гипотеза о психических нарушениях как наиболее подходящее средство для объяснения слухов напрашивается сама собой.

В соответствии с программой нашего исследования займемся психической природой феномена. Обобщим в последний раз центральную тему слухов; как днем, так и по ночам в нашей атмосфере обнаруживаются объекты, не похожие ни на какие из известных метеорологических явлений. Это не метеоры, не звезды, не отражения, вызванные инверсией температур в смежных слоях воздуха, не облака особой формы, не перелетные птицы, не

воздушные шары, не шаровые молнии и - что особенно существенно - не порождение пьяного или горячего бреда и не вульгарный обман. Наблюдаемые объекты, как правило, представляют собой отливающие огненным блеском тела разнообразных оттенков, округлой формы (наподобие диска или шара), реже - продолговатые (в форме сигары или цилиндра), различных размеров. (Сравнительно редкая форма сигары, возможно, смоделирована по образцу дирижабля. На уровне обыденного языка легко возникает сравнение с фаллосом, то есть перевод в сексуальные термины). Рассказывают, что иногда эти тела невидимы для человеческого глаза, но дают вспышку на экране радара.

Именно округлые тела суть образы, которые особенно часто продуцируются сферой бессознательного в качестве содержимого снов, видений и т. п. В подобных случаях они должны рассматриваться как символы, в образной форме выражающие некую идею, которая рождена не сознательной мыслью, а существует в сфере бессознательного лишь потенциально, в невидимой форме; лишь процесс осознания способен сделать ее зримой. Образные формы подобного типа, однако, выражают свое содержимое самым приблизительным образом. На практике такое эскизно выраженное содержимое должно быть дополнено усиливающими интерпретациями. В процессе этой операции неизбежно случаются ошибки, и их исправление возможно только на основе принципа *eventus docet* ("событие учит"), иначе говоря, только сравнительное изучение долгого ряда сновидений различных лиц даст нам целостный, поддающийся прочтению текст.

Образы, которые служат выражением интересующих нас слухов, пригодны для интерпретации согласно тем же принципам, что и сновидения. Прилагая эти принципы к замеченным округлым объектам - дискам или шарам, - любой из тех, кто знаком с психологией глубин, сразу же распознает аналогию с символом целостности - мандалой. [На санскрите - "круг", "диск"; один из наиболее универсальных, центральных буддийских символов]. Данный символ ни в коей мере не принадлежит к современным изобретениям; он существовал во все времена и везде, сохраняя один и тот же глубинный смысл. Современным человеком он воссоздается заново, вне традиции; его округлая форма отмечает некую защитную границу или обозначает "апотропеический" (защитающий от ударов судьбы) круг. Мандала обнаруживается в доисторическом "солнечном колесе", в магическом круге, в алхимическом микрокосме; наконец, она выступает как современный символ, упорядочивающий и охватывающий целостность душевного мира. Как показано в других моих работах, как убеждает нас история алхимии, в течение последних веков мандала получила особое развитие и, несомненно, превратилась в психологический символ целостности. Особенность появления мандалы у современного человека может быть проиллюстрирована с помощью следующего сновидения шестилетней девочки.

Девочка оказывается у входа в большое, незнакомое здание. Здесь ее ждет фея, которая проводит ее внутрь и ведет по длинному, украшенному колоннами коридору к чему-то вроде центрального помещения. К этому же помещению со всех сторон стекаются другие такие же коридоры. Фея становится в центре помещения и превращается в высокий столб пламени. Три змеи ползут вокруг огня, составляя подобие движущегося кольца.

Это - классический пример детского архетипического сна, который ребенок не только может видеть неоднократно, но и нередко пытается нарисовать, причем без всякого внешнего побуждения, явно цепью защититься от неблагоприятных, раздражающих воздействий тяжелой семейной атмосферы и сохранить внутреннее равновесие.

Поскольку мандала описывает и символизирует целостность психики, а также оберегает ее, защищая от внешних воздействий и примиряя внутренние противоречия, она представляет собой подлинный символ индивидуации (обретения личности самой себя); в этом своем качестве она была известна уже средневековым алхимикам. В те времена душе приписывалась форма шара, по аналогии с мировой душой платоновской философии; тот же символ можно встретить в сновидениях современного человека. Углубляясь в многовековую историю символа, мы приходим к пространствам "по ту сторону небес", где, согласно Платону, пребывают "идеи" всех вещей. Таким образом, ничто не

противоречит "наивной" интерпретации, согласно которой НЛО репрезентируют "души".

Конечно, НЛО не отражают нашей современной концепции души; они скорее воплощают произвольный, архетипический, даже мифологический образ некоего обобщенного круга, выражающего целостность индивидуума и рожденного сферой бессознательного. Я описал и определил этот спонтанный образ как символическую репрезентацию понятия Самость, Означающего целостность человеческого существа - целостность, которая складывается из сознания и бессознательного. Впрочем, я не единственный автор, предлагающий подобную интерпретацию, ибо уже герметическая философия средневековья пришла к весьма похожим выводам. Архетипическая природа этой идеи подтверждается ее частыми спонтанными выходами "на поверхность" у современного человека, который, безусловно, не имеет представления об данной традиции - впрочем, как и его окружение. Даже те, кто обладает кое-какими познаниями, никогда не осмелились бы подумать, что их детям во сне является нечто из области герметической философии. В данной области царит настолько глубокое и всеобщее невежество, что ни о какой преемственности мифологической традиции не может быть речи.

Рассматривая округлые светящиеся небесные тела как разновидность видений, мы должны интерпретировать их как архетипические образы. В них следует видеть произвольные проекции, основанные на инстинктивном ментальном автоматизме, и эти проекции (впрочем, как и любые другие психические проявления и симптомы) не должны трактоваться как пустяки, лишены смысла и возникшие в результате простой случайности. Всякому, кто знает историю и психологию, известно, что символы округлой формы (*rotundum* на языке алхимиков) играли существенную роль везде и во все времена; к примеру, в нашей культурной сфере они обозначали не только душу - о чем уже говорилось, - но и образ Бога: *Deus est circulus cujus centrum est ubique, cujus circumferentia veronuscquam* (Бог - это круг, чей центр везде, а окружность - нигде). "Бог" - всезнающий, всемогущий, вездесущий (Единое, Вселенная), всеобщий символ целостности, - это нечто округлое, полное и совершенное. Традиционно "эпифании" (явления Бога) представлялись в сопровождении огня и света. Таким образом, в древности НЛО были бы слегка восприняты как явления существ божественного происхождения.

НЛО - это впечатляющий образ целостности: простая округлая форма этих объектов удачно воплощает архетип, играющий, как мы знаем, главную роль в объединении несовместимых с виду противоположностей; вот почему форма НЛО наилучшим образом компенсирует беспорядочность, раздробленность современной жизни. Более того - этот архетип имеет принципиальное значение в ряду других архетипов, ибо он упорядочивает хаотические состояния и сообщает личности максимально возможные единство и целостность. Он творит образ великой личности. Богочеловека, исконного человека или Антро-поса, шень-жэня (кит.: "истинный" или "цельный человек"), Или, призывающего небесный огонь и возносящегося в небо на огненной колеснице (Мессия, догматически отождествляемый с Христом, имеет в лице Или своего предтечу) и, наконец, мусульманского Хадира, который, со своей стороны, параллелен Или, так как он нисходит на Землю в качестве персонификации Аллаха. [Одна из популярнейших фигур мусульманской традиции, бессмертный мудрец и покровитель мореплавателей, обычно отождествляемый с "рабом Аллаха" (см. Коран, 18, 59-81); по преданию являлся наставником многих пророков, в том числе и Мухаммада].

Нынешняя ситуация в мире как нельзя лучше способствует тому, чтобы возбудить надежду на явление внеземного порядка, разрешающее скрытые конфликты. Если подобная надежда и не формулируется слишком явно, то только потому, что в наше время уже никто, по сути, не придерживается философии прошедших веков, согласно которой вмешательство неба принималось как нечто само собой разумеющееся. Мы уже достаточно отделились от метафизической определенности, свойственной мировоззрению Средних Веков - но все-таки не настолько далеко, чтобы из историко-психологического фона нашей жизни смогли вытравиться любые метафизические надежды. В нашем сознании доминирует воля к

рациональной ясности, презиравшая любые "окультурные" тенденции, однако последние уверенно обнаруживают себя в сфере бессознательного.

Конечно, сейчас осуществляются отчаянные попытки оживить христианскую веру, но попытки эти не касаются возможности вновь, как прежде, достичь такого ограничения образа мира, при котором сохранилось бы место для метафизического вмешательства: речь идет об оживлении традиционной религиозности, но без настоящей христианской веры в потустороннее и надежды на близкий конец света, призванный окончательно и бесповоротно исправить прискорбную ошибку, каковой явился акт творения. Вера в "посюстороннее", в человеческое могущество обрела статус практической истины, все еще непоколебленной - несмотря на все уверения в обратном..

Подобная позиция подавляющего большинства создает как нельзя более подходящую основу для появления проекции: скрытое содержимое бессознательного, несмотря на всю рационалистическую критику, выплескивается на поверхность в форме символических по своему содержанию слухов, сопровождаемых и подкрепляемых соответствующими видениями; таким образом актуализируется архетип, посредством которого всегда, во все времена обозначались порядок, успокоение, излечение, достижение целостности. Примечательно, что в нашу эпоху этот архетип выражается в форме, не свойственной его прежним воплощениям, а именно - в форме вещи, в форме технической конструкции, - как бы для того, чтобы избежать возмутительной неуместности любой мифологической персонификации: ведь все, с виду связанное с техникой, легко воспринимается современным человеком. Крайне непопулярная идея метафизического вмешательства становится куда более приемлемой, если она поддерживается возможностями межпланетной навигации.

Правда, очевидная невесомость НЛО осмысливается с большим трудом; тем не менее и для нее можно найти обоснование в том, что даже нашей современной физикой в последнее время сделано множество открытий, граничащих с чудом. Почему бы не предположить, что более высокоразвитые обитатели других планет удалось пойти еще дальше и разработать способ преодоления силы тяжести и достижения скорости света, а может быть и более высоких скоростей? В результате развития ядерной физики в головах несведущих людей воцарилась неопределенность, гораздо большая, чем в головах самих физиков, и позволяющая ныне считаться с возможностью существования вещей, которые еще вчера показались бы бессмысленными и превосходящими всякую меру. Таким образом, НЛО без труда интерпретируются как очередное чудо физики. Не могу здесь с чувством некоторой неловкости не признаться, что в свое время я был убежден в неспособности любых предметов тяжелее воздуха к полету; впоследствии мне было довольно трудно смириться с тем, что это не так.

Итак, с одной стороны физическая природа НЛО содержит в себе много загадочного даже для самых компетентных умов; с другой же стороны вокруг НЛО создается настолько впечатляющая легенда, что, применяя к ней обычные методы психологической интерпретации, мы должны считать само явление на 99% порождением психической деятельности. Если даже непосредственной внешней причиной рождения мифа становится неизвестный физический феномен, это все не обесценивает его психологической значимости: ведь сопутствующими причинами возникновения многих мифов служат небесные и другие природные явления, которые, однако, ничего в них не объясняют. По существу миф - это порождение архетипа, то есть бессознательный символ, требующий психологической интерпретации. Для первобытного человека любой предмет - хотя бы пустая консервная банка - может обрести значение фетиша, но свойства консервной банки здесь ни при чем; важно, что мы имеем дело с явлением психического порядка.

2. НЛО в сновидениях

НЛО являются людям не только наяву, но и во сне. Сновидения интересуют психологов

первую очередь, так как указывают на направленность бессознательной реакции, вызванной появлением НЛЮ. Следует помнить, что на основании чисто интеллектуальных операций совершенно невозможно воссоздать более или менее полную картину объекта, отраженного психикой и пережитого. К этим операциям, помимо функций чувства (оценка), ощущения («чувство» реальности) и интуиции (восприятие возможностей), нужно добавить реакцию сферы бессознательного, то есть образ неосознанного ассоциативного контекста. Лишь всеохватывающий взгляд, вбирающий в себя все указанные факторы, способен различить многочисленные психологические оттенки, порожденные объектом, тогда как чисто интеллектуальное постижение объекта может считаться удовлетворительным в лучшем случае наполовину, если не на одну четверть.

В качестве иллюстрации я хотел бы привести два сновидения. О них мне рассказала одна высокообразованная дама, никогда не видевшая НЛЮ наяву, но испытывавшая интерес к данному феномену, о котором, впрочем, у нее не сложилось определенного мнения. Она не была знакома ни с литературой НЛЮ, ни с моими идеями, касающимися этих объектов. Вот ее рассказ:

ПЕРВЫЙ СОН

КОММЕНТАРИЙ К ПЕРВОМУ СНУ

«Внебольшом грузовике я еду вниз по Елисейским Полям. Вместе со мной — множество людей. Звучит сигнал воздушной тревоги. Грузовик останавливается; все пассажиры прыгают на землю и прячутся вблизи жавших домов, захлопывая за собой двери. Я покидаю грузовик последней и также пытаюсь войти в один из домов, но все его двери прочно заперты; мне не удастся повернуть ни одну из блестящих латунных дверных ручек, а Елисейские Поля совершенно пусты. Я прижимаюсь к стене и смотрю на небо; вместо ожидаемых бомбардировщиков вижу нечто вроде летающей тарелки, то есть металлическое тело в форме капли. Оно медленно летит с севера на восток, и мне кажется, что с этой тарелки за мной наблюдают. В тишине слышу звуки шагов одинокой женщины, которая спускается по тропу через Елисейские поля на высоких каблуках.

Ощущение от всего этого совершенно жуткое».

ВТОРОЙ СОН

(примерно через месяц после предыдущего)

«Ночью броджу по улицам какого-то города. Внезапно появляются предметы, похожие на космические корабли; все прохожие обращаются в бегство. Корабли выглядят как большие стальные сигары. Я не двигаюсь. Один из летательных аппаратов космически пикирует, нацелившись прямо на меня. Я вспоминаю, что профессор Юнгучил: никогда не следует спасаться бегством; поэтому я остаюсь на месте и наблюдаю за приближением аппарата. С близкого расстояния он выглядит как круглый глаз, наполовину синий, наполовину белый.

Больничная палата. Двое моих начальников входят в помещение; их принимает моя сестра, у которой они обеспокоенно спрашивают о состоянии здоровья пациентки. Сестра отвечает, что один из летательных аппаратов сжег мне все лицо; только теперь я осознаю, что они говорят обо мне и что моя голова полностью перевязана бинтами, которых я, впрочем, не вижу».

Экспозицией и общим фоном этого сна служит картина коллективной паники — как в начале воздушной тревоги. Появляется летающая тарелка в форме капли. В состоянии падения любая жидкость приобретает форму капли, то есть тарелка интерпретируется как падающая с неба жидкость: аналог дождя. В литературе уже встречались описания НЛЮ необычной каплеобразной формы и проводились аналогии с жидкостью¹. Возможно, такая форма отражает ощущение внешней изменчивости, зыбкости, часто упоминаемое в связи с НЛЮ. Эта «небесная» жидкость должна иметь таинственные свойства; вероятно, представление о ней сходно с алхимической идеей «вечной воды» (aqua permanens), которая алхимиками XVI века именовалась также «небом» и репрезентировала «пятую сущность» (quinta essentia)². Эта вода — Deus ex machina³ алхимии, «чудесный растворитель», причем слово «раствор» (solutio) в данном случае

употребляется и во втором своем значении — как «решение»(задачи). Это не что иное, как сам Меркурий, величайший из магов, который «растворяет и связывает» (solve et coagula), универсальное лекарство, исцеляющее как тело, так и душу (но способное одновременно означать угрозу и опасность); это лекарство, наконец, изливается с неба, подобно «небесной воде» (aqua coelestis).

Алхимики говорят не только о «камне, который не есть камень», но также о «философской» воде, которая не есть вода: это — «меркуриева жидкость», не идентичная простой металлической ртути⁴, а представляющая собой некий «дух» (pneuma, spiritus), таинственную стихию,

В ставшем классическим сообщении капитана Мантелла говорится о сходстве летающей тарелки со «слезой» и о том, что она вела себя как «жидкость»; см.: Harold T. Wilkins. Flying Saucers on the Attack, London (без даты; 1954?), p. 90. (прим. автора).

Известный алхимический термин (заимствованный из античной философии), обозначающий истинную, глубинную суть вещей; остальные 4 «сущности» — вода, земля, огонь и воздух.

«Бог из машины» (лат.): развязка вследствие вмешательства высшей силы (в конце античной трагедии божество опускалось на сцену с помощью механического приспособления).

Ртуть традиционно считалась символом *Гермеса-Меркурия* — главного божества адептов «герметической», то есть тайной, эзотерической науки алхимии.

которая в результате алхимических операций выделяется из обычного минерального вещества. Последнее, таким образом, преобразуется в духовную форму, часто — персонифицируемую (filius hermaphroditus s. Macrocosmi). «Философская вода» — это классическое вещество, трансформирующее химические элементы само трансформируемое в течение этого процесса; одновременно оно есть *дух-искупитель* религиозной надежды.

Все эти идеи начали появляться уже в античной литературе, но значительного развития достигли в средневековье, проникнув даже в народные сказки. В одном очень раннем тексте (созданном, вероятно, в I веке н. э.) говорится о духе, скрытом в камне, который был найден на дне Нила: «Погрузите туда руку и извлеките дух (pneuma). Это и есть экстракция ртути (exhydrargyrosis)».

Существует множество свидетельств того, как этот анимистический архетип функционировал на протяжении почти семнадцати веков. С одной стороны, Меркурий (ртуть) — это металл, с другой же стороны — жидкость, к тому же быстро испаряющаяся, то есть легко трансформируемая в «пар», в «дух»; последний, в качестве «духа Меркурия», считался всеисцеляющим средством, спасителем и хранителем мира (servator mundi). Меркурий — «спаситель», «примиряющий врагов»; будучи «пищей бессмертия» (cibus immortalis), он избавляет творение от болезней и порчи, то есть делает для него примерного же, что Христос — для людей. На языке Отцов Церкви Христос именуется «бьющим родником»; аналогично алхимики называли Меркурия aqua permanens, ros Gideonis («Гедеонова роса»¹), vinum ardens («горящее вино»), mare nostrum («наше море»), sanguis («кровь») и т. д.

Существует множество свидетельств (относящихся в особенности к раннему периоду наблюдений за НЛО), что эти объекты появляются неожиданно и столь же неожиданно исчезают. Их можно обнаружить с помощью радара, но они невидимы, а иногда они поддаются визуальному наблюдению, но не регистрируются радаром. Утверждается, что НЛО способны произвольно становиться видимыми или невидимыми; иначе говоря, они состоят из вещества,

1) См.: Книга Судей, 6, 37-40.

которое либо можно видеть, либо нет. В первую очередь приходит на ум аналогия с *летучей жидкостью*: из невидимого состояния она конденсируется в видимую каплю. Погружаясь в изучение древних текстов, мы все еще трепетно ощущаем

чудоисчезновения и повторного появления, которое раскрывалось алхимику через испарение воды или ртути: по Гераклиту именно это и есть происходящий по мановению волшебной палочки Гермеса процесс превращения души, ставшей водой, в невидимую «пневму», и ее нисхождения из эмпирии обратно в видимую форму творения. Драгоценный документ с описанием этого превращения оставил нам Зосим Панополитанский (Швек).

Игра воображения, которой человек предается у кипящего котла — находясь при этом в ситуации, соответствующей самым ранним попыткам познания окружающего мира, — также, возможно, оказала влияние на феномен исчезновения и повторного появления НЛО.

Форма капли, неожиданно возникшая в сновидении, подсказала нам сравнение с центральной идеей алхимии, известной не только в Европе, но и в Индии, а также в Китае. Читателю может показаться, что в поисках критериев для сравнения мы зашли слишком далеко. Но если кто-то хочет приблизиться к объяснению такого исключительного явления, как НЛО, оно обязан привлечь для этой цели столь же исключительный психологический контекст. Не следует надеяться, что наши известные принципы рационального объяснения могут оказаться соизмеримыми с темощущением странности, которое неотъемлемо присуще появлениям НЛО. *Психоаналитический* подход (во фрейдовском смысле) способен в лучшем случае на то, чтобы на основании предвзятой сексуальной «теории» трансформировать представление о НЛО в соответствующую сексуальную фантазию; например, рассматриваемый нами сон в лучшем случае свелся бы к нисхождению с небес «вытесненной» матки: учитывая то обстоятельство, что женщина, о которой идет речь, была подвержена кошмарам, подобная интерпретация удачно вписалась бы в давнюю концепцию истерии как «миграции матки» (hysteros = «матка»). Но как же тогда быть с пилотами-мужчинами, которые фактически являются авторами слухов? Как бы то ни было, *«сексуальный язык» имеет не большее значение, чем любое другое средство символического выражения.* По сути дела этот способ объяснения носит такой же рационалистический и одновременно мифологический характер, как и рассказы с технической подоплекой о сущности и целях НЛО.

Рассказчица достаточно хорошо знает психологию, чтобы *даже во сне сознавать* необходимость не поддаваться страху и не пытаться бежать — хотя именно это она предпочла бы сделать. Ее бессознательное создает ситуацию невозможности для нее такого выхода. Таким образом, рассказчица получает возможность наблюдать феномен с близкого расстояния. Оказывается, что он не представляет опасности. Несомненно, беспечные шаги женщины, идущей вниз по Елисейским полям, указывают на существование в мире людей, либо ничего не знающих о явлениях подобного рода, либо не испытывающих никакого страха перед ними.

КОММЕНТАРИЙ КО ВТОРОМУ СНУ

Экспозиция сна начинается с того, что царит темная ночь; обычно именно в этот час люди спяти видят сны. Как и в предыдущем сне, разгорается паника. Появляются *многочисленные* летающие объекты. Вспомним комментарий к первому сну: там летающая тарелка появилась во единственном числе, тогда как здесь их очень много. Это значит, что первый сон подчеркивает единство «Самости», единство той всеподчиняющей, можно сказать — божественной формы, которая воплощает целостность человека; во втором сне единство распадается на множественность. В мифологическом измерении эта множественность соответствовала бы множественности богов, человекобогов, демонов или душ. На языке герметической философии таинственная сущность, квинтэссенция имеет, конечно, тысячи имен, но по существу она составляет нечто Одно, Единое (что в принципе синонимично понятию «Бог»), и обращается в множественность только в результате определенного дробления, распада (multiplicatio).

Алхимия ощущает и осознает себя как «божественное творение» (opus divinum) — в той мере, в какой она стремится освободить «скованную душу» (anima incomprendibus), то есть освободить демиурга, разделенного между созданными им же самим стихиями, вызволить его из заточения и, таким образом, привести душу к ее

первоначальному состоянию единства. С точки зрения психологии множественность, в виде которой представлен символ единства, означает расщепление, приводящее к появлению самостоятельных единиц, то есть, иначе говоря, множественность «Самости»: «метафизическое» Начало, Единое Божество распадается на множество «низших богов» (*dei inferiores*). Сточки зрения христианской догмы подобный процесс мог бы показаться глубочайшей ересью, если бы неясные и точные слова Христа: «Вы как боги», и не менее ясная мысль о том, что люди — это «дети Божьи»: оба утверждения предполагают по меньшей мере потенциальную родственность людей Богу.

В психологическом плане множественность летающих объектов могла бы соответствовать проекции множественности человеческих особей, но выбор символа — изображения в виде округлых тел — показывает, что в данном случае проецируется не просто множественность личностей, а скорее их идеальная психическая целостность, то есть, иначе говоря, не эмпирический человек — такой, каким он знает сам себя, — но его глобальная психическая субстанция, в пределах которой содержимое сознания должно быть дополнено содержимым бессознательного. Благодаря успехам психологии нам известно нечто существенное, касающееся сферы бессознательного; используя это знание, мы пытаемся с помощью гипотетических догадок двигаться дальше. Тем не менее мы все еще очень далеки от возможности составить хоть сколько-нибудь обоснованную концепцию целого — пусть даже гипотетическую. Из великого множества сложностей, с которыми сталкивается психология бессознательного, упомянем только одну — *парапсихологические констатации*; в настоящее время ими уже нельзя пренебрегать, и более того — их следует принимать во внимание, если мы хотим оценить психические процессы во всей их полноте. Таким образом, уже нет оснований рассматривать бессознательное как нечто, находящееся в каузальной зависимости от сознания, поскольку оно обладает свойствами, которые сознанию чужды. В нем скорее следует видеть независимую величину, находящуюся в постоянном взаимодействии с сознанием.

Множественность летающих тарелок соответствует проекции множественности психических образов целостности; тарелки появляются в небе, ибо представляют собой архетипы, заряженные энергией, но не распознаваемые и не воспринимаемые людьми в своей истинной сущности психических факторов. Это незнание и невосприимчивость обусловлены «отсталостью» современного сознания, вследствие чего отдельный индивидуум не располагает никакими понятиями, никакими мыслительными категориями, которые позволили бы ему охватить сущность «психической целостности». Более того, воспитание, получаемое в наши дни сознанием, заставляет его усматривать в архетипах не формы, неотъемлемо присущие психической субстанции, а данные из-за пределов психической сферы, то есть либо реальные факты, либо факты, существующие в метафизическом пространстве и требующие, чтобы в них верили. Вот почему архетип, случайно заряженный дополнительной энергией в результате действия факторов, присущих данной эпохе или общей психологической ситуации, не может быть прямо интегрирован в сознание. В этих условиях единственной возможностью для архетипа становится косвенное проявление в виде спонтанной проекции. Проецируемый внутренний образ принимает вид реального факта, внешне совершенно независимого от психической субстанции индивида и от ее состава: мандала и ее округлая целостность превращаются в межпланетный летательный аппарат, пилотируемый разумными существами.

Чаще всего НЛО имеют чечевицеобразную форму. Предпочтение, оказываемое этой форме, не должно нас удивлять. Согласно многочисленным историческим свидетельствам целостная человеческая душа во все времена наделялась чем-то вроде космической параллели: душа отдельного человека воспринималась как имеющая «небесное» происхождение, как частица всемирной души — микрокосм, отражающий свойства макрокосма. Лейбницевская теория монад — красноречивый пример, иллюстрирующий сказанное. Макрокосм — это окружающий нас мир звезд;

наивному восприятию он представляется шаром. Вот почему это же наивное восприятие приписывает душе аналогичную форму. Небо заполнено скоплениями звезд — галактиками, — которые чаще всего имеют чечевицеобразную форму, такую же, как и НЛО. Таким образом, форма чечевицеобразного зерна, приписываемая НЛО, может рассматриваться как уступка современной астрономической науке: насколько мне известно, ни одна из древних традиций не представляла душу в виде линзы. Возможно, здесь мы имеем дело с примером того, как традиция модифицируется под влиянием современных достижений науки: древние образные представления меняются в связи с новым содержанием, обретаемым сферой сознания. Мы часто наблюдаем, как автомобили и самолеты замещают в видениях наших современников животных и сказочных чудовищ прежних времен.

Новозможно и другое: здесь мы имеем дело с проявлением «абсолютного знания» — естественного результата слияния бессознательной психической субстанции с объективными данными об окружающем мире. Подобная возможность подсказана некоторыми данными парапсихологии, однако мы задаемся проблемой «абсолютного знания» не только в связи с телепатией или предчувствиями, но и в связи с некоторыми биологическими фактами. К примеру, Портман¹ подчеркивает удивительную способность вируса бешеного адени вируса адаптироваться к анатомии собаки и человека, «знание» о расположении двигательных нервных узлов гусеницы, предназначенной для кормления ее потомства, свеченья рыбы и насекомых с коэффициентом полезного действия до 99%, чувство ориентации у голубей, предчувствие землетрясения у кошек и кур, удивительную степень сотрудничества, достигнутую в некоторых симбиотических отношениях. Известно, что жизненные процессы не могут быть объяснены на основе одного только принципа каузальности; последний необходимо дополнить понятием о «разумном» выборе. Подобная точка зрения позволяет уяснить, почему форма летающих тарелок обнаруживает аналогию с элементами пространственных структур мира (галактик) — пусть даже

1) A. Portmann. Die Bedeutung der Bilder in der lebendigen Energiewandlung. — Eranos-Jahrbuch, Bd. XXI, 1952/53 (прим. автора).

подобная констатация вызовет улыбку у тех, кто руководствуется только разумом.

Во втором же обычная форма линзы заменена более редкой формой сигары, которая, судя по всему, может быть ассоциирована с формой дирижабля. Если в первом же фрейдистский психоаналитический подход для объяснения формы капли прибег бы к женскому «символу» — матке, то во втором же поиск сексуальных аналогий сразу же приводит на ум форму фаллоса. Архаическим, фоновым слоям психики, также, как и первобытным языкам, свойственно использовать особые репрезентативные, привычные, подсказанные инстинктом формы для выражения того, что является предметом смутных предчувствий и поддается уяснению не в полной мере. Вот почему Фрейд имел определенные основания утверждать, что любые округлые и полые формы обозначают женское начало, а любые продолговатые формы — мужское начало; примеров можно привести множество, вплоть до замочной скважины и ключа или плиток черепицы, одни из которых — вогнутые — кладутся снизу, а другие — выпуклые — сверху (на немецком строительном жаргоне первые называются «монашками», а вторые — «монахами»). Естественный интерес человека к сексуальности и тяга к образным и юмористическим сближениям побуждают придумывать все новые и новые аналогии подобного рода.

Впрочем, сходные механизмы запускаются не только сексуальным влечением, но и такими инстинктами, как голод и жажда. На мифологическом уровне часто можно констатировать наличие сексуальных отношений в среде богов и людей; но достаточно часто обнаруживается также, что боги могут быть съедены или выпиты. Это тот образный перенос в плоскость еды и питья, который содержит в себе нечто столь притягательное, что распространяется даже на сексуальную сферу. К примеру, любимой девушке говорят: «я бы тебя съел». Язык полон метафор, выражающих динамику инстинкта посредством образов, заимствованных из сферы другого инстинкта, так что невозможно заключить, что

именно служит исходным началом, главным первоисточником: «любовь», «голод», или «воля к власти». По-настоящему важно лишь то, что любая ситуация высвечивается в человеческом существе инстинкт, который наиболее точно ей соответствует; будучи жизненной необходимостью, инстинкт оказывает решающее воздействие на выбор и интерпретацию выражающего его символа.

В рассматриваемом сне обнаруживается несомненная аналогия с фаллосом; в соответствии со значением этого в высшей степени архаического символа отмеченная аналогия придает видению НЛО характер, заставляющий вспомнить понятия «плодородие» и «воспроизводство», а также — в наиболее широком смысле — «введение», «внедрение» (данный смысл содержится и в прозвище Диониса — «Энколпий»¹). «Внедрение» бога или «зачатие» богом ощущалось и аллегорически выражалось в виде полового акта. Но было бы грубой ошибкой из-за простой метафоры усматривать в подлинном религиозном переживании не более чем вытесненную сексуальную фантазию. «Внедряющееся тело» часто выражается также в форме меча, копья или стрелы.

Угрожающий вид тарелки не пугает рассказчицу даже в тот момент, когда она замечает, что летательный аппарат избрал ее в качестве мишени. При новой, непосредственной встрече первоначальный шарообразный или чечевицеобразный облик летающих объектов появляется вновь — как круглый глаз. Эта конфигурация соответствует традиционному «глазу Бога», который, будучи «всевидящим» (panskopos), исследует человеческое сердце, безжалостно снимает все покровы с души. В образе «круглого глаза» отражается понимание, интроспективное проникновение, интуитивное знание каждого о действительной целостности его собственного существа.

Глаз оказывается наполовину синим, наполовину белым. Это — цвета неба: прозрачная голубизна и накладывающийся на нее белый цвет облаков. Но и душа в ее целостности, то есть Самость, представляет собой соединение противоположных элементов. Самости не существует без интеграции того, что в человеке является его тенью²; у

Kolpos — греч. «впадина», «морской залив»; Enkolpios — «тот, кто пребывает во впадине».

«Тенью», по Юнгу, называется совокупность сохранившихся в генетической памяти индивида, но вытесненных в сферу бессознательного негативных черт. В рамках психической субстанции индивида «тень» репрезентирует дьявольское начало.

Самость всегда две стороны: светлая и темная. Кстати, именно поэтому до христианского представления о Боге — в том виде, в каком оно содержится в Ветхом Завете, — бесконечно лучше соответствует эмпирии религиозного переживания, чем «высшее добро» (Summum Bonum) христианского происхождения, базирующееся на зыбкой почве силлогизма о зле как «отсутствии добра» (privatio boni)¹. Даже такой благочестивый христианин, как Якоб Бёме², не смог избежать этого представления (кстати, наше дшегосвое красноречивое выражение в его «Сорока вопросах о душе»).

Форма капли, присущая объекту из первого сна и ассоциируемая с жидкостью (разновидностью «воды»), во втором сне сменяется округлой формой; последняя наделена способностью видеть. В соответствии с древними представлениями «видеть» означало также «излучать свет». Таким образом, увиденная во сне округлая форма способна светиться и вдобавок испускать обжигающий жар. Как можно в связи с этим сном не вспомнить невыносимое сияние, исходившее отлика Моисея после того, как он увидел Бога?³ Как не помыслить о «вечно огне, близ которого невозможно находиться»? Как не воспроизвести слов Иисуса: «Тот, кто вблизи меня, вблизи огня»?⁴

В наши дни человек, переживший опыт подобногорода, побежит скорее не к теологу, а к психиатру. Ко мне часто обращались за консультацией лица, испытывающие опасение, что в их снах или видениях можно усмотреть симп-

Privatio boni — центральный тезис теодицеи (учения об «оправдании Бога») св.

Фома Аквинского (1225 или 1226-1274), восходящий к воззрениям св. Августина (354-430), а через него — к позднеантичной неоплатонической философии. Согласно этому тезису Бог как абсолютное добро не может быть причастен к созданию зла; но не существует и другого, помимо Бога, источника бытия, ответственного за все мировое зло (на чем настаивали разнообразные еретические учения гностического толка, с которыми полемизировали как св. Августин, так и св. Фома). Таким образом, зло не имеет самостоятельного существования; это лишь ущербность добра, допустимая постольку, поскольку она позволяет лучше оттенить добро, и в этих рамках не противоречащая мировой гармонии.

Я. Бёме (1575-1624) — немецкий протестантский мистик, занимавшийся проблемой Единого, Высшего существа.

См.: Исход, 34, 35.

Эти слова содержатся в апокрифическом (не вошедшем в канонический Новый Завет) «Евангелии от Фомы» (приведены в переводе М. К. Трофимовой).

томы душевного расстройства или даже первоначальные признаки душевной болезни. На деле, однако, эти сны следует скорее воспринимать как «сны, посланные Богом» (*somnia a Deo missa*), то есть как истинные, аутентичные религиозные переживания, но явившиеся неподготовленному, невежественному и полному предрассудков сознанию. Современный образ мышления не оставляет большого выбора: все непривычное, небудничное должно рассматриваться как проявление болезни; последняя, самая главная и высшая истина для этого образа мышления — не реальность, а некая абстрактная средняя величина. Всякое ощущение ценности вытеснено ограниченным интеллектом и предубежденным разумом. Поэтому неудивительно, что после встречи с НЛО наша больная обнаружила себя в больнице с обожженным лицом. Эта подробность ее сна выражает дух эпохи и иллюстрирует современную историю.

Второй сон отличается от первого тем, что в нем четко передана внутренняя связь субъекта с летающими объектами — то, чего нет в первом сне. Летательный аппарат избрал рассказчицу в качестве мишени; он направил на нее испытующий взгляд; она чувствует себя пребывающей в поле его зрения и не может избежать встречи лицом к лицу; более того, от этого взгляда исходит излучение *магического жара*, что идентифицируется с интенсивным внутренним чувством. На языке психологии огонь — это символический эквивалент чрезвычайно сильного чувства, которое в данном случае неожиданно. Несмотря на свой страх (вполне оправданный), рассказчица проявила выдержку и перенесла встречу так, как если бы она не представляла настоящей опасности; но сразу после встречи рассказчице пришлось убедиться в том, что летательный аппарат излучает грозный жар (с подобным мы часто сталкиваемся в литературе о НЛО). Этот жар есть проекция невыявленного чувства — эмоции, усиленной до степени физического эффекта, но так и остающейся неузнанной. Непосредственная встреча с летающим объектом оказывается настолько значимой, что даже выражение лица рассказчицы во сне меняется (вследствие ожогов).

Данный эпизод заставляет вспомнить не только потрясенное лицо Моисея, но и лицобрата Николая из Флюэ1 после того, как ему явилось внушающее ужас видение Бога. Подобные факты свидетельствуют о неизгладимом переживании, следы которого оказываются заметными с той стороны: это переживание ощутимо модифицирует поведение личности в целом. С психологической точки зрения, однако, модификация остается всего лишь потенциальной до тех пор, пока она не интегрируется в сознание. Вот почему брат Николай из Флюэ был вынужден предпринять длительные исследования и предаться долгим медитациям, прежде чем в устрашающих образах ему удалось распознать видение Святой Троицы; таким образом, он смог, в полном соответствии с духом своего времени, трансформировать собственный внутренний опыт в психологическое содержание, интегрированное в сознательную сферу его «Я». Это новое содержание сыграло существенную роль в зарождении новых интеллектуальных и моральных императивов у того,

чьим достоянием оно стало. Очевидно, нашей рассказчице, равно как и всем тем, кто видит летающие объекты наяву или во сне и распространяет слухи о них, предстоит выполнить над собой аналогичную работу.

Символы Божества совпадают с символами Самости; если в душевном опыте, с одной стороны, проявляется живой образ психической целостности, то с другой стороны это выражает идею присутствия Божества. Неутверждая, что эти две сущности метафизически идентичны друг другу, отметим лишь эмпирическое совпадение их образов, порожденных психической субстанцией человека, о чем свидетельствует анализируемый нами сон. Что же касается предположений метафизического порядка, возникающих в связи со сходством образных представлений, то они, как и все трансцендентное, выходят за пределы познавательной способности человека.

Тема изолированного глаза Бога, предлагаемая сферой бессознательного в качестве возможной интерпретации летающих объектов в рассматриваемом сне, уже встречалась

1) Николай из Флюэ — швейцарский отшельник XV в., покинувший мир в возрасте 50 лет и в течение последующих 20 лет монашеской жизни приобретший огромный моральный авторитет. Брату Николаю Швейцарская Конфедерация обязана спасением от раскола, грозившего ей в 1481 г. Считается святым покровителем Швейцарии.

в древнеегипетской мифологии: вспомним Гора, отдавшего глаз ради излечения своего отца Осириса, ослепленного на один глаз Сетом. В христианской иконографии мы также встречаем глаз Бога как автономный элемент.

При исследовании порождений коллективного бессознательного все образы, имеющие безусловно мифологический характер, следует рассматривать в их символическом контексте. Образы коллективного бессознательного составляют язык, врожденный психической субстанции; они выражают собой ее структуру и ни в каком случае не являются приобретением индивидуума (особенно в том, что касается свойственной им предрасположенности к тем или иным проявлениям). Психическая субстанция человека, несмотря на такие специфические способности, как сознание и способность к обучению, остается все-таки природным явлением, во многом сходным с психической субстанцией животных: ее фундамент состоит из врожденных инстинктов, которые изначально складываются в сравнительно четко очерченную, неизблемую до определенных пределов форму (архетипы), детерминирующую, таким образом, специфическую наследственность вида. Преднамеренность, произвольность действий, индивидуальные различия — все это позднейшие завоевания, связанные с эмансипацией сознания, его освобождением от чистой инстинктивности. Когда речь заходит об архетипических формах, любые попытки интерпретации, основанные на персоналистских соображениях, приводят к ошибкам. Напротив, сравнительная история символов оказывается плодотворной не только на научном плане, но и потому, что с практической точки зрения она способствует углубленному пониманию явлений. Использование сравнительной истории символов — я называю это *амплифицирующим* (усиливающим) методом — приводит к результату, который поначалу кажется не более, чем обратным переводом на первобытный язык. Так бы оно и было, если бы понимание, которого мы хотим достичь, обращаясь к сфере бессознательного, имело односторонне интеллектуальную природу; но на деле нашей целью является глобальное понимание, учитывающее, что помимо своего формального выражения архетип обладает особой выразительностью духовного, божественного порядка, которая активно воздействует на

ценности и чувства. Подобное воздействие может, конечно, оставаться неосознанным в результате его искусственного вытеснения в сферу бессознательного. Хорошо известно, однако, что первейшим следствием вытеснения оказывается невроз: вытесненный аффект тем не менее сохраняется и обнаруживает для своего проявления новые, неадекватные пути и обстоятельства.

Как намудалось убедиться на основании анализа, феномен НЛО затрагивает глубинные слои бессознательного, которые в процессе исторического развития неизменно выражаются в виде *нуминозных представлений* ¹. Именно последние наделяют значимостью явления, загадку которых мы пытаемся выяснить — ведь благодаря нуминозным представлениям мы имеем дело не просто с аккумулярованными в глубинах человеческого существа историческими воспоминаниями или с констатациями из области сравнительной психологии, но с актуальными аффективными процессами первостепенной важности.

По сравнению с техническим порядком воздушное пространство и небесная сфера в наши дни более, чем когда-либо, стали предметом необычайно пристального внимания. Это относится в особенности к летчикам, чье поле зрения заполнено как сложной аппаратурой кабины, так и огромным пространством неба. С одной стороны, сознание летчика сосредоточено на деталях, требующих тщательного наблюдения; с другой же стороны его бессознательное стремится заполнить безмерную пустоту пространства. Но дисциплина и так называемый «здоровый смысл» не позволяют ему прислушиваться ко всем внутренним порывам и поползновениям, которые, став объектом осознанного восприятия, могли бы компенсировать пустоту и одиночество полета. Подобная ситуация создает идеальные условия для спонтанного появления психических феноменов; это может подтвердить любой человек, проводивший достаточно долгое время в одиночестве, перед лицом тишины пустоты моря, гор, пустыни или девственного леса. Банальный рационализм и скука выступают преимущественно как следствия перенасыщенных стимулами потребностей, характерных для жизни в городах. Горожане ищут

1) «Нуминозный» — ассоциируемый понятием «Божества» (от латинского *pumen* — «бог» /языческий/).

искусственные стимулы, чтобы выйти за пределы банальности; одинокому человеку их искать не приходится — они сами являются как нему.

Опыт, пережитый отшельниками-аскетами, учит нас, что в ситуации биологического бедствия, вызванного самоограничением, компенсаторные психические феномены возникают у них спонтанно, независимо от их желания, то есть без вмешательства сознания; это относится как к нуминозным образам, порождающим позитивные ощущения, так и к видениям и галлюцинациям, которые могут восприниматься негативно. В первом случае образы исходят из той области бессознательного, которой субъект приписывает духовный потенциал. Во втором случае источником образов является пресытивший субъекта мир — хорошо известный ему мир инстинктов, где обильно накрытые столы и полные кубки служат утолению голода и жажды, прекрасные и обольстительные существа в сладострастных видениях предлагают себя для удовлетворения вытесненных сексуальных желаний, картины богатства и земного могущества заслоняют действительные бедность и убожество, а голоса, шумы и музыка стремятся оживить невыносимую немоту полного одиночества. Если во втором случае проекции фантазий легко удается интерпретировать как образы, порожденные вытесненными желаниями, то с «позитивными» видениями дело обстоит иначе: их появление нельзя приписать вытесненным желаниям. Напротив, они соответствуют вполне осознанному желанию, которое как раз поэтому не может быть источником проекции: ведь психическое содержание обнаруживает себя в форме проекции только в том случае, когда его принадлежность «Я» остается неизвестной сознанию. Поэтому от гипотезы о вытесненном желании приходится отказаться.

Отшельники ищут духовного переживания, жертвуя ради этой цели своим физическим существом. Легко понять, что растоптанный мир его инстинктов реагирует порождением целого ряда нежелательных проекций. Но его духовный мир, со своей стороны, отвечает проекциями позитивной природы, что с точки зрения нашего сциентистского рационализма кажется неожиданным и вызывает удивление. На деле в подобной ситуации духовная сфера не испытывает никаких лишений и потерь; напротив,

ей субъект отдает всю свою преданность, все свое внимание, посвящает ей молитвы, медитации и другие духовные упражнения. Таким образом, духовная сфера индивидуума — если придерживаться гипотезы компенсаторного желания — не должна испытывать никакой потребности в компенсации. Конечно, ее односторонний характер, приводящий к истощению тела, провоцирует бурную компенсаторную реакцию мира инстинктов; тем не менее спонтанное появление позитивных проекций, то есть нуминозных образов, соответствующих стремлениям субъекта, воспринимается как благодать, как божественное откровение, что, к статистическому подтверждению, содержится в видениях. Психологически видения воздействуют вроде бы так же, как и неудовлетворенные инстинкты — даже несмотря на очевидные старания стремящегося к святости отшельника сделать все, что в его силах, для поддержания и развития собственной духовной жизни. Он прилагает все возможные усилия, дабы не допустить в себя принижения духовного существа, и поэтому, в сущности, совершенно не должен нуждаться в компенсации.

Оставаясь перед лицом подобной загадки на почве столь успешно проверенной на практике теории компенсаций, мы неизбежно приходим к следующему предположению: духовная ситуация отшельника — это состояние скудости и неудовлетворенности, настоятельно требующее соответствующей компенсации; внешние проявления, если даже они противоречат сказанному, ничего по существу не меняют. Можно было бы сказать так: если физический голод утоляется — хотя бы в фигуральном смысле — видением обильного пиршества, то голод души заглушается зрелищем нуминозных образов. Но все равно сама причина возникновения этого голода души остается неразъясненной. Отшельник готов пожертвовать своей жизнью ради обладания «сверхъестественным хлебом» (*panis supersubstantialis*) — единственным средством, способным утолить его голод. Но для этого в его распоряжении есть вера, учение, благодать и другие средства Церкви. Чего же ему еще недостает? Ведь на самом деле нивера, ни учение, ни благодать не способны удовлетворить его ненасытное желание.

Единственное, чего отшельник жаждет — это действительное событие, *непосредственный опыт* духовной реальности, в какой бы форме он ни проявился. Его не слишком занимает, будет ли эта форма конкретной или символической; он предвкушает не физическую осязаемость земной вещи, а возвышенную неосязаемость духовного видения. Этот интенсивно предвкушаемый непосредственный опыт сам по себе является компенсацией пустоты и бесплодности традиционных ритуалов и форм. И вот перед глазами отшельника действительно возникает нуминозный образ — образ, не сотворенный им самими, столь же «реальный» (поскольку «воздействующий»), сколь и иллюзорные видения, вызванные подавленными инстинктами. Но если порождения ущербного мира чувств казались ему нежелательными и неприятными, то это нуминозное содержимое благодаря своей спонтанности и реальности воспринимается как нечто желанное. Пока нуминозные элементы так или иначе сохраняют традиционные формы, отшельник не испытывает беспокойства. Но когда, благодаря необычным или шокирующим моментам, они начинают обнаруживать свою архаическую природу, возникают вопросы и болезненные сомнения. Отшельник спрашивает себя: быть может, эти дорогие его сердцу образы так же иллюзорны, как и миражи, порожденные его чувственным существом? Откровение, показавшееся поначалу божественным, может обрести черты «дьявольского обмана» (*diabolica fraus*) и быть им проклято. В чем же состоит отличие одного от другого? Единственный возможный критерий — традиция, а не соответствие реальности (как в случае с пищей, которая может быть иллюзорной или настоящей). Видение и его нуминозное содержимое относятся к области психического: здесь дух отвечает другому духу, тогда как при соблюдении поста потребность в еде порождает отклик в виде галлюцинации, а не в виде настоящей еды. Выражаясь фигурально, дух «расплачивается по счету» полновесной и звонкой монетой, тогда как в случае пищевого миража мы имеем дело с необеспеченным чеком. Вот почему первый случай приносит удовлетворение, тогда как второй — нет.

И тем не менее в обоих случаях структура феномена одна и та же: для

утоления телесного голода человеческое существо нуждается в земной пище, а для утоления голода души — в нуминозном содержимом, которое по природе своей архетипично и которое всегда представляет собой настоящее откровение. Христианская символика, подобно всемирным религиозным представлениям, основывается на архетипических началах, происхождением своим уходящих в доисторические времена. Символика изначально развивается из целостности и в силу этого обстоятельства включает в себя все возможные инстинкты и интересы человека; именно отсюда и происходит нуминозность архетипа. Вот почему в сравнительной истории религий мы постоянно сталкиваемся с религиозными и духовными аспектами, составляющими единое целое с проявлениями сексуальности, голода, инстинкта борьбы и власти и т.п. Вот почему неиссякаемым источником религиозной символики в любую историческую эпоху является тот инстинкт, который именно в данную эпоху особенно актуален и причиняет людям наиболее серьезные заботы. Существуют сообщества, для которых голод важнее сексуальности, и наоборот. *Так, наша цивилизация обуздывает нас не столько пищевыми запретами, сколько сексуальными ограничениями. Даже в современном обществе сексуальность играет роль скорбленного божества, способного предъявлять свои требования косвенным образом в самых неожиданных областях; в области психологической науки это вырывается в виде догматической претензии свести дух к вытесненной сексуальности.*

Тем не менее частичная интерпретация символики под углом зрения сексуальности должна быть воспринята всерьез. Если бы стремление к духовным целям не представляло собой настоящего, независимого инстинкта, если бы оно являлось не более чем следствием определенного социального развития, объяснение с привлечением сексуальных категорий следовало бы признать наиболее правдоподобным и естественно напрашивающимся на ум. Но если даже жажде единства и целостности придается значение подлинного инстинкта и в основу объяснения кладется именно данный принцип, все равно остается фактом наличие прочной связи между сексуальным инстинктом и стремлением человеческого существа к целостности. Отвлекаясь от интересов и забот религиозного порядка, можно утверждать, что именно сексуальность представляет для современного человека наиболее явный и личностный вызов. Конечно, вполне можно предположить, что подобную роль играет и инстинкт власти, способный доминировать над личностью в еще большей мере, нежели сексуальность: темперамент и личная предрасположенность определяют, какой из этих двух инстинктов окажется сильнее в каждом отдельном случае.

Ясно, однако, следующее: важнейший из фундаментальных инстинктов человека, а именно религиозный инстинкт, заставляющий человеческое существо стремиться к достижению собственной целостности, играет в коллективном сознании нашей эпохи наименее заметную, наименее явную роль. С исторической точки зрения данное обстоятельство может быть объяснено тем, что религиозный инстинкт освобождается от контаминации сексуальностью и инстинктом власти огромным трудом и с постоянными «отступлениями». Сексуальность и инстинкт власти всегда могут апеллировать к повседневной действительности, подтверждающей их значимость своими самыми обычными проявлениями, тогда как инстинкт целостности требует сознания, находящегося на высоком уровне дифференцированности, а также таких достоинств, как благоразумие, рассудительность, способность к рефлексии, чувство ответственности и др. Поэтому инстинкт целостности мало воздействует на человека со слабо развитым сознанием, безвольно поддающегося импульсам земной природы, целиком погруженного в хорошо знакомый ему мир, цепляющегося за обычную повседневность и за конкретные чувственные ощущения, в которые он верит, приписывая им всеобщую значимость; кажется, что жизнь такого человека проходит под девизом: «Думать — это тяжелое и неприятное усилие; поэтому пусть судит стадо». Вот почему большинство достаточно судить о мире, пробираясь по нему вслепую.

Ординарный человек испытывает большое облегчение, когда нечто, кажущееся

сложным, необычным, непонятным, способным создавать дополнительные жизненные трудности и проблемы, удается свести к чему-то банальному, обычному, понятному; облегчение оказывается вдвойне приятным, если обнаружившееся решение представляется на удивление, до смешного простым. Всегда есть возможность в качестве наиболее естественного и ясного объяснения привлечь сексуальность или волю к власти — категории универсальные, присутствующие всегда и везде. Редукция, сведение всего многообразия явлений к этим двум фундаментальным доминирующим инстинктам доставляет рационалистически и материалистически настроенному разуму удовлетворение, которого нельзя недооценивать (впрочем, обычно оно и не скрывается): ведь при этом сложные, полные интеллектуальных и нравственных опасностей проблемы решаются с виду просто и окончательно. Кроме того, возникает приятное чувство полезности проведенной работы, благодаря которой личность получает ясное представление о навязанных ей моральных и социальных ограничениях и, почувствовав их ненужность, освобождается от них. Любой, сумевший по-новому, на рациональной основе, объяснить непонятные явления жизни, может вслед за рационалистами XVIII в. рассчитывать на лавры благодетеля человечества.

Но при более внимательном взгляде на вещи все выглядит иначе. Избавляя человека от, казалось бы, трудного и безвыходного положения, сексуальность ставит его перед худшей дилеммой: рассудочное вытеснение, подавление инстинкта или цинизм, опустошающий душу. Аналогично обстоит дело и с инстинктом власти, который вначале ведет к идеализму социалистического толка, а затем очень скоро скатывается к коммунизму, превращающему полмира в государственную тюрьму. Так или иначе, в результате неумолимого давления со стороны сексуальности или инстинкта власти, главная цель личности, стремящейся к достижению своей целостности (то есть, иначе говоря, к освобождению), обращается в собственную противоположность. Образуется порочный круг: важная жизненная задача остается невыполненной, а предназначенная для нее энергия уходит на то, чтобы подпитывать притязания двух других инстинктов, которые всегда, во все времена почти патологическим образом сдерживали высшее развитие человека. Стремление индивида к целостности, приводящее к результатам, противоположным изначальной задаче, играет большую роль в возникновении характерных для нашего времени неврозов; можно сказать, что именно подобная инверсия в первую очередь ответственна за разрыв, который наблюдается между человеком и миром. Чаще всего человек не хочет видеть, не желает воспринимать *собственную тень*, и поэтому его правая рука уже не знает, что делает левая.

Правильно оценивая и воспринимая данные подобного рода, Католическая Церковь — несмотря на то, что сексуальные грехи она относит к числу легких, — преследует сексуальность повсюду с огромным упорством, как если бы та была ее самым страшным врагом. Таким образом, Церковь обостряет всеобщее внимание к сексуальной сфере, пагубное для слабых духом, но одновременно способствует развитию рефлексии и расширению сферы воздействия сознания у более сильных натур. Показная пышность католической церкви, столь активно критикуемая протестантским миром, имеет своей очевидной целью дать естественному инстинкту власти в наглядной форме почувствовать истинную власть и мощь духа. Такая подчеркнутая демонстративность бесконечно более эффективна, чем любой логический аргумент — ведь логическим аргументам никто не хочет следовать. В нашем обществе едва ли один человек из тысячи способен воспринять доводы разума; остальные поддаются лишь той силе внушения, которая исходит от наглядных представлений.

Вернемся вновь к проблеме сексуальной интерпретации. Если мы зададимся вопросом о психологической структуре религиозного опыта — то есть опыта, приводящего к целостности, исцеляющего, спасительного, всеобъемлющего, — мы придем к следующей простой формуле, определяющей эту структуру: *в религиозном переживании человек оказывается лицом к лицу с некоей психологически пре восходящей его «инакостью»*. Образ этого могущества может быть описан только тем, кто сам пережил религиозный опыт; любые

логические и физические доводы здесь не действуют. В конечном счете — и это очень важно — образ является человеку, только будучи облаченным в форму, свойственную психической субстанции. Впрочем, было бы преувеличением считать этот образ чисто духовным: опыт показывает, что возникающие видения могут — в зависимости от наклонностей психики — облачаться в сексуаль-

1) См. : C .G. Jung. *Psychology and Religion*. — New Haven, Yale University Press, 1938.

ную форму или в форму какого-либо иного вырожденного импульса, который ни в каком случае не может быть квалифицирован как духовный. Лишь высший, торжествующий религиозный опыт — независимо от того, какую форму он избирает для своего проявления, — способен высветить в человеческом существе его целостности побудить его действовать, исходя из этой целостности. Невозможно доказать, что такие вещи происходят или должны происходить, как нельзя доказать и то, что по своей природе они выходят за рамки психического¹: сторонний наблюдатель строит свое представление о нем лишь на основании свидетельств и признаний тех, кто его непосредственно пережил.

В нашу эпоху грубого пренебрежения к душе (что характеризует глубоко материалистический, статистический образ мышления современного человека) только что высказанная мысль может быть воспринята как критика религиозного опыта и даже как его осуждение. Ничего подобного мы не имели в виду. Мы лишь утверждаем, что рассудок среднего современного человека обычно ищет убежища либо в безверии, либо в наивной и примитивной доверчивости — как будто эти крайности способны помочь его истощенному разуму обойти загадки собственной души, являющейся для него не более, чем неосознанным туманом.

Современная мысль держится на альтернативе: либо вешние, контролируемые факты, либо иллюзии, созданные «вытесненной» сексуальностью или стремлением к компенсации неполноценности. В дополнение и в противопоставление этой ложной альтернативе я предлагаю признать за душой собственную, присущую ей реальность, и собственное измерение. Ведь несмотря на прогресс химии мы все еще очень далеки от биохимического объяснения явлений сознания; более того, законы химии не охватывают даже селективных процессов, лежащих в основе усвоения пищи, не говоря уже о процессах саморегуляции и самосохранения организмов. Независимо от того, какова именно конституция и реальность души, она совпадает с реальностью жизни даже выказывает определенную связь с законами,

1) Нельзя доказать также, что они «только» психические (прим. автора).

которые подчинены формы неорганического мира. Кроме того, душа отмечена свойством, которое обычно воспринимается как ложное, а именно — свойством релятивизации пространства и времени, в суть которого попытается проникнуть парапсихология.

После открытия эмпирического бессознательного психическая субстанция, вместе совсем происходящим в ней, получила права гражданства среди природных данностей. Ее больше не считают плодом произвольных мнений, а ее проявления — как призмами беспочвенного сознания. Благодаря открытию бессознательного мы теперь знаем, что неустойчивое, калейдоскопически подвижное сознание покоится на «статичном»² и, во всяком случае, в высшей степени консервативном фундаменте инстинкта и его специфических образных форм — архетипов. Мир психических глубин проявляет себя как партнер или противник сознания, которое ввиду своей мобильности, гибкости, способности воспринимать новое содержание (то есть способности к обучению) часто подвергается опасности утратить свои корни³. Эта опасность испокон веков заставляла людей совершать обряды, гарантирующие «сотрудничество» со стороны бессознательного. Люди первобытного мира стараются предотвратить неприятности, которыми чревато недостаточное внимание к богам, духам, судьбе, магическим свойствам места и времени; они принимают как должное тот факт, что воля человека есть не более, чем частичка глобальной ситуации.

Образ действий первобытного, природного человека характеризуется цельностью, от которой цивилизованный человек стремится избавиться как от

Несомненная заслуга этого открытия принадлежит Юнгу. С особой полнотой бессознательное, как автономная природная данность, рассмотрено в фундаментальном труде: C. G. Jung. Die Beziehungen zwischen dem Ich und dem Unbewußten. — Zürich, Rascher, 1933.

Прилагательное «статистический», использованное в оригинальном немецком издании, по всей видимости, возникло в результате опечатки: statistisch вместо statisch.

Я прошу моего читателя впредь отвергать любые попытки сводить проблему психических глубин к «метафизике». Подобное мнение — грубая ошибка, часто допускаемая даже специалистами. В мире глубин речь идет не о «метафизике» а об инстинктах, воздействующих не только на внешнее поведение, но и на психическую структуру; психическая субстанция — не произвольная выдумка, а биологическая данность, подчиняющаяся законам жизни (прим. автора).

ненужного бремени: ему кажется, что без нее можно обойтись.

Этот феномен очень важен: в нем выражается уровень дифференциации сознания, дающий, с одной стороны, повод для положительной оценки, но одновременно влекущий не менее серьезный отрицательный результат в виде распада изначальной целостности автономные функции, которые вступают между собой в конкурентные отношения и даже в борьбу. Дифференциация сознания в соответствии с инстинктами оказывается неизбежной; но наряду с этим достижением неизбежными оказываются также отрицательные последствия расщепления изначальной целостности. В настоящее время утрата целостности ощущается все более и более остро и глубоко. Напомним хотя бы о «дионисийском прорыве», описанном Ницше¹, и о той тенденции в немецкой философии, наиболее ярким выражением которой явилась книга Клагеса «Дух как противник души»². В результате расщепления, дробления целостности различные функции сознания подвергаются растущей дифференциации, вплоть до того, что некоторые из них полностью освобождаются из-под контроля со стороны других функций и достигают своего рода автономности; в их замкнутый «мир» все остальные психические функции и элементы допускаются лишь постольку, поскольку они подчиняются диктату доминирующей функции. В результате этого процесса сознание выходит из состояния равновесия: например, в условиях, когда доминирует интеллект, продиктованные чувством суждения вынуждены отступать в тень, и наоборот. Когда торжествует ощущение реальности, побежденной оказывается интуиция, меньше всего

Имеется в виду противопоставление аполлонического и дионисийского начал, введенное Ницше в книге «Рождение трагедии из духа музыки» и относящееся к античному искусству; первое из этих начал характеризует искусство пластических образов, тогда как второе — музыку. Эти разъединенные художественные миры Ницше символически представляет как мир сновидения (аполлонический) и мир опьянения (дионисийский). В дионисийских мистериях он усматривает пробуждение символических сил (сил музыки) от аполлонического сна.

Людвиг Клагес (1872-1956) — немецкий психолог и философ «неоромантического» направления, один из основателей научной графологии.

обращающая внимание на конкретные, даже очевидные данности; и наоборот, когда доминирует интуиция, субъект живет по ту сторону реальности, в гипотетическом мире недоказуемых возможностей. Подобная эволюция психической субстанции, конечно, способствует полезной специализации, но одновременно она приводит к достойной сожаления односторонности.

Именно наша односторонность заставляет нас видеть вещи только под одним углом, только с одной точки зрения, и сводить все их разнообразие к одному-единственному принципу. В области психологии эта тенденция мышления неизбежно

чреватаоднoboкими интерпретациями. Например,экстравертно настроенный человек будетотстаивать такое представление опсихической субстанции, согласнокоторому она целиком проистекает изокружающих воздействий; напротив,интроверт попытается свести психическуюсубстанцию к наследственным психофизическимсклонностям и к обусловленным этимисклонностями интеллектуальным иаффективным факторам¹. Обе точкизрения объясняют психику механистически.Если кто-либо попытается воздать должноеобеим противопоставленным концепциям,его непременно обвинят в обскурантизме;и все-таки нужно учитывать обе эти точкизрения, даже если это приведет к целойсерии парадоксов.

Вотпочему во имя избежания излишнеймножественности объяснительныхпринципов принято отдавать предпочтениетому или иному из легко выявляемыхфундаментальных инстинктов, в ущербвсем остальным. Ницше в качестве основыберет силу и стремление к завоеваниям,тогда как Фрейд — удовольствие и неспособность его достичь. Ницшепризнает бессознательное в качестведостаточно важного фактора; длятеории Фрейда оно становится непереннымусловием, однако он не преодолеваетпредставления о нем как о чем-то всущности второстепенном, возникшем«всего лишь» в результате вытеснения.Что

1) Термины«экстраверт» и «интроверт», обозначающие,в наиболее общем плане, два типаотношения человека к окружающему миру,были введены Юнгом в его широко известнойработе: C. G. Jung. Psychologische Typen. — Zürich,Rascher, 1921.

касаетсяАдлера¹, то для него все ограничиваетсясубъективной психологией «престижа»;бессознательное как фундаментальный,а при известных условиях — и решающийэлемент, вообще исчезает из поля егозрения. Та же судьба постигла бессознательноев рамках фрейдовского «психоанализа»в том виде, в каком его практиковалипсихоаналитики последующих поколений.

Многообещающееначало фрейдовской психологиибессознательного остановилось наодном-единственном архетипе —«Эдиповом комплексе»²; оно ненашло развития и в работах его ближайшихучеников. Будучи связанным с инцестом(кровосмешением), «Эдипов комплекс»достаточно убедительно объясняетсяна основании сексуального инстинкта,так что при отсутствии потребности вболее серьезном философском обоснованиитакое объяснение можно счестьудовлетворительным. То же относится кизлюбленной Адлером воле субъектак власти. Как Фрейд, так и Адлер добровольнозамкнулись в рамках собственныходносторонних, «инстинктивных»предположений, не допускающих никакойвозможности признания правоты другойстороны и вследствие этого неизбежноприводящих к тупику фрагментарныхобъяснений.

Всесказанное не отменяет того обстоятельства,что в своих ранних работах Фрейд наметилподходы, способные привести к феноменологиипсихической деятельности и воссоздатьее историю. Благодаря этому могла бывозникнуть более или менее целостнаякартина психической субстанции —ведь проявления последней не ограничиваютсячисто субъективной сферой, свойственнойтолько *данной* личности, но охватываютколлективные психические явления,о существовании которых Фрейду былоизвестно по крайней мере в принципе: обэтом свидетельствует фрейдовскоепонятие «Сверх-Я». Но его теория и егометод

Альфред Адлер (1870-1937) — австрийский психиатр и психолог, один из ближайших учеников и сподвижников Фрейда, также, подобно Юнгу, порвавший со своим учителем из-за несогласия с «сексуальной теорией» последнего.

Суть «Эдипова комплекса», по Фрейду, состоит в сексуальном влечении мальчика к матери и агрессивном отношении к отцу как к сопернику. Вытесняемый по мере взросления организма в сферу бессознательного, «Эдипов комплекс» становится основой «Сверх-Я» — вместилища моральных ценностей субъекта.

слишкомдолгое время были достоянием *врача*, вынужденного по роду

деятельности заниматься индивидами, чьи неотложные личные проблемы интересовали его в первую очередь.

Поначалу Фрейд совершенно не имел возможности задаваться вопросом о глубинных основах собственной теории и размышлять над неизбежно возникающими при этом проблемами исторического порядка. Его естественнонаучная подготовка, равно как и его практическая деятельность, принесли мало пользы, когда он пытался разобраться в общих предварительных условиях любого психологического знания. Вот почему он совершенно пренебрег сравнительной психологией (впрочем, полной сложных и неясных моментов) и сходу занялся такой зыбкой, основанной на предположениях областью, как первобытная история психической субстанции человека. Покинув твердую почву, он обошел своим вниманием этнологию и историю, и почти непосредственно перенес знания, приобретенные в процессе лечения современных невротических больных, в обширную сферу первобытной психологии. Фрейд не вполне отдавал себе отчет в том, что под другими широтами, в других условиях могут господствовать другие ценности и действовать другие психические доминанты.

Фрейдовская школа осталась верна эдиповской теме, то есть архетипу инцеста — чистосексуалистской концепции, не учитывающей, что «Эдипов комплекс» свойствен только мужчинам, что сексуальность — не единственная возможная доминанта психической деятельности, и что инцест, будучи неразрывно связан с религиозным инстинктом, может представлять собой не столько причину его возникновения, сколько способ его выражения. По данному вопросу я могу указать свою работу «Метаморфозы души и ее символы», которая, впрочем, для многих остается книгой за семью печатями. Сам Фрейд, открывший «Эдипов комплекс», не последовал за мной в направлении, начало которому было положено им самим, и не оказался готов признать правоту моей точки зрения. Его «психоаналитическая» школа так и осталась в плену сексуальной теории.

Безусловно — и это следует подчеркнуть — сексуальная гипотеза обладает большой убедительностью, поскольку она затрагивает один из важнейших инстинктов. То же

относится и к гипотезе о воле к власти, апеллирующей не только к импульсам отдельных личностей, но и к политическим и социальным устремлениям. И все же напрасно было бы искать в современной науке попытку сопоставить или примирить эти две фундаментальные, но противоречащие друг другу точки зрения. Впрочем, как представляется, существует лишь одна возможность разрешения противоречий; это — признание понятия «Самость», благодаря своей особой природе охватывающего как личность, так и общество. Опыт показывает, что архетипы обладают свойством *трансгрессивности* («переходности»), то есть способностью в некоторых случаях проявлять себя так, как если бы они принадлежали в равной мере и обществу, и личности. Вот почему они нуминозны и заразительны (то есть легко переходят от одного индивидуума или группы индивидуумов к другому индивидууму или группе). Способностью волновать обладает лишь тот, кто сам взволнован до глубины души. В некоторых далеко не редких случаях именно трансгрессивность определяет полное смысловое совпадение, то есть синхронные, не имеющие общей причины феномены; об этом свидетельствуют исследования Райна в области экстрасенсорного восприятия¹.

Инстинкты — составная часть живой целостности. Они интегрированы в эту целостность и подчинены ей. Их освобождение и превращение в автономные сущности приводит к хаосу и нигилизму, так как при этом единство и целостность личности разрушаются, а в итоге разрушается сама личность. Высшая задача психотерапии заключается как раз в том, чтобы сохранить, а в случае нужды восстановить единство и целостность личности. Не следует полагать, что целью воспитания является подготовка рационалистов, материалистов, «техников», короче говоря — лиц, которые, не осознавая своих корней, обречены на метания в современном обществе, внося таким образом свой вклад в раскол и расщепление социального организма. Одновременно никакая психотерапия не может претендовать на достижение

удовлетворительных результатов, ограничи-

1) Дж.Б. Райн (Rhine) — американский психолог, основоположник экспериментальной науки о сверхчувственном восприятии, автор фундаментальных трудов по парапсихологии: Extra-Sensory Perception, 1934; New Frontiers of the Mind, 1937.

вая свое поле деятельности тем или иным изолированным, отдельным аспектом. Но тенденция к ограничениям, характерная для нашей современной цивилизации (интенсивность которой исчерпывает силы даже самых стойких людей), влечет за собой крайне серьезную опасность утраты инстинктов. Проявления любого инстинкта должны исследоваться и фиксироваться с большой тщательностью, поскольку они составляют часть целостного образа человеческого существа; следует четко уяснить себе, что они необходимы для сохранения равновесия.

Таким образом, сексуальный аспект НЛО по праву должен привлечь наше внимание, ибо благодаря ему становится ясно, что в структуре явления определенная роль принадлежит мощному сексуальному инстинкту. По-видимому не случайно в одном из снов обнаруживается женский, а в другом — мужской символ (чечевица и сигара): появление символа одного из полов на вполне «законных» основаниях может быть дополнено появлением символа противоположного пола.

Итак, видение, явившееся во сне, представляет собой символ, который не просто черпает свои элементы из наделенных репрезентативной силой архетипических форм, но и добавляет к ним элементы инстинктивной природы. Совокупность тех и других позволяет ему с полным основанием претендовать на «реальность»: символ перестает быть только «историческим» и становится актуальным и динамичным. Итак, символ обращается не только к сознательному техническому воображению человека или к его философским спекуляциям; он также поражает его «нутро», глубины его «животного» существа. Именно поэтому истинный символ столь желанен: он охватывает и выражает всего, или почти всего, человека. Даже если интерпретация, ограниченная сексуальной точкой зрения, кажется неполной и огрубленной (как в разбираемом случае), ее все равно нельзя отбрасывать или недооценивать; напротив, мы должны отвести ей подобающее место.

Инстинкты власти также не теряет своих прав ни в одном из двух анализируемых снов. Рассказчице предоставлена привилегия находиться в уникальной ситуации — наблюдать событие с близкого расстояния; она оказывается избранным существом, чье лицо обжигает божественный

огонь. Но обе точки зрения — как сексуальная, так и основанная на воле к власти — в той мере, в какой они претендуют на свою исключительность, неизбежно изгоняют из поля зрения символический смысл обоих снов и сосредотачиваются не на самом субъекте, а только на инстинктивном проявлении. В очередной раз демонстрируется ничтожество личности по сравнению со всемогуществом инстинкта. Конечно, для любого, кому не удавалось наблюдать хрупкость человеческого существа перед лицом импульсивной брутальности инстинкта, подобная констатация явилась бы впечатляющей новостью. Но наша рассказчица — отнюдь не наивное существо с ограниченным кругом представлений, и поэтому сводить весь смысл ее снов только к инстинктивной стороне было бы совершенно неправомерно. Как раз наоборот, она относится к числу современных людей, хорошо понимающих и чувствующих значение устранения личности; обусловленное этим устранением парализующее чувство никчемности и потерянности компенсируется сном, в котором рассказчица, единственная из всего своего окружения, противостоит панике и способна уяснить ее причину. Именно на нее направляет свое внимание внеземной объект; именно ее он отмечает своим пылающим знаком, давая ей тем самым возможность ощутить свою силу. Таким образом, она оказывается единственной «избранницей». Естественно, подобная акция бессознательного имеет полезный смысл только для того индивидуума, который вследствие неполноценного характера своей жизни рискует погрязнуть в чисто функциональном существовании.

Приведенный случай — образец проявления страха и неуверенности, столь

характерных для нашей эпохи. В то же время он служит примером компенсации, протекающей из бессознательного.

ТРЕТИЙ СОН

Третий сон представляет собой часть более обширного контекста. Он был зафиксирован примерно в 1952 г. у пациентки сорока двух лет, никогда ничего не слышавшей ни о НЛО, ни о чем-либо подобном.

Рассказчица видит себя в собственном саду. Внезапно она слышит над собой гул мотора. Она устраивается на садовой ограде, чтобы разглядеть, что происходит. Появляется черный металлический летательный аппарат и кружит над ней; он выглядит как большой металлический летающий паук с большими темными глазами. Аппарат имеет округлую форму; это — новый самолет, единственный в своем роде. Из тела «паука» исходит торжественный, ясный и сильный голос, произносящий молитву, которая содержит некое важное сообщение, предостережение для всех тех, кто находится на земле, а также для пассажиров «паука». Смысл молитвы сводится к следующему: «Веди нас вниз, держи (храни) нас внизу... Вознеси нас на небо!».

Непосредственно садом соседствует большое административное здание; здесь принимаются решения на межгосударственном уровне. На необычно бреющем полете «паука» едва не касаются окон здания, явно намереваясь своим голосом воздействовать на его обитателей и указать им путь, ведущий к установлению мира, а именно — к установлению внутренней гармонии. Таким образом, они обязаны принять миротворческие решения. В саду есть и другие зрители. Рассказчица испытывает чувство не ловкости, так как она не вполне одета.

КОММЕНТАРИЙ К ТРЕТЬЕМУ СНУ

В части сна, предшествующей изложенному отрывку, говорится о том, что кровать рассказчицы стоит у садовой ограды. Таким образом, рассказчица спит под открытым небом, на лоне природы, что с психологической точки зрения означает ее открытость во сне коллективному бессознательному: ведь последнее представляет собой своего рода психологический эквивалент окружающего мира и поэтому постоянно проецируется на него. Ограда указывает на границу, отделяющую близкий рассказчице мир, ее привычное окружение, от более далеких сфер (административное здание). Появляется округлый металлический летательный аппарат, уподобляемый летающему пауку. По описанию это — НЛО. По поводу отождествления аппарата с пауком следует вспомнить распространенную гипотезу, будто НЛО — это инопланетные насекомые с блестящей металлической скорлупой (сходный вид имеет отливающий металлическим блеском хитиновый панцирь скарабеев¹). По этой гипотезе каждая «летающая тарелка» является самостоятельным живым существом².

Я должен признаться, что читая многочисленные опубликованные сообщения, я также пришел к выводу о бросающемся в глаза сходстве единственного в своем роде поведения летающих тарелок с поведением некоторых насекомых. Отдавшись волевоображения, можно представить себе, что в других жизненных условиях природа вполне способна выразить свое «знание» совершенно непривычным нам образом; например, вместо светляков она могла бы создать существа, обладающие «антигравитацией». Во всяком случае, наша техническая изобретательность часто очень отстает от изобретательности природы.

Все предметы нашего опыта подвержены действию гравитации; единственное исключение — *психическая субстанция*, которая как вещь «в себе» принципиально лишена тяжести. Представляя себе отсутствие тяжести, мы непременно ссылаемся на психическую субстанцию, душу; желая «овеществить» психическое содержание, мы приходим к неизбежному выводу, что в рамках наших представлений постулируемый «психический объект» и гравитация несовместимы, они отличаются друг от друга своей самой глубинной сущностью. Психическая субстанция — это единственная известная нам «антигравитация» в точном смысле слова. Эти размышления

могут быть подтверждены опытом парапсихологии — например, левитацией и другими психическими явлениями, которые заставляют нас признать относительность наших концепций времени и пространства и отрицаются ныне только несведущими

Скарабей — род наземного жука, священный «тотем» древних египтян.

Э. Зиверс (E. Sievers) в своей работе *Flying Saucers* (1952; Бер

лине, 1957) приводит гипотезу Джералда Херда (Heard), согласно которой летающие тарелки могли бы быть марсианской разновидностью пчел (Is another World Watching? The Riddle of the Flying Saucers. — London, 1950). В работе: Harold T. Wilkins. *Flying Saucers on the Attack* рассказывается о падающих с неба нитях, выпущенных каким-то неизвестным пауком (прим. автора).

людьми. «Летающий паук» из разбираемого сна явно относится к плодам бессознательного воображения этого рода. Кстати, в литературе о НЛО есть упоминания летающих пауков как о возможном источнике «дождя нитей», имевшего место в Олороне и Гайяке¹. Нужно упомянуть о возможных ассоциациях из области современной технической фантазии (новый и уникальный «самолет»).

Психическая природа «паука» проявляется в его «голосе», который может принадлежать только существу, имеющему черты сходства с человеком. Этот своеобразный феномен заставляет вспомнить результаты наблюдений за психически больными, слышащими «голоса» предметов. «Голоса», подобно видениям, представляют собой автономные психофизические проявления, рожденные активностью сферы бессознательного. В литературе о НЛО упоминаются «голоса», доносящиеся из «эфира»².

Нельзя забывать и об упомянутых рассказчицей *гла зах*. В них проявляется способность и стремление видеть; говоря обобщенно, они выражают некое испытующее намерение. Преднамеренность выражается и в голосе, обращенном с одной стороны к жителям Земли, а с другой стороны — к пассажирам «паука». Допущенная здесь небольшая непоследовательность намекает еще на одну возможность: летательный аппарат — больше не живое существо, а просто машина, перевозящая пассажиров. Последние, очевидно, должны походить на людей, так как им адресовано то же обращение, что и людям. Вот почему допустимым кажется предположение о том, что они просто олицетворяют другой аспект человека: эмпирический человек находится на земле, а духовное существо — в небе.

Таинственное обращение в форме молитвы произносится одним голосом, по всей видимости принадлежащим чтецу или проповеднику. Оно адресовано руководящим и ответственным инстанциям, то есть также и «пауку». Хорошо известно, что в наших широтах паук — животное вполне безопасное. Тем не менее у многих с ним связаны страхи

См.: A. Michel. *The Truth about Flying Saucers* (прим. автора) (Олорон и Гайяк — небольшие города на юго-западе Франции).

См.: H. T. Wilkins. *Flying Saucers on the Attack*, p. 138 (прим. автора).

исувения (утренний паук — неприятность, вечерний паук — надежда). О «тронутом» человека по-немецки говорят: «У него на потолке паук», «У него на чердаке паутина». Наш соотечественник Иеремия Готтхельф¹ в своей книге «Черный паук» великолепно описал тревогу, которую могут внушить человеку пауки. Подобно любым холоднокровным животным, не имеющим цереброспинальной нервной системы, они входят в ряд иррациональных (связанных с видениями и галлюцинациями) символов, представляющих в высшей степени чуждый человеку психический мир. Насколько я могу судить, они обычно выражают такое содержимое, которое, будучи действительным, тем не менее еще долго не сможет стать осознанным; это содержимое как бы не входит в сферу цереброспинальной нервной системы и остается на более глубоко скрытом уровне симпатической и парасимпатической нервной системы.

Мне вспоминается сон одного пациента, испытывавшего большие трудности и оказывавшего активное противодействие, когда он пытался вызвать в собственном представлении идею психической субстанции как высшей,

всеорганизующейцелостности. Эту идею он почерпнул, читая одну из моих книг; характерно, что он оказался не в состоянии различить понятия «Я» и «Самость». Наследственность пациента была отягощенной, вследствие чего он был подвержен опасности патологической инфляции². В такой ситуации ему приснился следующий сон:

«В поисках какого-то предмета я рылся на чердаке своего дома. В слуховом окошке обнаружил замечательную паутину с большим пауком-крестовиком в центре. Тело паука было синего цвета и сверкало, подобно алмазу».

Этот сон произвел на пациента большое впечатление. Фактически он представляет собой яркое изображение опасности, подстерегающей личность, которая отождеств-

Швейцарский писатель, писавший на немецком языке (1797-1854; настоящая фамилия — А. Битциус).

Под психической «инфляцией» (Inflation) Юнг понимает выход «Я» за нормальные индивидуальные пределы, неумеренную гордыню, доходящую до стремления к самоотождествлению с Божественным. См. также Предисловие.

ляет «Я» с «Самостью». Опасность возрастает в связи с отягощенной наследственностью, так как в подобных случаях имеет место реальная слабость «Я» — слабость, не позволяющая допускать в адрес больного каких бы то ни было намеков на приниженность его общественного положения. Намеки эти нанесли бы самоощущению больного смертельный удар; необходимо было избегать их любой ценой. Субъект мог бы найти убежище в иллюзиях, но и они, будучи нездоровыми и далекими от жизни, рано или поздно неизбежно причинили бы ему ущерб. Вот почему сон пытается внести поправку — но, подобно Дельфийскому уракулу, поправку с двойным смыслом. По сути сон утверждает следующее: «Помеха, находящаяся вверху, в твоей голове (на «чердаке») — это неизвестное тебе драгоценное сокровище. Но это сокровище ведет себя как чуждое тебе животное; символично, что оно окружено многочисленными концентрическими кругами, напоминая таким образом центр малого или большого мира — приблизительно так же, как глаз Бога на средневековых изображениях Вселенной».

В присутствии подобной аналогии здравый смысл запретил бы субъекту идентифицировать себя с этим центром ввиду опасности параноидального самоотождествления с Богом. Любой попавший в эту паутину будет опутан ею и погибнет. Он будет изолирован и исключен из сообщества людей. Для людей он станет недостижим, и сам он не сможет вступать с ними в контакт. Его ждет одиночество творца мира, который есть все и вне которого ничего нет. При наличии психически больного отца опасность того, что субъект утратит рассудок, сильно возрастает; поэтому паук имеет зловещий облик, и данное обстоятельство не следует упускать из виду.

Есть все основания полагать, что металлический паук из разбираемого сна о летательном аппарате имеет аналогичный смысл. Этот паук явно уже успел поглотить определенное количество людей, или, иначе говоря, душ, и может вскоре стать опасным для тех, кто живет на Земле. Вот почему молитва должна побудить «божественного» (поскольку являющегося адресатом молитвы) паука вести души «вниз», то есть на Землю, а не в небо, и «держат» их там «крепко», — ведь эти души еще не умерли, они принадлежат живым земным существам и должны достойно завершить свое земное бытие, не допуская духовной инфляции, которая отправит их прямо в чрево паука. Другими словами, люди не должны возносить свое «Я» на пьедестал, стремясь сравняться в величии с высшим существом; они обязаны всегда сохранять сознание того, что «Я» — не единственный хозяин в доме, что оно со всех сторон окружено тем, что мы называем бессознательным.

Впрочем, мы не знаем, чем именно бессознательное является в действительности. Мы знаем лишь его парадоксальные проявления. Наша задача — познавать природу, и не смысла сердиться на нее за то, что она такая «сложная» и неудобная. Еще недавно некоторые светила

медицины не хотели верить в существование бактерий, и эта позиция врачей стала только в Германии фактической причиной смерти двадцати тысяч молодых женщин, павших жертвами послеродовой горячки — при том, что ее вполне можно было бы избежать¹. Душевные срывы, причиняемые умственной инертностью людей, которые имеют репутацию «компетентных», не учитываются статистикой; поэтому с легкостью делается вывод, что их не существует вообще.

Призывостаться вниз, на земле, вскоре парадоксальным образом сменяется просьбой: «Вознеси нас на небо». Здесь сразу вспоминаются слова Фауста: «Тогда спустись! Или: "Направься ввысь", —/ Я б мог сказать»²; следует иметь в виду, однако, что рассказчица отделяет движение вниз от восхождения четкой выраженной смысловой цезурой. Это мифона показывает, что речь идет не о *coincidentia oppositorum* (совмещении противоположностей), а о чередующихся событиях; данное обстоятельство, несомненно, обусловлено моральной природой происходящего процесса, который включает в себя фазы нисхождения (катабасис) и восхождения (анабасис). Сновидение напоминает о семи ступенях, ведущих вниз и семи ступенях, ведущих вверх,

Юнг имеет в виду открытие венгерского врача И. Ф. Земмельвайса (Semmelweis, 1818-1865), задолго до Пастера доказавшего инфекционную природу послеродовой горячки и предложившего соответствующие методы лечения. Работы Земмельвайса не были признаны при его жизни, а сам он лишился рассудка.

Слова Мефистофеля из сцены «Темная галерея» в первом акте второй части «Фауста» Гёте, перевод Б. Пастернака.

опогружении в кратер и вознесении к «небесным высям» в таинстве пресуществления. Также и литургия начинается со слов: *Confiteor, quia peccavi nimis* («Каюсь, ибо премного согрешил») и т. д. Представляется, что нисхождение требует помощи и поддержки со стороны «проводника», ибо человек испытывает большие трудности, опускаясь со своей высоты и смиренно оставаясь «внизу». Человек боится признаться самому себе в собственной низости, ибо в первую очередь он опасается потери своего общественного престижа, а во вторую очередь — падения уровня морального самосознания, ухудшения собственного мнения о себе. Вот почему люди так отчаянно стремятся избегать самокритики; предпочитая проповедовать другим, они продолжают пребывать вне введения относительно самих себя. Отсутствие знаний о себе даже приносит удовлетворение — ведь в этом случае на поверхности спокойного озера иллюзий, питаемых человеком относительно своей собственной персоны, не появляется ни малейшей ряби.

И все же «внизу» сохраняется почва для реальности, которая продолжает существовать и оказывать свое воздействие, преодолевая любые попытки самообмана. Добраться до этой почвы и укорениться в ней — задача чрезвычайной важности, особенно с учетом того обстоятельства, что современный человек, вообще говоря, выказывает тенденцию к некоторому возвышению над своим истинным уровнем. К подобному обобщающему выводу нас подводит разбираемый сон: благодаря большому количеству «персонажей» сама проблема представлена не как коллективная по своей природе. Более того, сон претендует на еще более обширный масштаб, вплоть до общечеловеческого: ведь «паук» непосредственно приближается к окнам здания, в котором принимаются решения международного значения. «Паук» стремится оказать влияние на тех, кто заседает в этом здании, и указать им путь к «внутреннему миру», к самопознанию. Сновидение выражает надежду, что они будут «способствовать миру». Таким образом, «паук» играет роль мессии, выступающего с призывом и приносящего спасительную весть.

В конце сновидения обнаруживается, что рассказчица не вполне одета. Этот частый встречающийся в сновидениях мотив, вообще говоря, указывает на недостаточную адаптацию или даже на плохое осознание той ситуации, в которой оказался субъект. Подобное подчеркивание собственных недостатков и ошибок рассказчицы в данном случае должно благотворно сказаться на ее сознании, ибо когда человек чувствует себя в

силах просветить других, он подвергается особому риску упасть в чрезмерное самомнение.

Призыв «оставаться внизу» приходится слышать довольно часто; в нашу эпоху он вызывает определенную озабоченность некоторой части богословов. Последние опасаются, что исходя из психологии, укорененной в подобном настроении сознания, можно прийти к этической небрежности, к снижению уровня нравственных критериев. Но не следует забывать, что психология прежде всего дает нам возможность познавать и осознавать не только зло, но и добро; поэтому опасность поддаться злу тем меньше, чем выше степень его осознания. Никто из тех, кто идет по жизни с открытыми глазами, не может избежать встречи со злом; но он меньше рискует провалиться в яму, нежели слепой. Богословы с подозрением относятся к исследованиям бессознательного, обнаруживая в них «гностицизм»¹; они также имеют обыкновение цепляться за «антиномизма» и «либертинизма» на моральные проблемы, возникающие в связи с этими исследованиями. Но ведь ни один разумный человек не станет полагать, что даже самые искренние исповедь и покаяние в собственных грехах впредь уберегут его от совершения новых грехов. Можно быть уверенным на 99,9%, что при первом же удобном случае он согрешит вновь.

Углубленное знание психологии вынуждает нас прийти к выводу о том, что человек просто-напросто не может жить, не греша — *cogitatione, verbo et opere* («мыслью, словом и действием»). Лишь глубоко наивное, лишенное развитого сознания существо способно вообразить, что оно в силах избежать греха. Психология больше не может

1) Гностицизм (от греческого «гносис» — «знание») — обобщенное название еретических учений, трактующих мир и человека как творения не всеблагого Бога, а низших сил. Лишь благодаря мистическому «гносису» человек имеет возможность отрешиться от своей низменной (телесной и душевной) природы и достичь подлинного духовного единения с Богом.

предаваться подобным инфантильным иллюзиям. Ради верности истине она обязана признать, что неосознанность не только не служит оправданием или извинением для чего бы то ни было: она сама по себе является одним из самых тяжких грехов. Человеческий суд может простить этот грех; но это не мешает природе отомстить самым безжалостным образом, ибо она карает за допущенные ошибки, не взирая на «смягчающие обстоятельства» и не интересуясь степенью осознанности проступка. Евангельская притча о неверном управителе показывает нам, что слуга, представивший ложный отчет, может даже заслужить похвалу своего хозяина — за «догадливость»¹; что же говорить о том исключенном из 6-й главы Евангелия от Луки отрывке, где Христос обращается к согрешившему против Субботы: «Если ты знаешь, что делаешь, ты благословен; если же не знаешь, то ты проклят как нарушитель Закона»!

Широко и углубленное знание бессознательного имеет такое же значение, как и большой жизненный опыт. Благодаря ему личность приумножает свои знания о жизни и начинает более осознанно воспринимать мир и самое себя, что не обходится без столкновений с новыми, вроде бы незнакомыми прежде ситуациями, требующими занять определенную этическую позицию. Эти новые с виду ситуации, однако, присутствовали и раньше; просто их моральное и интеллектуальное восприятие было менее интенсивным и строгим, и не без определенной преднамеренности они были отодвинуты в неясную тень. Подобная умственная «небрежность» позволяет субъекту пользоваться своего рода «алиби» с целью избежать болезненных этических решений. Если же человек достигает более глубокого и надежного знания о самом себе, ему часто приходится сталкиваться со сложнейшими проблемами, вплоть до таких этических конфликтов, развязки которых не найти ни в каком законе — ни в Десяти заповедях, нигде-либо еще.

Именно тогда наступает время решений этического порядка: ведь простое подчинение закодифицированному «ты не должен», «тебе нельзя» вовсе не является этическим решением: это всего лишь акт повиновения, который при определенных обстоятельствах может стать подходящей

1) Лука, 16.

уловкой для того, чтобы повернуться спиной к этике. За долгие годы я ни разу не сталкивался с ситуацией, которая облегчила бы мне отказ от этических принципов или внушила хотя бы малейшие сомнения по их поводу; более того, по мере накопления опыта и углубления знаний острота этических проблем и чувство моральной ответственности только возрастали.

Вопреки общепринятому мнению я установил с полной отчетливостью, что неосознанность не может ничего оправдать или извинить; напротив, она сама преступна в полном смысле слова. Хотя Евангелие, как я показал выше, слегка касается этой проблемы, Церковь по вполне понятным причинам предпочитает ее обойти, предоставляя «гностицизму» возможность заниматься ею серьезно. Официальная церковь опирается на доктрину «отсутствия добра» (см. об этом выше), к тому же полагая, что в каждом отдельном случае она хорошо знает, что есть добро, а что — зло; таким образом, она заменяет подлинный этический выбор — *свободный выбор* — кодексом морали. В результате нравственность вырождается в простое законопослушное поведение, а «счастливое ничегонеделание» становится идеалом райской жизни.

Мы поражаемся царящему ныне упадку этики и сравниваем отсутствие прогресса в данной области с достижениями науки и техники; но мы упускаем из виду, что забвение Этоса обусловлено давлением моральных рецептов и правил. Ведь Этос — вещь чрезвычайно сложная, не поддающаяся ни формулировке, ни кодификации; он представляет собой часть той *творящей иррациональности*, которая лежит в основе истинного прогресса. Этос требует человека всего целиком, а не только той или иной из его отдельно взятых функций.

Конечно, единичная, дифференцированная функция не отъемлется от человека и является плодом его сердца, терпения, настойчивости, устремлений, способностей, желания обрести могущество (слово «могущество» происходит от того же корня, что и слово «мочь»). Благодаря дифференцированной функции человек преуспевает в жизни, «процветает». На основании этого делается вывод о развитии и прогрессе как о результатах усилий, воли, могущества и мудрости человека. Подобная точка зрения, однако, охватывает лишь один из аспектов проблемы. Человек, такой, каким он является на самом деле, остается за рамками данной формулы. И в этом плане он не в силах что-либо изменить, ибо зависит от условий, выходящих за пределы его досягаемости, не поддающихся его воздействию.

Человек — не творец, а результат творения, продукт, который не способен модифицировать себя; он не ведает о том, как построена его неповторимая личность, а его познания себе в действительности касаются лишь самых незначительных вещей. Донедавнего времени он полагал, что вся его психическая субстанция состоит только из сознания и представляет собой простой продукт мозговой коры. Сделанное примерно полвека назад открытие бессознательных психических процессов еще далеко не стало всеобщим достоянием; более того, оно все еще не оценено должным образом. Современный человек, к примеру, и не подозревает, что его сознание всецело зависит от сотрудничества со сферой бессознательного, способной даже заставить его «проглотить» фразу, которую он только что собирался произнести. Ему неведомо, что им в буквальном смысле слова «управляют», и на деле он вовсе не является той единственной действующей силой, каковой он сам себя считает.

Таким образом, человек зависим; им управляет нечто, некая сущность, которой он не знает, но которая, начиная с доисторических времен, является ему в представлениях, постоянно «открывая» себя с их помощью. Откуда исходят эти представления? Конечно, из сферы бессознательного, всегда, с началом каждой новой жизни, предшествующей сознанию — примерно так же, как мать предшествует ребенку. Бессознательное все время дает о себе знать в снах и видениях. Образы, посредством которых оно обращается к сознанию, соотносятся с данностями, имеющими лишь поверхностную, кажущуюся связь с главными интересами человека (в отличие от того, что имеет место в случае фрагментарно функционирующего сознания); зато эти данности

имеют отношение к целостному человеку, этому незнакомцу. Правда, в снах часто используется нечто вроде «профессионального языка»: *canis panem somniat, piscator pisces* («собаке снится хлеб, а рыболову — рыба»). Но тем не менее они обращены к человеку как целому и выражают главным образом то, чем человек является за пределами собственного сознания, то есть некую исходную, первичную, зависимую данность.

В своем неукротимом стремлении к свободе человек почти инстинктивно отталкивает от себя подобные открытия, опасаясь — и не без оснований — их парализующего воздействия. Правда, он вынужден смириться со своей зависимостью от отмеченных мною неизвестных сил — как бы они ни назывались; но он старается поскорее отвлечься от них как от угрожающего препятствия. Пока все идет с виду хорошо, такое отношение может даже принести пользу; но дела редко приобретают наилучший оборот, особенно в наши дни, когда несмотря на эйфорию и оптимизмы отчетливо ощущаем конвульсии, сотрясающие глубинные основы человеческого существования. Наша рассказчица, конечно, не единственная из тех, кто испытывает мутную тревогу. В ее сне выражается коллективная потребность, всеобщий призыв спуститься на землю и не стремиться обратно, пока «паук» не вознесет высь тех, кто остался внизу. Ведь пока сознанием управляет функционализм, компенсирующий его символ целостности, не расчлененной на отдельные функции, остается достоянием бессознательного. Как мы уже говорили, этот символ представлен здесь образом летающего паука, который единственный способен «вознести высь» односторонность и фрагментарность сознания. Для совершения этого творческого акта недостаточно одного лишь осознанного желания. Чтобы проиллюстрировать данное обстоятельство, сон избирает символ *молитвы*. Поскольку согласно концепции, восходящей к апостолу Павлу, мы в действительности не можем знать того, о чем молимся, молитва представляет собой не более чем «воздыхание»¹, выражающее нашу слабость и наше бессилие. Все происходит так, как если бы посредством некоего «намёка» человеку был дан совет компенсировать суеверную преданность собственной воле и могуществу.

Одновременно осуществляется возврат религиозного представления к давно забытому уровню зооморфных образов, символизирующих высшее могущество (к таким

1) Ср.: «...мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными» — Послание к Римлянам, 8, 26.

образам, персонифицирующим «Спасителя», относились емя, обезьяна, заяц и др.). Правда, нам хорошо известны «Агнец Божий» и «голубь» Святого Духа, но эти христианские символы имеют ныне лишь метафорический смысл. В противоположность им — и это следует особо подчеркнуть — животные, встречающиеся в описательской символике, намекают на инстинктивные процессы, которые играют решающую роль в животном мире, детерминируя все течение жизни.

В повседневной жизни человеку инстинкт вроде бы ни к чему — особенно если этот человек убежден во всемогуществе своей воли. При таком образе мыслей он пренебрегает значением инстинкта, всячески стремится его обесценить и при этом не подозревает, насколько разрыв с миром инстинкта опасен для самой его жизни. *Вот почему мы, специально выделяя инстинктивный аспект, стремимся заполнить смертельно опасную брешь между способами и результатами нашей адаптации.* Отклонения инстинкта проявляются в виде аффектов, которые в снах могут найти свое выражение и воплощение в образах животных. Вот почему «неконтролируемые аффекты» в полном правом считаются примитивными и грубыми; они низводят человека до уровня животного, следовательно, их следует всячески избегать. Но избежать их можно только посредством вытеснения, то есть, иначе говоря, посредством ограничения сознания, его изоляции и расщепления; на деле мы не способны поколебать их подавляющего воздействия. Даже не оставляя следов в сознании, они продолжают действовать исподволь. В худшем случае они найдут выход в форме невроза или бессознательной цепочки «необъяснимых» зловещих случайностей.

Святой человек, освободившийся, как могло бы показаться, от своих земных слабостей, платит за обретение ноной жизни страданиями и отречением — без которых, впрочем, он и не стал бы святым. Изучая жития святых, мы убеждаемся, что баланс здесь именно таков. Никого не обходит эта цепь страданий, через болезни и старость ведущая к смерти. Конечно, человек, в той мере, в какой в нем сохраняется человеческое, должен «овладеть» своим аффектом, «укротить» его, держать поводья твердой рукой, и при этом сознавать, что за победу ему придется дорого заплатить; в то же время за ним в определенной мере сохраняется свобода выбора средств, с помощью которых ему когда-нибудь придется расплачиваться.

Призыв «оставаться внизу» и похожее на оскорбление человеческого величия подчинение зооморфному символу, несомненно, стремятся показать нам, что мы должны осознавать упомянутые только что простые истины и не упускать из виду, что земной человек благодаря своей анатомии и физиологии и несмотря на все свои порывы «вверх» был и остается близким родственником антропоидов. Человек, желающий благодаря саморазвитию, без потерь, достичь высшего уровня духовного существования, должен ясно видеть, что это не в его силах; подобные изменения зависят от условий, на которые ему не дано воздействовать. Человек может только испытывать тоску, «воздыхать» и молиться в надежде, что нечто вознесет его над его собственным уровнем — ведь повторить трюк барона Мюнхгаузена самостоятельно он не способен.

Благодаря подобной позиции он пробуждает в своем бессознательном силы, которые могут оказать ему большую помощь — если его слух достаточно тонок, чтобы их понять, — но одновременно представляют большую опасность — если ему не хватает дара понимания. Независимо от того, как мы назовем пробуждаемые таким образом силы и возможности, их реальность остается несомненной. Никто не запретит человеку с религиозным мироощущением вполне последовательно обозначать их словами «боги», «демоны» или даже указывающим на некий абсолют термином «Бог»; ведь опыт ясно показывает, что их поведение соответствует этим обозначениям. Некоторые в данной связи говорят о «материи», полагая, что, вводя и используя это слово, они выдвигают новую идею; на деле же они просто заменяют X на Y и ни в коей мере не продвигаются вперед по сравнению с тем, что уже известно. В данном случае единственное, о чем можно говорить с уверенностью — это наше глубочайшее неведение, мешающее хотя бы уловить приближение разгадки великой тайны. Лишь рискованный скачок в религиозную веру позволяет выйти за рамки узаконенной формулы: «дело обстоит так, как если бы...»; но право на этот рискованный скачок мы оставляем людям, наделенным соответствующими склонностями или благодатью. Любая кажущийся или реальный прогресс зависит от экспериментальных данных и фактов; однако установление последних — и ныне мы об этом уже хорошо знаем — представляет собой одну из сложнейших задач для человеческого духа.

ЧЕТВЕРТЫЙ СОН

В период работы над этой книгой я неожиданно получил от одного из своих зарубежных друзей описание сна, который приснился ему 27 мая 1957 года. Мои отношения с этим человеком ограничивались обменом письмами раз в год или даже раз в два года. Будучи астрологом-любителем, он интересовался проблемами синхронности. Ему ничего не было известно о моем интересе к НЛЮ; впрочем, он и не ассоциировал свой сон с интересующей меня темой. Его неожиданное и необычное решение сообщить мне о своем сне, судя по всему, принадлежит к той категории «осмысленных совпадений», существование которой отвергается расхожими статистическими предраассудками.

Вот его сон:

«Было поздний послеполуденный или ранний вечерний час. Солнце приближалось к горизонту. Тонкий покров облаков позволял различить его форму светлого диска с четкими контурами. Оно было белого цвета. Неожиданно эта белизна преобразилась в странную бледность, которая пугающим образом охватила весь западный горизонт. Бледность (я хотел бы особо подчеркнуть это слово) дневного света превратилась в пустоту, наводящую

ужас. В этот момент на западе появилось второе солнце; его высота была примерно такой же, как и у первого, но оно было смещено чуть-чуть к северу. Мы (множество людей, рассеянных на обширном пространстве и, подобно мне, созерцавших небо) наблюдали занебом с напряженным вниманием и увидели, как второе солнце превратилось в светлый и отчетливый по форме шар, контрастирующий с диском, появившимся вначале. Одновременно с закатом солнца и началом ночи шар быстро приблизился к Земле.

Сначала ночи атмосфера свидения изменилась. Хотя слова «бледность» и «пустота» обозначают впечатление, производимое слабеющим, утрачивающим свои жизненные силы солнцем, небо теперь обрело могущественный, величественный вид, который внушал не столько страх, сколько глубокое благоговение. Я не могу утверждать, что я видел звезды, но ночное небо оставляло впечатление тонкого облачного покрова, сквозь который время от времени проглядывает звезда. Это ночное зрелище, несомненно, отличалось торжественностью, мощью и красотой.

Пока шар с большой скоростью приближался к Земле, мне казалось, что это Юпитер сошел со своей траектории; но когда он подошел совсем близко, я понял, что несмотря на свои огромные размеры он все-таки слишком мал для такой планеты, как Юпитер. С небольшого расстояния удалось различить рисунок на его поверхности: линии меридианов или что-то похожее на них. Этот своеобразный рисунок носил скорее декоративный и символический, нежели географический и геометрический характер. Я должен особо отметить красоту этого бледно-серого или матово-белого шара, выделяющегося на фоне ночного неба. Уяснив себе, что страшное столкновение его с Землей неизбежно, мы, естественно, испытали страх, но в этом страхе преобладал элемент благоговения. Ведь речь шла о событии космического масштаба, вызывавшем восхищенное и почтительное изумление.

Пока мы были поглощены этим зрелищем, появился второй шар, потом третий, четвертый, и множество шаров с большой скоростью устремились к Земле. Каждый шар ударялся о землю с громким звуком, подобно бому, но расстояние до места удара казалось столь большим, что я не мог определить природу взрыва. Впрочем, в одном из случаев мне привиделось нечто вроде молнии. Шары падали друг за другом вокруг нас, но всегда на таком расстоянии, что их разрушительный эффект оставался вне поля зрения. По всей вероятности, мы подвергались определенной опасности — как во время стрельбы из пушки или чем-либо в том же роде.

Затем, кажется, вернулся домой и обнаружил себя беседующим с молодой девушкой, сидевшей в плетеном кресле. У нее на коленях лежала открытая записная книжка; она была поглощена работой. Мы все собирались идти в одном направлении — кажется, в юго-западном, — возможно, в поисках более безопасных мест; и я спросил у девушки, не лучше ли ей присоединиться к нам. Опасность оказалась неотвратимой, и мы не могли уйти, брошив ее. Но она твердо ответила «нет»: она останется здесь, чтобы продолжить свою работу; на самом деле степень опасности везде одинакова, и ни одно место не может считаться более надежным, чем другие. Я сразу понял, что практически разум и здравый смысл — на стороне этой молодой девушки.

В конце сна я встретил другую девушку — а может быть, снова ту же самую, — столь же рассудительную, уверенную в себе, сидящую в своем кресле и погруженную в работу. Вторая девушка, однако, казалась более рослой, и я смог лучше разглядеть ее лицо. Она обратилась непосредственно ко мне и сказала отчетливым голосом, называя меня по имени и фамилии: «Вы, ..., будете жить до одиннадцати-восьми». Она произнесла эти восемь слов (включая имя и фамилию) с необыкновенной четкостью и настолько властным тоном, что мне показалось, будто меня накажут, если я не поверю, что мне действительно осталось жить «до одиннадцати-восьми».

КОММЕНТАРИЙ РАССКАЗЧИКА

К этому подробному описанию мой корреспондент приложил некоторые замечания и комментарии, в которых содержатся указания, полезные для интерпретации сна. Как и

следовало ожидать, в качестве одного из ключевых моментов сна он отмечает момент неожиданного изменения атмосферы в самом начале, когда пугающая бледность и смертельная пустота, сопровождавшие закат солнца, сменились величием вечерней зари, а страх трансформировался в благоговение. Он пишет, что эта трансформация связана с его обеспокоенностью, касающейся политического будущего Европы: на основании определенных астрологических расчетов он опасается, что между 1960 и 1966 годами разразится мировая война. Обеспокоенность моего корреспондента настолько велика, что он даже решил написать одному очень крупному политическому деятелю письмо с изложением своих страхов. После этого он обнаружил, что его до того крайнетревожное настроение довольно неожиданно трансформировалось в невозмутимость и даже в безразличие — как будто данная проблема отныне его не касается (надо отметить, что подобная трансформация не принадлежит к числу исключительных).

Тем не менее ему не удалось объяснить, каким образом и почему исходная атмосфера страха сменилась таким торжественным, как бы религиозным настроением. Он полагает — и даже уверен, — что речь идет не о проблеме личностного характера, а об идее коллективного порядка, и задается вопросом: быть может, наша вера в культуру и цивилизацию в конечном счете включает в себе слабость, бледность и опустошенность, тогда как закат, «нашествие ночи» должны восстановить силы и жизнь. Торжественная, величественная атмосфера, однако, плохо вяжется с подобной точкой зрения. Она относится к «вещам, которые имеют внеземное происхождение» и «не поддаются контролю с нашей стороны». Пользуясь языком деистов, можно было бы сказать, что «пути Господни неисповедимы», и что с точки зрения вечности «ночь столь же значима, сколь и день». Таким образом, у нас остается «только одна возможность — подчиниться ритму вечности» с его сменой дня и ночи; если мы будем продвигаться вперед вместе с эволюцией нашей социальной системы, «неумолимое величие ночи» станет для нас «источником силы». Это характерное «пораженчество», как кажется, подчеркнуто в сновидении и представлено в виде великой космической «интермедии» — столкновения светил, перед которым человек оказывается беспомощным.

Кроме того, рассказчик утверждает, что в его сне нет и следов «сексуальности» — если отвлечься от эпизода встречи с молодой девушкой (как будто любое отношение с лицом противоположного пола обязательно включает в себе сексуальный момент!). Но его особо тревожит то обстоятельство, что упомянутая встреча происходит ночью! Данный пример показывает, что сексуально ориентированное сознание способно завести слишком далеко. Сданной точки зрения «плетеное кресло» не представляет интереса; с точки зрения самого рассказчика оно символизирует отличную возможность для сосредоточенной духовной работы. То же относится и к записной книжке.

Я выше уже говорил, что мой корреспондент с увлечением предавался астрологическим исследованиям. Отсюда особый интерес, который он проявил к загадочному сочетанию чисел: 11-8. Ему показалось, что комбинация XI-8 могла бы означать месяц и день его смерти. Имея в виду его библейский возраст, подобное объяснение можно считать вполне обоснованным. Отталкиваясь от астрологических расчетов, он относит роковой ноябрь к 1963 году, к самой середине мировой войны, начало которой он предчувствует. Тем не менее он осторожно добавляет: «Я далеко в этом не уверен».

Рассказчик утверждает, что этот сон принес ему особое ощущение удовлетворенности и признательности; он чувствовал себя счастливым, ибо ему дано было испытать подобное переживание. В данном случае мы действительно имеем дело с одним из тех величественных сновидений, которые внушают человеку счастье — независимо от того, понимает он их или нет.

КОММЕНТАРИЙ К ЧЕТВЕРТОМУ СNU

Сон начинается с заката солнца, во время которого светило закрыто облаками; сквозь них просматривается только его дискообразная форма. Та же форма присуща и другим образам сна: второму солнечному диску («Юпитеру») и многочисленным округлым телам

«извнеземного пространства». Все это позволяет отнести данный сон к числу психических явлений, связанных с феноменологией НЛЮ.

Солнце, которое покрывается пугающей бледностью, выражает тревогу, овладевшую *миром дня* в связи с предчувствием неминуемых катастрофических событий. Последние — в отличие от того, что мы думаем о них, когда бодрствуем, — имеют внеземное происхождение. Юпитер, отец богов, покидает свою траекторию и приближается к Земле. Эта тема уже была описана в мемуарах душевнобольного Шребера (Schreber)¹, который утверждал, что происходил-

1) Denkwürdigkeit eines Nervenkranken. - Leipzig, 1903 (прим. автора).

Вокруг него экстраординарные события побуждали самого Бога «быть поближе к Земле». Таким образом, бессознательное «интерпретирует» тревогу и угрозу как *божественное вмешательство*, выражающееся в появлении небольших небесных тел, сходных с великим Юпитером. Рассказчик, однако, не приходит к столь заманчивому в данном случае сближению с НЛЮ; у нас нет оснований утверждать, что он испытывал к ним какой бы то ни было осознанный интерес, способный повлиять на выбор символов.

Несмотря на очевидную угрозу космической катастрофы, тревога трансформируется в настроение позитивного, торжественного и благоговейного характера, уместного скорее для Божия явления. Тем не менее это «Божие явление» означает для рассказчика величайшую опасность: небесные тела «ударяются о землю с громким звуком, подобно бомбам», что соответствует его страху перед мировой войной. Удивительно, впрочем, что взрывы не вызывают ожидаемых сотрясений земной поверхности, да и вообще их природа необычна. В пределах видимости они не производят никаких разрушений. Точки взрывов находятся настолько далеко за горизонтом, что рассказчик замечает лишь одну вспышку. Планетоиды причиняют несравненно меньше разрушений, чем если бы столкновения их с Землей имели место в действительности. Наиболее важным во всем происходящем кажется страх перед третьей мировой войной — страх, который сообщает увиденным воспоминаниям элемент тревоги. По-видимому, именно эта интерпретация, а не события сами по себе, потрясает воображение рассказчика и волнует его в высшей степени. Таким образом, вся история обретает глубоко психологическое содержание.

Встреча с молодой женщиной сразу же подтверждает подобное объяснение. Молодая женщина сохраняет самообладание и прилежно продолжает свою работу; во второй версии она предсказывает рассказчику дату его смерти. Ее слова настолько выразительны, что рассказчик считает своим долгом подчеркнуть *число* произнесенных ею слов — *восемь*. Число восемь, несомненно, возникло не случайно: оно воспроизводит гипотетическую дату кончины, 8 ноября. Двойной акцент на этой цифре имеет довольно-таки существенное значение, ибо «восемь» — это удвоенное «четыре», играющее в символе индивидуации — мандале — почти столь же важную роль, что и сама цифра 4 (ср. функции цифр 4 и 8 в сцене с кабирами во второй части «Фауста»¹; см. также мою книгу: *Psychologie und Alchemie*, 1952, S. 218ff.). Относительно числа одиннадцать у рассказчика не возникло никаких ассоциаций; поэтому, чтобы попытаться понять его, я должен прибегнуть к традиционной числовой символике, согласно которой десять — это совершенный итог развертывания единицы. Ряд 1-10 — это законченный цикл; 10+1=11 означает начало нового цикла. Поскольку интерпретация снова основывается на гипотетическом допущении: *post hoc ergo propter hoc* («после этого — значит, вследствие этого»), можно утверждать, что 11 ведет к «восьмерице», то есть к символу целостности, реализации идеи целостности; появление шара (НЛЮ) уже намечало подобное смысловое объяснение.

Молодая женщина, будто бы незнакомая рассказчику, должна восприниматься как компенсирующая фигура — «анима». Она представляет сферу бессознательного более полно, чем просто «тень», ибо добавляет к общей характеристике личности недостающие ей женственные черты. Вообще говоря, подобная фигура в своем наиболее явном виде обнаруживается в тех случаях, когда сознание глубоко проникает в «теневую» сферу собственного «Я»; в качестве психологического фактора она оказывает наибольшее

воздействие, когда женственные свойства личности еще нераспознаны, не восприняты, одним словом — не интегрированы. Пока противоположности не пришли к примирению, целостность личности остается нереализованной, а «Самость», как ее символ, пребывает на уровне бессознательного. Но с того момента, как процесс индивидуации начинает набирать силу и основные признаки целостной личности объединяются в некое подобие первоначального эскиза «Самости», последняя благодаря проекции может

1) Имеется в виду последняя сцена второго акта («Скалистые бухты Эгейского моря») второй части трагедии Гёте. *Кабиры* — греческой мифологии — демонические существа, наделенные особой мудростью и ведущие свое происхождение от бога огня Гефеста. Культ кабиров, носивший эзотерический характер, был распространен в позднеантичную эпоху.

проявиться как завершенное целое; это целое, однако, в известной мере как бы скрыто за анимой. Анима, благодаря своему удивительному спокойствию и уверенности в себе, противопоставляется возбужденности «Я»-сознания, и посредством числа 8 намекает на целостность, на «Самость», проекция которой уже намечена в форме летающего объекта.

Торжественная атмосфера начала сна обусловлена предчувствием огромной значимости Самости как «распорядителя» и «организатора» личности, а также ощущением исключительной важности архетипов как доминант коллективного бессознательного, которые воздействуют на личность и, принимая форму метафизических принципов, устремляют сознание к достижению целостности. Торжественное настроение соответствует Божественному, которое вызывает страх, ибо вследствие него может возникнуть мировая война или космическая катастрофа. Анима, однако, обладает более глубоким знанием. Разрушений, которых боится рассказчик, не видно: по крайней мере в его непосредственном окружении не происходит ничего по-настоящему опасного, несмотря на охватившее рассказчика чувство паники. Анима игнорирует страх рассказчика перед катастрофой; она указывает ему на его собственную смерть как на истинный источник страха.

Близость смерти, ее непосредственное созерцание часто приводят к совершенству, недоступному никаким волевым усилиям и осознанным намерениям. Смерть — великий «завершитель», подводящий окончательный баланс человеческой жизни. Лишь через смерть человек так или иначе достигает целостности; смерть — это конец эмпирического человека и конечная цель жизни духа в том смысле, который вкладывает в это понятие Гераклит, утверждая: «Дионис же, ради которого они неистовствуют в вакханалиях, тождественен Аиду»¹. Все незавершенное, непреодоленное, неуспевшее найти свое окончательное место испытывает тревогу в связи с приближением конца и в страхе отступает перед мыслью об окончательном «расчете». Человеку свойственно всячески избегать осознания тех

1) Текст Гераклита Эфесского, греческого философа конца VI — начала V века до н. э., приводится в переводе М. Дынника: Гераклит Эфесский. Фрагменты. — М., 1937; фрагмент 15.

элементов, которых ему не хватает для достижения целостности; вследствие этого задерживается момент осознания им Самости и, соответственно, момент спокойного, безмятежного принятия смерти. Самость сохраняется в состоянии проекции. В случае рассматриваемого сна она обнаруживает себя в виде Юпитера, однако последний, приближаясь к Земле, дробится на большое количество мелких небесных тел — своего рода множество «Самостей» или отдельных душ, врезающихся в землю; таким образом, Юпитер «интегрируется» в наш мир. В мифологическом плане этот образ ассоциируется с инкарнацией, воплощением божества, а в психологическом плане означает проявление бессознательного процесса на уровне сознания.

Вот почему я посоветовал бы рассказчику рассматривать страх по поводу всеобщей катастрофы, выраженный в его сне, с точки зрения собственной смерти. При таком подходе характерный смысл приобретает то обстоятельство, что предполагаемый год смерти рассказчика совпадает с серединой критической фазы между 1960 и 1966 годами.

Конец света, намеченный в сновидении, ассоциируется, таким образом, с собственным концом субъекта: речь идет в первую очередь о катастрофического характера, о жизни отдельного человека, приходящей к своему завершению. Но поскольку символика сновидения явно относится к некоей коллективной ситуации, субъективный аспект НЛО мне кажется заслуживающим обобщения: летающие объекты выступают как проекция страха смерти, пока еще не распознанного и остающегося на уровне бессознательного.

После первоначальных оптимистических рассуждений о космических пришельцах пришло время разговоров об исходящей от них возможной опасности, об угрозе агрессии со всеми ее нежелательными и непредсказуемыми последствиями. В наше время нет особой необходимости задумываться о мотивах, в силу которых латентный и почти незаметный в обычных условиях страх смерти обостряется до чрезвычайной степени; эти мотивы совершенно очевидны и дополняются сознанием того, что любая расточительность по отношению к жизни, любые отклонения от нормального ее течения равноценны смерти. Это последнее обстоятельство — помимо опасностей, исходящих от атомного оружия и других факторов — может объяснить обострение страха смерти, которое наблюдается именно в нашу

Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.

Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.

Рис. 1: Видение НЛО

эпоху, когда жизнь для очень многих потеряла свой глубинный смысл, а свойственные ей ощущения и ритмы вечности сменились неумолимым тиканьем секундной стрелки. Вот почему хочется пожелать людям найти в себе компенсирующее начало, сопоставимое с анимой из рассматриваемого сновидения, и посоветовать им выбрать девиз по примеру Ханса Хопфера, базельского ученика Гольбейна, жившего в XVI веке: «Смерть — последняя черта сущего; я не отступаю ни перед одной»¹.

ПЯТЫЙ СОН

Этот сон рассказан дамой с университетским образованием. Он приснился ей много лет назад, без всякой связи с феноменом НЛО.

«На краю мира, как бы в ожидании чего-то, стоят две женщины. Старшая, более высокого роста, поражена на раличом. Ее облик напоминает мне мою подругу мисс Х. Она смело глядит вдаль. Более молодая ниже ростом; ощущая свою силу, она поддерживает старшую под руку, но ей не хватает смелости смотреть вдаль. Во второй из женщин я узнаю себя. В небе, слева от себя, я вижу луну и утреннюю звезду, справа — восходящее солнце. С правой стороны появляется парящий предмет эллиптической формы, отливающий серебром. Его экипаж выстроился ряд вдоль борта. Члены экипажа выглядят как люди в серебристо-белых одеждах. Две женщины, покоренные этим видением, трепещут в неземном, космическом пространстве: подобное доступно человеку только во сне».

Находясь под сильнейшим впечатлением от собственного сна, рассказчица сразу же зарисовала его; см. рис. 1. Сон описывает типичное явление НЛО; как и третий сон, он содержит тему «экипажа», то есть присутствия человеческих существ. Ситуация разыгрывается в исключительных

1) В оригинале — на швейцарском диалекте: Der Tod ist die letzte Linie der Ding. Ich weich keim. В буквальном переводе: «Смерть — последняя линия Вещи; я не отступаю ни перед одной». Дальше от слов, но, кажется, ближе к смыслу это можно было бы перевести так: «Смерть — последний штрих рисунка; я справлялся с другими, не отступлю и перед этим» (прим. Д. Г. Лахути).

условиях, «на краю мира»; по ту сторону находится космическое пространство со своими планетами и солнцами, или страна мертвых, или бессознательное. Если речь идет о космическом пространстве, можно предположить, что летающий объект представляет собой

межпланетный корабль, сконструированный более высокоразвитыми по сравнению с нами жителями другой планеты. Если же речь идет о стране мертвых, существа налетающем предмете могут рассматриваться как ангелы или духи умерших, которые опускаются на землю в поисках души. Эта интерпретация касается мисс Х, которая в то время «нуждалась в поддержке», то есть, иначе говоря, была больна; состояние ее здоровья внушало серьезную тревогу. Она умерла спустя два года после описываемого сновидения; вот почему рассказчица усматривает в своем сне некое предчувствие. Наконец, если речь идет о бессознательном, мы видим здесь его персонификацию в образе «анимуса»; последний появляется в характерной для него множественной форме. Фигуры одеты в праздничные белые одежды, что подсказывает гипотезу о брачном союзе противоположностей. Подобный символический образ свойствен также идее смерти как окончательного осуществления целостности. Вот почему изображение рассказчицы, согласно которому ее сон возвещает о смерти подруги, не кажется мне безосновательным.

В сновидении использован символ диска, летающей тарелки, несущей на себе духов; это — межпланетный корабль, который, прилетев из иных миров, приблизился к границе нашего мира в поисках душ умерших. В сновидении не уточнено, откуда именно прибыл этот корабль — с Солнца, с Луны или откуда-то еще. Согласно некоторым мифологическим представлениям (см., например, Acta Archelai), молодая Луна прибавляет в объеме пропорционально числу душ умерших, которые с помощью двенадцати черпаков переносятся с Земли на Солнце, после чего, пройдя очищение, изливаются на Луну. Тем не менее в современной литературе о НЛО я пока не встречал соображений о том, что эти межпланетные корабли могли бы представлять собой нечто вроде ладьи Харона, перевозящей души на противоположный берег Стикса. Здесь нет ничего удивительного, ибо, с одной стороны, аналогии с античным миром становятся все более и более чуждыми современной культуре, а с другой стороны такие аналогии чреватые весьма неприятными выводами: ведь значительный рост числа наблюдаемых в последнее время (особенно в течение последнего десятилетия) НЛО — рост, привлекавший к себе всеобщее внимание и вызвавший определенное беспокойство, — мог бы навести на мысль, что появление множества летательных аппаратов с иных миров должно означать пропорциональное увеличение количества смертей.

Известно, что в прошлом все явления того же рода, что и НЛО, интерпретировались в подобном духе: они предвещали «большую смерть», войну или эпидемию, и выражали мрачные предчувствия, сходные с теми, которые царят и настоящее время. И ни в коем случае не следует думать, будто широкие массы людей сегодня настолько развиты и образованны, что предположения вроде того, что высказанного уже не имеют шансов укорениться в обществе. Средние века, античность, даже первобытная эпоха все еще далеко не канули в пучину прошлого — как бы в это ни верили так называемые «просвещенные» люди; свойственный отдаленным во времени эпохам образ мышления продолжает и сейчас цвести пышным цветом в самых широких слоях населения. Непосредственно в нашей среде, активнее, чем когда-либо, развиваются самые архаичные мифологии и магические представления; лишь сравнительно немногие люди благодаря полученному в духе рационализма образованию действительно отошли от первобытного состояния¹.

Оставляя в стороне религиозную символику с ее всеобъемлющим влиянием, шеститысячелетней историей и постоянно повторяющимися фундаментальными темами, можно утверждать, что и ее «бедные родственники», а именно магические представления и ритуалы, продолжают жить как ни в чем не бывало, несмотря на все усилия просвещения. Впрочем, у нас, в Швейцарии, необходимо прожить долгие годы в сельской местности, чтобы столкнуться с этим тщательно скрываемым, никогда не выходящим на

1) Яотсылаю читателя к книге: A. Jaffe. Geistererscheinungen und Vorzeichen, 1958, где исследуется мифологический смысловой контекст странных, необычных «происшествий», случающихся с современным человеком (прим. автора).

поверхность «фоном»; но овладев ключом к нему, человек открывает для себя все более и более удивительные вещи. Так, «врачеватель» (Medizin-Mann) первобытных племен обнаруживается ныне в образе «штруделя» (Strudel): слово это на бернском наречии означает «колдун». Такие «колдуны» заключают договоры с дьяволом, расписываясь под ними кровью, наводят порчу, прибегают к заговорам (например, «доят» корову на расстоянии, чтобы отнять молоко у коровы соседа); они пользуются настоящими рукописными учебными пособиями по колдовству. Я сам нашел у одного из этих «колдунов» книгу подобного рода, написанную в конце XIX века и начинающуюся мерзебургскими магическими формулами¹ в переводе на современный немецкий, а также заклинанием неизвестного происхождения, обращенным к Венере. Клиентура «сельских колдунов» часто бывает очень многочисленной, причем немалая часть клиентов — городские жители. Я лично ознакомился с целым собранием из нескольких сот писем, полученных одним из «врачевателей» в благодарность за успешное изгнание злых духов из домов и хлебов, за снятие порчи с людей и животных, за излечение самых различных болезней.

Некоторые из моих читателей, незнакомых с фактами такого рода, покажется, что мой рассказ содержит преувеличения. Позволю себе упомянуть о том, что легко поддается проверке: золотым веком астрологии оказалось не мрачное средневековье, а середина XX столетия, когда периодические органы печати сплошь рядом не гнушались публиковать гороскопы на неделю. Немногочисленные оторванные от реальной жизни интеллектуалы с удовлетворением читают в энциклопедическом словаре, как в 1723 г. некий господин заказал гороскоп для своих детей; эти же интеллектуалы, однако, и не ведают, что именно сегодня и среди нас гороскоп по авторитетности и значимости почти сравнялся с визитной карточкой.

Для всех, хотя бы немного знакомых с собственным опытом подобными скрытыми, «фоновыми» явлениями, существует неписаное правило, согласно которому «об этом не говорят». В результате возникают многочисленные слухи и выдумки; никто не хочет признавать их истинность, боясь прослыть отсталым глупцом. Но в действительности все обстоит иначе.

Привожу здесь данные, «размывающие» устои современного общества, я стремлюсь главным образом разъяснить символику сновидений, которая многим непонятна именно из-за незнания исторического материала, служащего ее основой. Что сказали бы обо мне люди, если бы я попытался установить связь между сновидением какого-нибудь простого человека и Вотаном или, скажем, Бальдуром¹? Они заподозрили бы меня в излишнем мудрствовании, обвинили бы в преувеличениях — даже не догадываясь, что в родной деревне человека, рассказавшего о своем сновидении, живет некий «врачеватель», изгоняющий злых духов из лошадей с помощью руководства по магии, которое начинается мерзебургскими заклинаниями. Тот, кто не знает, что во многих регионах Швейцарии все еще продолжает блуждать «армия Вотана» — независимо от того, «рационалист» он или нет, — обвинит меня в произвольном толковании кошмаров, посещающих горожан в уединенных высокогорных гостиницах и связанных с местными поверьями о «покойниках». Гуляя по окрестностям, эти горожане невольно поддаются влиянию местных жителей, для которых Döggele — то есть «призраки» или «ночные множества блуждающих духов» — составляют страшную, но открыто не признаваемую и как бы неведомую реальность.

Поправде говоря, пропасть, будто бы отделяющая древний мир от нашей современности, очень легко сходит на нет. Мы до такой степени отождествляем себя с сиюминутным сознанием настоящего, что забываем о существовании «вневременных» основ психики. Все, что имеет более долгую историю, чем эфемерные проявления современности, рассматривается человеком сегодняшнего дня как неразумный бред и вздор, которого следует избегать. Поступая так, мы подвергаем себя самой серьезной из угрожающих ныне психических опасностей, а именно — опасности пасть жертвой разного рода интеллектуальных «измов», утративших все контакты с реальной психической жизнью и

1) Один из древнейших текстов на немецком языке (Франкония, IX или X в.).

1) Персонажи древнегерманской мифологии: верховный бог и его сын, бог света и красоты.

характеризующихся недооценкой человека во всей полноте его проявлений.

К сожалению, люди обычно полагают, будто их окружает и затрагивает только то, что входит в сферу их сознания: для каждой неизвестной вещи существует специалист, знания которого кодифицированы в форме той или иной науки. Подобная иллюзия кажется тем более правдоподобной, что в наше время уже никому не дано охватить единым взглядом всю совокупность дисциплин со всеми их проблемами. Но все же самые субъективные, самые действенные переживания человека — переживания, оставляющие глубокие следы и определяющие развитие личности, — как раз и являются самыми невероятными; попытка объяснить их с помощью науки означает оказаться в тупике. Книга Менделя о летающих тарелках¹ может служить типичным примером. Научный интерес слишком легко сводим к вещам, которые достаточно часто встречаются, характеризуются высокой степенью вероятности и составляют нечто усредненное; именно на этом и основывается любая эмпирическая наука. Но подобная основа имеет смысл только при условии, что она служит для возведения здания, которое не подавляет собой все выходящее за рамки ординарного.

В пограничной ситуации наподобие той, которая имеет место в анализируемом сне, нужно правильно воспринять ее исключительность, а точнее — то, что выглядит как нечто исключительное, но на деле испокон веков было присуще подобным ситуациям: корабль мертвецов приближается к Земле со своим экипажем, выстроенным, как для торжественного парада, вдоль палубы. Новая душа вступает в братство мертвых и пускается в странствие.

Появление подобных архетипических представлений всегда свидетельствует о необычных ситуациях. Наша интерпретация отнюдь не притянута за уши: дело простое в том, что внимание рассказчицы также было направлено именно в ту сторону, о которой мы попытались здесь сказать; мы лишь следовали за движением ее мыслей. Рассказчица, захваченная врасплох многоликими образами, как бы по невнимательности «не замечает» главного — приближения смерти, которая в определенном смысле касается ее в той же мере, что и ее подруги. Тема «экипажа» космического корабля нам уже знакома по предыдущему сну о металлическом пауке и появится вновь в шестом сне. Инстинктивное отвращение, испытываемое нами к глубинному аспекту темы смерти, несомненно, объясняет ту скромную роль, которую данная тема играет в литературе ОНЛО — как если бы авторы этой литературы говорили вслед за Фаустом: «Не призывай знакомый этотрой...»¹. Но специально «призывать» его уже нет нужды — царящей над миром атмосферы тревоги достаточно, чтобы обеспечить его постоянное присутствие.

ШЕСТОЙ СОН

Этот сон ведет свое происхождение из Калифорнии — по истине классического края ОНЛО; рассказ о нем я обязан любезности доктора Г. Клагера (H. Y. Kluger) из Лос-Анджелеса. Источник сна видения — женщина двадцати трех лет.

*«Вместе с одним человеком я стояла на площади или в центральной части какого-то города, имеющей форму к **рука**. Стояла ночь; мы глядели на небо. Внезапно я увидела, как нечто круглое и светящееся приближается к нам с очень большого расстояния. По мере приближения »пот предмет увеличивался в размерах. Я поняла, что это летающая тарелка и подумала, что это нелепая шутка. Огромный светящийся круг в конце концов закрыл собой все небо. Корабль — а это было именно корабль — подлетел настолько близко, что я смогла различить некие фигуры, расхаживающие по его палубе. Вначале я приняла происходящее за чей-то розыгрыш, но потом решила, что все, что я вижу, вполне реально. Я обернулась и обнаружила за своей спиной человека с кинопроектором; взгляд его был устремлен в небо. За нами находилось здание типа гостиницы. Там были люди, проецировавшие в небо то самое изображение, которое видела. Я сказала об этом всем окружающим меня людям.*

1) D. H. Menzel. Flying Saucers, 1953 (прим. автора).

1) Слова Вагнера из 2-й сцены («У городских ворот») 1-й части трагедии Гёте (перевод Н. Холодковского).

Затем я оказалась в помещении, похожем на студию. Там же находилось двое конкурировавших между собой режиссеров — оба пожилого возраста. С каждым из них, по очереди, я обсуждала свою роль в предстоящих съемках. В обсуждении участвовало множество молодых девушек; некоторые из них были мне знакомы. Один из режиссеров руководил эпизодом с летающей тарелкой. Оба режиссера ставили научно-фантастические фильмы, а я была избрана в качестве исполнительницы главной роли в обоих».

Рассказчица, по профессии актриса, в то время лечилась методом психоанализа от настоящего раздвоения личности, которое проявлялось у нее, как обычно, главным образом в плане отношений с противоположным полом, то есть в форме конфликта между двумя мужчинами, соответствующими двум несовместимым половинам ее личности.

КОММЕНТАРИЙ К ШЕСТОМУ СНУ

Как и в случае первого и второго снов, рассказчица в курсе проблемы НЛЮ; последние и здесь играют роль символов. Появление тарелки в определенной мере можно предвидеть, так как с самого начала рассказчица в ожидании стоит в «центральной» месте, на круглой площади в центре какого-то города. Таким образом, во сне четко устанавливается срединное положение, одинаково удаленное как от правой, так и от левой крайностей, и позволяющее хорошо рассмотреть и прочувствовать все, что происходит вокруг. Тарелка появляется как еще одно выражение или «проекция» той же «срединной» ситуации. В сновидении подчеркивается свойственный тарелке характер проекции: отмечается, что она ведет свое происхождение от кинематографических опытов двух режиссеров-конкурентов. В этих режиссерах нетрудно распознать тех двоих, между которыми колеблется сердце рассказчицы.

Так возникает фундаментальный конфликт, который должен разрешиться с появлением третьей стороны, занимающей посредствующее положение между двумя крайностями. Тарелка появляется здесь именно в роли посредника, нам уже знакомой; но вскоре обнаруживается, что это просто преднамеренный кинематографический «трюк», лишенный серьезного смысла и посреднической функции.

Имея в виду важность той роли, которую в жизни молодой актрисы играет режиссер, можно сказать, что благодаря своему воплощению в виде двух режиссеров влюбленные соперники как бы получили «повышение», их значимость резко возросла. Благодаря подобной метаморфозе они как бы специально улавливаются проекторами, освещающими жизненную драму молодой актрисы, и выходят на передний план до такой степени, что тарелка полностью заслоняется ими, сходит на нет; обнаружение технического трюка, вызвавшего тарелку к жизни, лишает ее всякого значения. Акцент переносится с феномена, казавшегося космическим, на режиссеров, которые просто использовали трюковые съемки. Таким образом, основной интерес сновидения концентрируется на профессиональных устремлениях рассказчицы; смысл сна и разрешение конфликта обретают точно определенную направленность.

Но неизбежно возникает вопрос — и вопрос довольно сложный: почему сон избирает эту впечатляющую картину с летающей тарелкой, чтобы потом, сразу после того, как «трюк» раскроется, довольно разочаровывающим образом отвергнуть ее? Учитывая таинственную, почти торжественную атмосферу начала сна со свойственным ей подчеркиванием идеи срединности, а также хорошо знакомый рассказчице сенсационный характер летающих тарелок, можно сделать вывод некоторой неожиданности подобного оборота. Все происходит так, как если бы сновидение утверждало: «не это, совсем не это действительно важно для тебя; речь идет всего лишь о кинематографическом трюке, о забаве для научно-фантастического фильма. Было бы лучше, если бы ты думала о той главной роли, которую тебе предстоит сыграть в обеих съемках».

Подобное развитие указывает на роль, отведенную тарелке, и на причину ее исчезновения. Личность рассказчицы занимает центр поля зрения; она находится в

срединомположении, компенсирующем ее распад надве противоположности и представляющемсобой средство и шансдля преодоления этой раздвоенности. Нодля того, чтобыпреодоление состоялось, необходимоиспытать некое чувство,способное заставить человека действоватькак единоецелое: благодаря подобному чувству ипо мере его развития колебательныедвижения, вынуждающие субъектаустремляться от одного автономногополюса к другому, прямопротивоположному, постепенно сойдутна нет, а вместоних воцарится состояние ясности, четкостии единства. В данном случае потрясающееявление летающей тарелки, котораяна мгновение приковывает к себе всеобщеевнимание,могло бы вызвать благотворное чувство.

Но появление тарелки в этом сновидении,как мы убедились,имело иносказательный смысл: сыгравроль предостерегающегознака, тарелка оказалась лишь средством,ведущимсовсем к другой цели. Вот почему образтарелки немедленно подвергся обесцениванию:это не феномен, а всего лишь трюк, идальнейший ход развития сна направленуже в сторону личной проблемы рассказчицы,ее внутреннегоконфликта, связанного с двумя мужчинами.Но когдаобычная и хорошо известная ситуациянеуверенности в выборе между двумямужчинами превращается в нечто болеезначительное, чем преходящие сердечныеколебания,это означает, что важная с виду проблемавыбора наделе не воспринимается всерьез.Повторяется история с Буридановымослом, который не мог решить, какую издвухохапок сена нужно съесть первой; но по существу его проблема являлась фиктивной,ибо у него просто-напросто небыло аппетита. Похоже, что нашу рассказчицутаке по-настоящему не занимает ни одиниз ее партнеров; она неинтересуется никем, кроме самой себя.Сновидение с полнойясностью сообщает ей о том, чего онахочет на самомделе: претенденты превращаются врежиссеров, и вся ситуациясводится к съемкам фильма с рассказчицейв главнойроли. В действительности она стремитсятолько к тому, чтобы играть в своейпрофессии главную роль: роль молодойвлюбчивой «звезды», по существу совершенноравнодушнойк тому, кто является ее партнером наданный момент.Но и это ей явно не удастся, ибо оначастично уступает искушению восприниматьсвоих партнеров не простокак исполнителей ролей в собственнойдраме, а как нечто реальное. Возникаетвопрос об истинности ее артистическогопризвания и о степени серьезности ееотношения к профессии. В ситуации,характеризующейся нестабильностьюна уровне сознания, сновидение указываетна профессиональную деятельность как нанечто, обладающее большейпривлекательностью, чем любовь кмужчине,и таким образом намечает путь разрешенияконфликта.

Этот сон ни в коей мере не может способствоватьразъяснению вопроса о природе НЛО.Тема НЛО использована здесь только как сигнал тревоги, как способ воспользоватьсяколлективным возбуждением, сопровождающимданный феномен; последний служитподчеркиванию определенной атмосферы.Как бы интересен или даже опасен он нибыл, молодости свойственно уделятьбольшее внимание проблеме отношениймежду «ею» и «им» — проблема этаоказывается куда более актуальнойи увлекательной. В случае нашей рассказчицыподобная точка зрения, несомненно,является обоснованной, ибо для человека,которому еще предстоит расти и развиваться,земля и ее законы имеют бесконечнобольшее значение, нежели послания изневедомых далей, передаваемые спомощью небесных знаков. Молодость, какизвестно, длится очень долго; свойственноеей состояние духа, с его неистовымипорывами, для многих оказываетсянаивысшим достижением в жизни.Психологические ограничения,действительные в отношении молодых,сохраняют свое значение и для техседеющих личностей, которым не даносостариться и для которых каждый новыйдень рождения играет роль очередногопразднества и честь двадцатилетнегоюбилея. В самых счастливых случаяхподобные люди не сталкиваются спроблемами, свойственными второйполовине жизни, и похвальным образомсосредоточиваются на работе, на профессиональной деятельности. Они стремятся освободить свой разум отразного рода отвлеченных размышленийи вопросов, трактуемых **Как** бесполезныеизлишества. Но такой

образ мыслей обязательно приводит к стагнации, от которой не защищен ни один из подобных индивидов, вне зависимости от возраста, социального положения и образования. Впрочем, человеческое общество, всеми своими несовершенствами, все еще очень молодо, ибо с точки зрения становления мира три-пять тысяч лет кажутся ничтожной малостью!

Я остановился на данном сне, чтобы представить его в качестве некоего образца и показать, что отношение бессознательного к проблеме, которая нас занимает, часто может сводиться к ее обесцениванию, к превращению ее в безделицу. Таким образом я хотел продемонстрировать, что символы — независимо от того, под каким углом зрения они рассматриваются, — никогда не бывают однозначными; содержащийся в них смысл всегда зависит от многочисленных и очень разных факторов. Жизнь продолжает свое движение вперед начиная с той точки, в которой существо находится в данный момент, а не с какой-либо иной.

В следующей главе я буду говорить о некоторых произведениях живописи, имеющих отношение к феномену НЛО. Автору одного из них (см. рис. 3) я послал письмо, в котором отмечал родственность некоторых деталей его картины странным небесным явлениям. В ответ он сообщил мне о сне, приснившемся ему 12 сентября 1957 года.

СЕДЬМОЙ СОН

«Вместе с группой людей я находился на вершине холма, откуда открывался необычайно красивый вид на покрытую сочной зеленью холмистую местность.

Неожиданно летающее «блюдо» пролетело перед нами и остановилось на уровне наших глаз. Солнце освещало его. Оно было похоже не столько на машину, сколько на округлую плоскую глубоководную рыбу огромного размера (примерно 10-15 метров в диаметре). Его корпус был усеян синими, серыми и белыми крапинками. Его борта беспрестанно дрожали и трепетали; казалось, они выполняют функцию весел руля.

Это существо начало описывать круги вокруг нас; затем, подобно пушечному ядру, оно вдруг взмыло прямо к голубому небу, с головокружительной скоростью вернулось обратно и вновь начало вращаться вокруг нашего холма. Было очевидно, что эти движения каким-то образом относятся к нам (когда аппарат прошел особенно близко, он показался значительно менее крупным, похожим скорее на молот-рыбу).

И вот аппарат приземлился недалеко от нас. Из него вышел пассажир и направился прямо ко мне (это существо походило на земную женщину). Люди, бывшие со мной, в страхе убежали и наблюдали за нами с почтительного расстояния.

Женщина сказала мне, что там, в другом мире (откуда она прибыла), меня хорошо знают и следят за тем, как я выполняю свое задание (свою миссию?).

Она говорила суровым, почти угрожающим тоном; казалось, что она придает большое значение возложенному на меня поручению».

КОММЕНТАРИЙ К СЕДЬМОМУ СНУ

Это сновидение возникло в связи с тем, что в ближайшие дни рассказчику предстояло нанести мне визит. В экспозиции сна показано позитивное чувство ожидания и надежды. Драматическое действие начинается с неожиданным появлением летающей тарелки, которая самым кровавым образом демонстрирует свое намерение привлечь внимание наблюдателя. Внимательный осмотр летающего аппарата показывает, что он представляет собой не механизм, а живое существо, нечто вроде огромной глубоководной рыбы — ската; известно, что некоторые разновидности скатов способны выпрыгивать из воды и получили название «летучих рыб»¹. Перемещения существа подчеркивают наличие взаимосвязи между ним и наблюдателем. Попытки приблизиться завершаются приземлением. Из тарелки выходит нечто человекоподобное, что указывает на возможность основанной на разуме, человеческой связи между летающей тарелкой и теми, кто наблюдает за ней. Это впечатление усиливается благодаря женственному облику появившегося существа; неясность, таинственность этого облика свидетельствует о том, что он принадлежит «аниме». Нуминозный характер данного архетипа вызывает у части

«присутствующих» паническую реакцию: рассказчик отмечает субъективное стремление бежать. Последнее обусловлено той требующей особого внимания

1) Строго говоря, автор допускает неточность: «летучие рыбы» (семейство Eхосоetidae) не родственны скатам и не принадлежат к числу глубоководных рыб. Очевидно, здесь имеется в виду другая рыба — так называемая гигантская манта (Mantabirostris), действительно способная «выпрыгивать» из воды.

общностью, которая существует между анимой и судьбой: анима — это Эдипова Сфинкс¹, Кассандра, посланница Грааля, Белая дама, возвещающая о смерти и т. п.

Эта общая концепция анимы в данном случае подтверждается ее обращением: она прибыла из другого, потустороннего мира, где рассказчика хорошо знают и внимательно следят за тем, как он выполняет свою «миссию».

Известно, что анима персонифицирует коллективное бессознательное², «царство матерей»³; эта сторона человеческого существа обладает неустранимой тенденцией оказывать влияние на сознательное поведение благодаря гибкому взаимодействию, основанному на живом интуитивном понимании человеком своей собственной природы. Если же сознание не поддается подобному влиянию, анима не останавливается даже перед насильственным вторжением в его сферу — вторжением, в результате которого сознание сталкивается с элементами психического содержания, ведущим свое происхождение из «царства матерей» и расцениваемыми как нечто совершенно чуждое и непонятное. Согласно нашему сну летающие тарелки являются одним из таких элементов — настолько чуждым, насколько это вообще возможно. В данном случае интеграция в сферу сознания кажется настолько сложной, что обычные ресурсы понимания ничем не могут помочь. Вот почему разум — еще до обретения настоящего знания об увиденном — обращается к объяснениям мифического порядка, привлекая обитателей небесных тел, ангелов, духов или богов. Нуминозность подобных представлений достигает настолько высокой степени, что даже не возникает вопроса о том, что они являются результатом субъективного восприятия коллективных бессознательных процессов.

Согласно расхожему мнению, любое субъективное наблюдение может быть либо «истинным», либо «ложным»; в последнем случае оно является не более чем иллюзией или галлюцинацией. Но большинству людей (не считая

Не следует забывать, что термин «сфинкс» (или «сфинга») обозначает существо женского рода.

Когда «Тень», низшая личность, в значительной степени бессознательна, бессознательное представляется мужской фигурой (прим. автора).

Ср. сцену «Темная галерея» из 1-го акта второй части «Фауста» Гёте.

страдающих от кровяными патологическими расстройствами) трудно постичь, что иллюзии и галлюцинации могут представлять собой истинные в своем роде феномены, чья истинность может быть обоснована посредством более чем достаточных мотивировок. По сути дела даже в рамках нормы существуют настолько «реальные» и впечатляющие проявления бессознательного, что у субъекта возникает инстинктивное чувство протеста против стремления других усматривать во всех ощущениях всего лишь ошибки органов чувств или ложную игру воображения. Но именно инстинкт в данном случае прав: ведь ощущения могут быть направлены не только наружу и внутрь, но и, так сказать, в противоположную сторону — когда внутренний процесс нераспознается как таковой, не интегрирован, и в результате, как это часто бывает, оказывается «спроецированным» наружу.

Как правило, сознание мужчины проецирует все исходящее из сферы бессознательного (персонифицированного и обличья женщины) ощущения, образы и устремления на некое существо, воплощающее его аниму, то есть на реальную женщину из плоти и крови; с ней его отныне объединяет связь, по своей интенсивности, непосредственности и прочности аналогичная связи между сознанием и содержанием сферы бессознательного. Таковы обстоятельства, придающие аниме значение судьбы — значение, намеченное в анализируемом сны в виде вопроса: «Как ты

выполняешь возложенную на тебя задачу, «миссию», ради которой ты существуешь, которая является целью и смыслом твоей жизни?».

Здесь мы сталкиваемся с проблемой индивидуации — главным, ключевым вопросом судьбы, адресуемым человеку; этот вопрос в ребяческой, невразумительной форме загадки Сфинкс стал роковым для несумевшего его правильно понять Эдипа (трудно вообразить себе разумного афинянина, который, присутствуя на представлении трагедии, мог бы оказаться сбитым с толку «страшными загадками» Сфинкса). Чтобы разрешить загадку, столь зловещую в своей детской простоте и легкости, Эдип не прибег к помощи разума; в результате судьба его оказалась трагичной именно потому, что он решил, будто правильно ответил на вопрос. Ему следовало отвечать самой Сфинкс, а не ее обманчивой видимости¹.

В рассматриваемом сне анима появляется как квинтэссенция летающей тарелки — подобно Мефистофелю, выступающему как квинтэссенция пуделя². Мефистофель представляет собой всего лишь часть Фауста; точно так же и анима служит всего лишь частью целого, представленного таким трудным для понимания образом, как «глубоководная рыба» округлой формы. В данном сновидении анима играет роль посредника между бессознательным и сознанием; это образ, подобно Сфинксу, двойствен, и воплощает, с одной стороны, чисто инстинктивную, «животную» природу (тело), а с другой стороны — природу сугубо человеческую (голова). В теле кроются глубинные силы, определяющие судьбу, а в голове — возможность сознательно воздействовать на них. Эта фундаментальная идея позднее будет подтверждена на примере созданной нашим рассказчиком картины. Анализируемый сон использует выразительность мифологического языка, выдвигая представление о потустороннем мире и об ангелоподобных существах, синтересом следящих за делами и поступками людей. Так в образной форме находит свое выражение симбиоз сознания и бессознательного.

Таково объяснение, кажущееся нам наиболее естественным и удовлетворительным. Что же касается возможного

1) Для лучшего понимания этого места стоит привести следующую цитату из статьи современного исследователя: «Во фрейдовской интерпретации мифа об Эдипе нужно все поменять местами, чтобы добиться правильного смысла: Эдип не потому претерпевает свою судьбу, оказываясь носителем экстраординарного знания (загадка сфинкса) и экстраординарной власти, что его неудержимо влекло к реализации Эдипова комплекса, но напротив: в убийстве отца и сожигании матери мифомышление, в соответствии со своими имманентными законами, обретает символ для характеристики его выходящего из нормы бытия» — С. С. Аверинцев. «Аналитическая психология» К. Г. Юнга и закономерности творческой фантазии. - О современной буржуазной эстетике, вып. 3, М., «Искусство», 1972, с. 120. «Экстраординарность» бытия Эдипа, очевидно, заключалась в неумеренной гордыне, «инфляции» (пользуясь термином Юнга), связанной с недооценкой собственной сферы бессознательного, «анимы» (персонифицированной в образе Сфинкса), которая не преминула ему жестоко отомстить.

2) См. сцену «У ворот» в первой части «Фауста» Гёте.

метафизического «фона», то мы должны признать свою некомпетентность в данном вопросе и невозможность каких-либо доказательств в этой ситуации. В сновидении явно прослеживается тенденция создать некую психологему, то есть выразить психологическую тему, которая каждый раз появляется в новом облике и совершенно не связана с вопросом о том, следует ли считать летающие тарелки субъективными проявлениями или они существуют на самом деле. Психологема, то есть вечная архетипическая психологическая тема — это реальность в себе и для себя; она основана на реальных впечатлениях, которые не предполагают физической реальности НЛО, поскольку о них было известно задолго до того, как вообще зашла речь о НЛО. Концовка сна придает высказыванию женщины особый вес, подчеркивая его серьезный, даже угрожающий аспект. На коллективном уровне элемент угрозы находит свое соответствие

в виде часто выражаемого опасения, будто НЛО на самом деле не столь уж миролюбивы, что возможные контакты с другими планетами способны привести к непредсказуемым последствиям. Пищей для отмеченного опасения служит сообщение (вполне правдоподобное), что компетентные инстанции в Америке препятствуют публикации некоторых сообщений на данную тему.

Не следует недооценивать проблему индивидуации, которая стала крайне серьезной и даже угрожающей именно нашей эпохе, когда особенно широкие масштабы приобрело подавление личности массой — со всеми вытекающими отсюда деструктивными последствиями. В результате возникла мощная, фундаментальная альтернатива всей западной культуре. Несомненно, подданный государства, в котором царит диктатура, лишен личной свободы; несомненно и то, что аналогичное развитие политических процессов грозит и нам, если мы не найдем соответствующих средств защиты. Вот почему мы непосредственно сталкиваемся с вопросом о том, согласны ли мы лишиться своей личной свободы и что мы можем сделать для предотвращения подобной перспективы.

В такой ситуации обычно прибегают прежде всего к мерам коллективного порядка, не замечая, что тем самым лишь способствуют усилению господства массы — а ведь именно против него, собственно говоря, и ведется борьба.

Поскольку любая коллективная мера по своей природе приводит лишь к возрастанию удушающего воздействия массы, остается лишь одно средство: *выделить, подчеркнуть личность и поднять ее достоинство*. Необходимо пересмотреть весь комплекс отношений с окружающим миром, с самой жизнью, и по-настоящему признать человека во всей его целостности. Но все это должно быть предметом *личностного* интереса, делом личности как единственного и неповторимого существа; чтобы достигнуть цели, процесс должен начинаться именно на данном уровне.

Таково вытекающее из общечеловеческой (коллективной) инстинктивной основы сообщение, которое содержится в данном сновидении и передается с его помощью рассказчику. Большие политические и социальные организации должны являться не самоцелью, а лишь временным средством. В США уже осознали необходимость ликвидации больших трестов; та же тенденция к роспуску гигантских организаций с течением времени будет повсеместно осознана как острая потребность, ибо такие организации, превращаясь в самоцель и приобретая автономию, становятся крайне отрицательным фактором, истощающими пожирающим человека, наподобие раковой опухоли. Они фактически держат человека под наблюдением, а сами ускользают из-под его контроля. Человеческое существо превращается в их жертву и вынуждено подчиниться безумству идеи, которая больше не приемлет собственных хозяев. Подобная опасность реальна для любых больших организаций, растворяющих человека в себе. Против этой страшной угрозы есть только *одно средство*: восстановление достоинства личности.

Но это жизненно важное средство не может быть пущено в ход произвольно и преднамеренно, по первому требованию, как спланированный ответ на некую хорошо осознаваемую ситуацию. Для этого человек слишком мал и немощен. Он нуждается в безотчетной вере, в побудительных мотивах, ощущаемых как метафизические по своему происхождению; все это не может быть воссоздано искусственно, только лишь благодаря добрым намерениям, объединенным на основе определенного минимума понимания.

Подобная метафизически ориентированная доминанта способна установиться лишь спонтанным путем. Именно такое событие лежит в основе разбираемого сна. Высказанного мною мнения о связи отдельных деталей картины, созданной рассказчиком, с феноменом НЛО, оказалось достаточно, чтобы вызвать в нем к жизни архетипическую легенду, которая сообщает НЛО смысл нуминозного символа значимости индивида — значимости, обретшей метафизическое обоснование. Эмпирический человек далеко не уместен в границах собственного сознания. Он привлекает к себе интерес потустороннего мира; он него ждут достижений, возвышающихся над областью эмпирического с ее узкими пределами. Интерес к потустороннему миру сам идет навстречу

индивиду, пробуждается внедрх его существаи требует от него проявлений, возвышающихсянад областьюэмпирического с ее узкими пределами. Врезультате человек обретает новое, более высокоедостоинство, его значимость достигаеткосмических сфер. Такая нуминознаяметаморфоза не может быть плодомосознанных намеренийили интеллектуальной убежденности; онавозникаеткак отклик на потрясение, испытываемое«Я» под впечатлениемот пришедших в движение архетипическихсил. Подобныйопыт небезобиден, ибо он часто приводитк инфляцииличности: «Я» ощущает себя как бы«размножившимся»и «увеличившимся в размерах», хотя надеде оноотодвинуто на задний план; инфляцияотнимает у него почву,лишает опоры, но чтобы все-таки «устоятьна ногах», личность парадоксальнымобразом испытывает огромнуюпотребность именно в чувстве инфляции(например,в ощущении того, что она принадлежит кчислу редкихизбранных). Возвышению подвергаетсяне «Я», а заменяющаяего, более обширная и значимая Самость— символвсего человека в целом. «Я» любитвоображать, что онои есть человек в целом; вот почему емутак трудно избежатьугрозы инфляции. Последняя настолькоопасна, что человеку свойственно встрахе отступить перед подобнымипереживаниями и даже спастись от них,как от болезней.Именно поэтому само понятие бессознательноговоспринимаетсялюдьми с трудом, а необходимостьзаниматьсяим наталкивается на еще более резкуюреакцию.

Совсемнедавно — каких-нибудь несколькотысячелетий назад — разум людей находилсяна первобытном уровне, которому быисвойственны свои «душевные катастрофы»— потеря души, одержимость и т. д., —угрожавшие единству личности, тоесть «Я». Все эти опасности и угрозы ещедалеко не преодолены даже в нашемцивилизованном обществе. Конечно,сегодня они уже не настолько пагубныдля индивида, но этого нельзя сказатьо целых национальных и социальныхгруппах большого масштаба, о чем слишкомкрасноречиво свидетельствует современнаяистория. Речь идет о психическихэпидемиях, уничтожающих личность. Передлицом этой опасности есть лишь односредство: отдаться на волю *эмоции*, которая, не подавляя и не уничтожаяличность, ведет ее к достижениюцелостности, полноты. Последняя жеустанавливается только в тот момент,когда «человек сознательный» объединяетсяс бессознательной частью собственногосущества. Процесс объединения лишь вочень малой мере зависит от нашейсобственной воли; в основном он происходитнепроизвольно. Сознание способно влучшем случае лишь подвести нас к границебессознательного; достигнув ее, мы можемтолько ждать и наблюдать за ходомсобытий.

С точкизрения сознания этот психологическийпроцесс выглядит как настоящееприключение, как поиск в духе «Путипилигрима» Джона Баньяна¹; докторЭстер Хардинг посвятила этой книгеобстоятельное исследование², вкотором показано, что описываемыеБаньяном внутренние переживания, привсех различиях в языке и представлениях,вполне аналогичны тому, что испытываетсовременный человек, сделавший выборв пользу «тесных врат»³. Эту книгуя рекомендую любому, кто хотел бы уяснитьсебе смысл понятия «процесс индивидуации».На вопрос, который мне задавали тысячираз: «Что я могу сделать?», я знаю лишьодин ответ: «Стань тем, кем ты былвсегда!», иными словами — попытайсядостичь той целостности, которой тыобладал, сам не зная об этом, но которуюты утратил по вине обстоятельствсознательной жизни в цивилизованномобществе. Книга Хардинг написананастолько простым и доступным языком,что любой читатель, даже не имеющийспециальных знаний, может при наличииидоброй воли понять ее содержание. Читаяэту книгу, он поймет также, почему —хотя вопрос «что я могу сделать своимислабыми силами в сегодняшней угрожающеймиру ситуации?» кажется ему таким важным— ему все-таки лучше ничего не делатьи предоставить событиям идти своимпутем.

Человекусвойственно воспринимать коллективныеидеалы как нечто достойное особогочтения и восхваления; в связи с этимон всячески стремится внести свой вкладв развитие больших организаций, замечая, что они служат делу уничтоженияличности. Ценность группы всегда нижесредней ценности составляющих ее членов;что же говорить о группах, в большинствесвоем состоящих из небокопителей,лентяев и невежд? Ясно, что

идеалы, проповедуемые подобной организацией, недорого стоят. Впрочем, согласно старой китайской поговорке, лучшее из средств в нечистых руках само становится нечистым.

Сообщение, переданное летающей тарелкой нашему рассказчику, касается проблемы нашего времени, проблемы, которая жизненно важна для каждого из нас. Небесные знамения появляются для того, чтобы их видел каждый. Они призывают человека вспомнить о душе и поразмыслить над проблемой собственной целостности, ибо именно целостность человека должна стать ответом Запада на угрозу подавления личности массой.

Дж. Баньян (Bunyan) (1628-1688) — английский религиозный писатель.
Е. Harding. *Journey into Self*. - New York, 1956 (прим. автора).
Ср.: «...тесны врата и узок путь, ведущий в жизнь, и немногие находят их» — Матфей, 7, 14.

3. НЛО в изобразительном искусстве

Судьбе было угодно, чтобы в тот самый момент, когда я решился предпринять работу над настоящими заметками, мне представилась возможность ознакомиться с любопытным произведением одного художника, глубоко заинтересованного событиями современной жизни и, по его собственному признанию, охваченного фундаментальной тревогой нашего времени — всеобщим, получившим всемирное распространение паническим страхом перед возможностью катастрофического разгула деструктивных, разрушительных сил.

Правда, нужно сказать, что живопись уже давно занимается дроблением форм и «разбиванием скрижалей»¹, следуя в этом своему закону, согласно которому она выражает в видимой форме наиболее весомые и значительные тенденции эпохи. В результате создано множество произведений, из которых в равной мере изгнаны как смысл, так и чувство; произведения эти характеризуются «абсурдностью» и преднамеренным отсутствием связи со зрителем. Живопись полностью подчинилась духу разложения, одновременно провозглашая новую концепцию красоты и находя удовлетворение в отрицании любого смысла, любого чувства. Она целиком состоит из осколков, бессвязных фрагментов, дыр, искривлений, беспорядка, пересечений, проявлений инфантилизма и вульгарности, выходящих далеко за рамки обычной дилетантской неловкости и ставя-

1) См.: C.G. Jung. Picasso. - *Neue Zürcher Zeitung*, CLIII:2 (13 Nov.), 1932.

«Сеятель огня» (рис. 2)

126

ших под вопрос классическую истину: искусство начинается с умения. В наше время принято находить «красивой» любую, даже самую абсурдную и отталкивающую новацию области женской моды; вот и в «современном искусстве» находят красоту, но это — «красота» хаоса. Вот что провозглашает и превозносит это искусство: блистательную мусорную кучу нашей цивилизации.

Нужно признать, что подобная позиция содержит в себе тревожный, пугающий элемент, особенно в сочетании с политическими опасностями нашей эпохи, способными привести к непредсказуемым последствиям. Можно представить себе, что в нашу эпоху «великих разрушителей» доставляет особое удовольствие быть чем-то вроде метлы, сметающей в угол мусор прошлого.

Автор картины, о которой я намереваюсь говорить, нашел в себе смелость признать наличие всеобщей и глубокой тревоги и выразить ее в своем искусстве — подобно тому, как другие отваживались или чувствовали себя вынужденными переводить в зримую форму столь же всеобщую, осознанную или бессознательную волю к разрушению. Для всех этих художников разрушение и распад, приводящие к хаосу, стали любимой темой; они предаются ей со свойственным героической страстью ощущением *пре восхода*, которое не знает

страха и не заботится о будущем. Но совсем иначе обстоит дело со страхом, представляющим собой признание собственной *слабости*: он стремится прочь от хаоса, к устойчивой и осязаемой реальности и непрерывности существования, к наполненности смыслом; одним словом, это *тревога, которая стремится к культуре*. Тревога эта есть признание того, что распад нашего мира вызван его собственным несовершенством, нехваткой в нем какого-то очень важного элемента, который мог бы защитить его от вторжения хаоса; фрагментарному облику прошлого чувство тревоги стремится противопоставить ощущение полноты, целостности, благополучия.

1) В 365 г. до н. э. Герострат разрушил храм Артемиды в Эфесе, стремясь таким образом обессмертить свое имя (прим. автора).

Рис.2: «Сеятель огня», картина Э. Якоби

чия. Но поскольку настоящее явно не в состоянии удовлетворить подобное стремление, современный человек лишается возможности хотя бы вообразить себя в качестве целостного существа.

Ввиду того, что человек нашего времени проникнут скептицизмом, химерические идеи, направленные на улучшение мира, резко упали в цене. Старым, не оправдавшим себя рецептам доверяют лишь частично или не доверяют вообще. Отсутствие идей глобального масштаба, способных принести пользу или хотя бы заслуживающих доверия, порождает ситуацию «чистого листа», на котором может возникнуть все что угодно. Феномен НЛО, по всей видимости, принадлежит именно к таким явлениям.

Отчасти отдавая себе отчет в наличии определенной аналогии с летающими тарелками, художник¹ в вечернем небе над городом изобразил некое округлое тело, огненный вращающийся шар. Наивно стремление к персонификации заставило его придать шару едва заметные признаки лица; шар, таким образом, превратился в голову, которая однако, отделена от тела, что подчеркивает ее независимость. Как голова, так и тело состоят из огня. Это — громадная фигура призрачного сеятеля в ночи. Но сеятель этот усыпает землю огнем; последний, подобно дождю, падает с неба. Впрочем, здесь имеется в виду, судя по всему, невидимый «философский» огонь², ибо город не охвачен пожарами и кажется спокойным. Искорки огня падают там и сям без всяких признаков целенаправленности, подобно сыпавшимся семенам. Бесплотный сеятель обходит городские дома; два мира проникают друг в друга, не вступая в непосредственное соприкосновение.

«Философы», то есть старые мастера алхимии, уверяют, будто их «вода» одновременно есть «огонь». Их Меркурий — «гермафродит», воплощение «двойственности», соединение противоположностей (*complexio oppositorum*), вестник богов, являющийся «единым» и одновременно «совокуп-

Надо сказать, что он отнюдь не является «адептом» НЛО и не знаком с относящейся к этому явлению литературой (прим. автора).

Здесь и ниже я неоднократно обращаюсь к символам средневекового происхождения, возможно, неизвестным читателю. Необходимые исторические сведения он сможет найти в некоторых моих работах, в особенности в: С. G. Jung.

Psychologie und Alchemie, 1952 (прим. автора)

ным» существом. Кроме того, это *Hermes katachthonios* («подземная ртуть») — Дух Земли, излучающий ясность и пылающий жаром, более тяжелый, чем металл, и более легкий, нежели воздух, отравляющий и исцеляющий, змей и орел. С одной стороны это панацея, эликсир жизни; с другой стороны он представляет смертельную угрозу для несведущих. Образованный человек прошлого (в культурном багаже которого, кстати, содержалась и алхимическая философия; ее считали даже настоящей «религией лекарей») нашел бы в анализируемой здесь картине множество скрытых намеков и без труда определил бы ее место в кругу своих понятий. Что же касается нас, то подобную картину мы воспринимаем как нечто странное, не поддающееся объяснению; наши попытки сравнивать или сопоставлять ее с другими явлениями тщетны ввиду того расхождения, которое существует между сознательной мыслью и бессознательной интенцией.

В картине запечатлена несоизмеримость двух миров, проникающих друг в друга, не соприкасаясь. Сеятель, конечно же, засеивает своей семенами землю, но ему безразлично — падают ли «семена» на город или на пустынные окрестности; для всех земных существ происходящее остается незамеченным. Данную картину можно сравнить с сновидением, пытающимся толковать человеку, что, с одной стороны, его сознание существует в разумном и обыденном мире, но с другой стороны, в непосредственной близости от него возникает ночное и призрачное видение Номо *maximus*, «человека величайшего».

Рассматривая гигантскую фигуру сеятеля как зеркальное отображение личной психологии автора, мы увидим в ней всего лишь нечто вроде психологического эквивалента бродячего призрака¹. Придерживаясь подобной точки зрения, следует предположить, что художнику присуща мания величия, вытесненная по причине той тревоги, которую она причиняет своему носителю. Вся проблема, таким образом, ограничивается патологическим аспектом, а произведение имеет смысл лишь как «добровольное признание» невротика. Тревожная мысль об апокалиптике —

1) Гора Брокен (Гарц) в традиционных представлениях — место, где разыгрывались мистерии нечистой силы; см., в частности, сцену Вальпургиевой ночи в «Фаусте» Гёте.

скай ситуации в мире сводится к эгоцентрическим страхам существа, подверженного тайной и тщательно лелеяемой мании величия — страхам, в основе которых лежит опасение, что воображаемому величию при соприкосновении с реальностью может быть нанесен ущерб. Так гора рождает мышь, а мировая трагедия оказывается не более чем комедией жалкого, тщеславного человека. Трагикомедии и маскарады этого рода известны нам слишком хорошо.

Но у нас нет достаточных оснований для того, чтобы увидеть здесь только *climax majori adminus* (сведение великого к малому). Мысль о том, что образ сеятеля полон смысла, подсказана нам не только его огромностью и необычностью, но и нуминозностью породившего его бессознательного «фона», полного символических ассоциаций. Если бы в картине не выражалось ничего, кроме чувства личного тщеславия или инфантильной потребности в самовозвеличивании, был бы уместнее выбор иного символа: лица, конкурирующего с автором в его профессии. В этом случае автор, движимый завистью к успехам конкурента, возвысил бы его в ранге и, как показывают относящиеся к аналогичным случаям наблюдения, сообщил бы тем самым особую значимость самому себе.

Но на деле в нашей картине ничего этого нет; как раз наоборот, изображенная на ней фигура, как я уже говорил, целиком *архетипична*. Подобно архаическому царю или богу, она бесконечно превосходит по размерам обычного человека; она сделана не из плоти и крови, а из огня; ее голова — округлой формы, подобно небесному телу или ангелу Апокалипсиса (см. Откровение, 10, 1): «над головою была радуга, и лице его как солнце, и ноги его как столпы огненные». Кроме того, голова фигуры напоминает средневековые изображения богов, олицетворяющих планеты, чьи головы выглядели как звезды. Голова отделена от тела, что подчеркивает ее независимость; в этом плане она аналогична таинственной субстанции алхимиков — философскому золоту (*aureum non vulgi* = «не простое золото»), «элементу-голове» (*elementum capitis*) или «элементу омега» (греческая буква омега идентифицировалась с головой; этот символ восходит к Зосиму Панополитанскому, III в. н. э.). Дух — это странник, который бродит по земле, сея огонь; в этом он похож на тех богов или богочеловеков, которые обходят страны, совершая чудеса, разрушая или принося исцеление. В Псалме 103 сказано, что Господь «служителями Своими» творит «огонь пылающий»; Бог сам есть «всепожирательный огонь». Этот «огонь» выражает и обозначает интенсивность чувства; это — символ Святого Духа, который в день Пятидесятницы чудесным образом изливается с неба в виде огненных языков¹.

Архаические признаки буквально переполняют картину; частично они восходят к известной автору библейской традиции, частично же проистекают из его

наследственной предрасположенности к воспроизведению аналогичных, но автохтонных мыслей и представлений. Более или менее осознанное привлечение феномена НЛО проливает свет на внутреннее родство этих двух комплексов идей: один из них объясняет другой, поскольку оба имеют общее происхождение.

Интересно, что в другой картине того же автора обнаруживается мотив (выписанный в голубых и белых тонах), сопоставимый с тем, что мы уже встречали в связи с вторым сном. Речь идет о весеннем пейзаже, где голубой небесный свод оттенен серебристой дымкой. Но в одном месте тонкий покров облаков содержит круглое отверстие, сквозь которое можно видеть глубокое синее око чистого неба. Небольшое, горизонтально растянутое по обеим сторонам отверстия белое облако сообщает целому форму *глаза*. Внизу находится шоссе, по которому движутся весьма реалистически изображенные автомобили. Художник объяснил мне, что «сидящие в автомобилях не видят глаза». На этой картине традиционный «глаз Бога» — глаз, смотрящий с небесной высоты, — занимает место НЛО.

Во всех упомянутых символических представлениях мы встречаем архетипические образы, родившиеся отнюдь не в связи с наблюдениями над НЛО; образы эти существовали всегда. Мы располагаем историческими свидетельствами об аналогичных фактах, насчитывающими десятки, а то и сотни лет. Тридцать лет назад, когда проблемы «летающих тарелок» вообще не существовало, мне стал известен целый ряд очень похожих сновидений, например: множество маленьких солнц или золотых монет, нисходя-

1) См.: Деяния Св. Апостолов, 2, 3.

щих с неба; мальчик в одежде, сотканной из золотистых и светящихся округлостей; странник в звездных просторах; тело, которое вначале вошло подобно Солнцу, а затем, в результате развития целой серии видений, превратилось в мандалу. Я вспоминаю также картину, показанную мне в 1919 году: внизу — город, расположенный вдоль берега моря и похожий на обычный современный порт с кораблями, заводскими трубами, укреплениями, пушками и солдатами; выше — толстый слой облаков; еще выше — нечто вроде вращающегося и светящегося диска, разделенного на четыре равные части «греческим» крестом красного цвета. Здесь уже видны два мира, разделенные слоем облаков и не вступающие в непосредственное взаимодействие друг с другом.

Рассказы НЛО начали интересовать меня сразу после своего появления, ибо я понял, что по своей природе они, по всей видимости, являются символическими слухами; поэтому с 1947 года я собираю все доступные мне публикации на их счет. Эти рассказы, как мне всегда казалось, имеют много общего с символикой мандалы, о которой впервые написал в 1929 году в работе «Тайна золотого цветка» (совместно с Рихардом Вильгельмом) 1. Конечно, хотелось бы предоставить показания добросовестных очевидцев и радаров «преимущество сомнения» 2, но при всем том следует подчеркнуть несомненное родство между феноменом НЛО и отдельными психическими и психологическими предпосылками, которыми нельзя пренебрегать при оценке и интерпретации наблюдений. В результате такого сближения удастся объяснить феномен с психологической точки зрения; он предстает как психическая компенсация коллективной тревоги, переполняющей умы и сердца. Но значение молвы не исчерпывается ее ролью *симптома*, объяснимого на основе причинных связей; «летающие тарелки» претендуют на ценность и значимость живого *символа*, то есть действенного динамического фактора, который в силу всеобщего незнания и непонимания способен проявиться только через посредство визионерских слухов.

C. G. Jung, R. Wilhelm. Das Geheimnis der goldenen Blüte. Ein chinesisches

Lebensbuch. - München, Dorn, 1929.

Имеется в виду юридический принцип, согласно которому любое со мнение толкуется в пользу обвиняемого.

Как показывает опыт, архетипическая конструкция всегда содержит в себе элемент

нуминозности; в данном случае этот элемент детерминирует не только широкую распространенность слуха и богатство его содержания, но и его удивительную устойчивость. Нуминозный характер этого комплекса представлений вызывает потребность в тщательном исследовании и заставляет глубоко задуматься над тем, что означает подобный слух для нашего времени и какие процессы вызревают ныне в сфере бессознательно современного человека: ведь задолго до рождения Афины Паллады в полном вооружении из головы Зевса, Всеобщего Отца, ее появление было предугадано и подготовлено вещими снами, снабжавшими сознание набросками и эскизами. Степень нашего понимания определит: сумеем ли мы способствовать благотворным проявлениям, которые должны дать о себе знать в будущем, или, в силу свойственных нам предубеждений, узости мысли и невежества, мы вытесним их и в результате трансформируем благотворное воздействие в его противоположность, в эффекты отравления и разрушения.

Здесь я ожидаю от читателя вопроса, бесчисленное количество раз слышанного мною от больных: какую пользу способна принести компенсация, которая в силу своей символической формы не может быть воспринята сознанием? Оставляя в стороне случаи — впрочем, не столь уж редкие, — когда смысл сновидения удастся понять после сравнительно небольшого умственного усилия, мы можем утверждать, что компенсация, как правило, остается непонятой с первого взгляда и легко может пройти незамеченной. Язык сферы бессознательного чрезвычайно далек от интенциональной ясности, свойственной языку сознания: ведь он образуется в результате конденсации многочисленных, часто подпороговых элементов, родственные связи которых с психическим содержанием сознания остаются незамеченными. Эти элементы не принимают форму целенаправленного суждения; они инстинктивно следуют архаическим «образцам», которые в силу своего мифического характера неразличаются и не распознаются разумом. Реакция бессознательного — это проявление природы, не заботящейся о том, чтобы благодетельствовать человеческой личности или руководить ею; эта реакция регулируется и ограничи-

вается только потребностью обеспечить психическое равновесие. Поэтому в некоторых случаях, как я уже неоднократно замечал, непонятый сон может все-таки сыграть известную компенсирующую роль, хотя обычно его осознанное восприятие является необходимым условием; здесь уместно провести аналогию с алхимическим принципом, гласящим: *Quod natura relinquit imperfectum, ars perficit* («Искусство завершает то, что природа оставляет незавершенным»). Если бы дело обстояло иначе, мысли и усилия человека были бы излишни. Но и сознание, со своей стороны, часто оказывается не в состоянии оценить все значение и весомость некоторых жизненно важных ситуаций, им же самим и порожденных. Эта неспособность делает необходимым включение подпорогового контекста бессознательного — контекста, выраженного не на рациональном языке, а на языке архаическом, изобилующем неоднозначными смыслами и метафорами. Поскольку последние глубоко укоренены в истории развития человеческого духа, интерпретатор этого языка должен обладать широкими историческими познаниями, чтобы достаточно полно понять его значение.

Сказанное может быть отнесено к анализируемой картине: ее смысл раскрывается только благодаря расширению исторического контекста. Тревога, породившая данный образ, объясняется потрясением, которое испытало сознание художника в момент появления чего-то совершенно чуждого и происходящего из неведомых ему самому глубин его существа. Подпороговое содержание бессознательно принимает участие в разработке образа, целенаправленно создаваемого сознанием; это содержание является нам в виде элементов потустороннего, подземного или космического мира. Из взаимной интеграции сознания и бессознательного рождается огненная фигура «*Homotaximus*», («Человека величайшего»), Антропоса и Сына человеческого, божественная (нуминозная) природа которого вызывает в нашей памяти Еноха, Христа («Огонь пришел Я низвести на землю...», Лука, 12,49), Илию, соответствующие видения в книгах пророков Даниила и

Иезекииля. Огонь Иеговы карает, убивает и пожирает; и данная картина способна вызвать у зрителя воспоминание об «огне гнева» (Якоб Бёме), вмещающем в себя весь ад, включая Люцифера. Вот почему разбрасываемые направо и налево искры пламени могут равным основанием означать прославление Святого Духа и огонь дурных страстей, то есть крайности чувства, на которые способна человеческая натура, но которые в повседневной жизни отвергаются, подавляются и скрываются вплоть до полного вытеснения в бессознательное. Несомненно, есть глубокий смысл в том, что имя «Люцифер» (этимологически — «несущий свет») прилагается как к Христу, так и к дьяволу. В сцене искушения (Матфей, 4, 3) описывается их противопоставленность: борьба Христа с дьяволом и его воинством; в то же время это описание передает внутреннюю структуру его нравственного выбора: ведь контраст существует только в том случае, когда две экзистенциальные категории входят между собой в противоречие, а не когда одна из категорий выступает без своего противоположного полюса или когда зависимость между категориями носит односторонний характер — например, когда согласно доктрине *privatio boni* в качестве отдельной сущности признается только добро, но не зло.

Итак, огненная фигура сеятеля огня отличается двойственностью и объединяет в себе противоположности. Это — «унифицирующий» символ, выражающий высшую целостность, которая во всех возможных направлениях «дополняет» фрагментарный характер человека как только лишь сознательного существа. Таким образом, сеятель огня приносит одновременно благо и несчастье. К чему приведет его миссия — к процветанию или к гибели? Это будет зависеть от степени понимания и этического выбора личности. Вот почему данная картина является посланием современному человеку, призывом быть внимательнее к «небесным знамениям» и правильно их толковать.

Феномен НЛО, отразившись в воображении художника, породил образ, в своих наиболее существенных чертах напоминающий нам основные мотивы описанных выше сновидений. Он принадлежит к «миру богов», то есть к измерению, которое, как представляется, не имеет никаких контактов, никаких связей с нашим реальным миром. Картина оставляет впечатление озарения, дарованного одному из тех редких избранников, которым позволено видеть, что боги тайно затевают на земле. Предлагаемая художником интерпретация феномена бесконечно далека от

Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.

«Четвертое измерение» (рис. 3)

Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.

136

общепринятой концепции, усматривающей в НЛО межпланетные корабли, управляемые разумными существами.

Подобно предыдущей, данная картина также создана современным художником. Дабы избежать недоразумений, отметим, что она написана на холсте, и поэтому оригинальную трактовку фона нельзя отнести на счет просвечивающей текстуры дерева или преднамеренного использования текстуры при разработке композиции. Художник стремился изобразить нечто растущее или текучее. В качестве горизонтали, делящей картину надвое, он использует силуэт города. Но если Якоби помещает город в самом низу, на земле, противопоставив его огромности неба, то Биркхойзер проводит горизонтальную линию на большей высоте; этим он подчеркивает, что наиболее существенно содержимое фона также стекает в глубины земли. Цвет города — мягкий темно-красный; цвет фона — светлый, водянистый зеленовато-синий с бледно-желтыми и алыми пятнами.

На этом фоне видны четырнадцать более или менее четко различимых округлостей. Десять из них образуют глаза на едва обозначенных лицах — получеловеческих,

полуживотных. Остальные четыре напоминают глазки или наросты, встречающиеся на поверхности дерева, а также темные, круглые и частично окруженные ореолом тела, которые свободно парят в пространстве.

Из уст «большого лица», находящегося в верхней части картины, струится вода, которая проходит сквозь город и устремляется дальше, вниз. Вода и город как бы не соприкасаются друг с другом; они существуют в совершенно разных плоскостях: первая в вертикальной, второй — в горизонтальной. Поскольку горизонтальный план образован городом, имеющим три измерения и освещенным слева светом, как бы чуждым фону, приходится признать, что этот последний пребывает в *четвертом измерении*. Линии пересечения двух миров — города и водного потока — образуют крест; глаза «большого лица», направленные вниз, на город, служат единственным видимым признаком наличия связи между мирами. Что касается самого лица, то судя по особо подчеркнутой форме ноздрей по чрезмерно широко расставленным глазам, его можно считать человеческим лишь условно. Из остальных четырех лиц безусловно человеческим является только то, которое находится слева вверху. Лицо в левой нижней части картины едва различимо. Принимая во внимание, что выделяющееся большими размерами и истекающей из рта водой лицо в середине картины выступает в качестве главного элемента и источника, мы можем выделить базовую структуру следующей формы:

Эта пятичленная структура (лат. *quincunx*) является алхимическим символом квинтэссенции, идентичной япису, философскому камню. Речь идет о разделенном на 4 части круге и его центре — что может указывать на «развернутое» во все 4 стороны света божественное начало, — или о четырех функциях сознания с их единым субстратом, Самостью. Тетрада (четверица) как число-символ представлена здесь структурой 3+1: три лица похожи на морды животных и выглядят более или менее демонически; к ним добавляется одно человеческое лицо.

Эта уникальная в своем роде картина заставляет вспомнить о символическом смысле числа 4. В истории развития символов тетрада встречается очень часто; ее трактовку дал Платон в своем «Тимее», а еще раньше Иезекииль пережил ее в своем видении четырех серафимов, причем один из серафимов имел человеческое лицо, а трое других — «лица» животных¹. Та же тема числа 4 встречается в некоторых изображениях сыновей египетского бога Гора, в эмблемах евангелистов, в обособлении одного «гностического» Евангелия от трех синоптических², а также — что немаловажно, — в четырех фигурах христианской метафизики: Троице и Дьяволе. В сфере алхимии структура

Иезекииль, 1, 5-10.

То есть в противопоставлении Евангелиям от Матфея, Марка и Луки Евангелия от Иоанна.

3+1 получила всеобщее распространение; ее открытие приписывается Марии Коптской (или Марии Еврейке), женщине-философу второго-третьего веков нашей эры. Тема числа 4 использована в уже упомянутой выше сцене с кабирами из второй части «Фауста» Гёте. «Четыре» как число частей, на которые естественным образом делится круг, представляет собой символ целостности в алхимической философии — символ, существующий вот уже 17 веков. Наконец, не будем забывать, что центральный символ Христианства также основан на числе 4, причем формалатинского креста точно следует структуре 3+1¹.

Как и первая из разобранных нами картин, данная картина изображает столкновение двух несоизмеримых миров — вертикального и горизонтального, — которые соприкасаются только в одном пункте. В первой картине этот пункт отмечен стремлением сеятеля засеять Землю огнем, а во второй картине — взглядом, направленным на Землю сверху.

Что же касается четырех округлых тел², не являющихся изображениями глаз, следует

заметить, что лишь одно из них представляет собой форму круга без дополнительных элементов. Второе (вверху справа) — светлое пятно с темной серединой; третье, темного цвета, частично заслонено потоком воды; наконец, четвертое словно испускает белый пар, струящийся вниз. Таким образом, здесь речь идет о *четверице* (то есть дифференцированной группе из четырех элементов), противопоставленной недифференцированной восьмерке глаз, которая, в свою очередь, входит в состав другой группы со структурой 3+1 — если исключить из рассмотрения главное, центральное лицо.

Уэллсовская «машина времени» имеет четыре видимые колонны, одна из которых «выглядела странной, мерцающей, как бы нереальной» (прим. автора).

В связи с округлыми телами я хотел бы вспомнить написанную в 1889 г. картину Ван Гога «Звездная ночь». Звезды на этой картине выглядят подобно большим светящимся дискам, то есть совсем не такими, какими они являются нашему зрению. В связи с этой своей картиной автор говорил о «пантеистическом упоении», называя ее «клочком апокалиптической фантазии»; он сравнивал звездные диски с «группой существ, подобных нам». Предполагается, что своим происхождением

картина обязана какому-то сновидению художника (прим. автора).

Как соотносятся в этом лице человеческие и животные признаки? Главное лицо картины, «источник воды и жизни» (в качестве синонимов можно привести такие термины, как квинтэссенция, питьевое золото, вечная вода, горящее вино, эликсир жизни и т. п.), зиждется, судя по всему, на животном и человеческом началах; первое составляет $\frac{3}{4}$, а второе — $\frac{1}{4}$. Ясно, что его человеческая природа вызывает сомнения. Это лицо заставляет вспомнить «подобие человека» на сапфировом престоле из описания видения пророка Иезекииля¹, а также анималистический элемент в природе Иеговы, который дает себе знать во многих отрывках Ветхого Завета. В мире христианских образов все выглядит наоборот: Троица состоит из трех человеческих существ (в прошлом она часто изображалась как целое с тремя головами), а четвертое существо, Дьявол, обычно представляется в виде полуживотного. В нашей «мандале» (символическом круге) подчеркнут животный аспект, то есть она построена комплементарно по отношению к христианскому символу целостности.

Нужно подчеркнуть еще одно обстоятельство: два лица в нижней части картины перевернуты относительно лиц в верхней ее части. Они, однако, не являются отражениями этих двух верхних лиц, то есть вполне независимы, таким образом, воплощают мир глубин, противопоставленный высшему миру. Одно из лиц в верхней части — светлое, тогда как второе значительно темнее и снабжено остроконечными ушами. В противовес этой оппозиции вода течет в одном-единственном направлении, сверху вниз, указывая таким образом на наличие некоей разности потенциалов. Источник воды расположен не только выше линии земного горизонта, но и выше середины холста, так что источником жизни оказывается высший мир.

Но поскольку обычно средоточием жизненной силы считается трехмерное человеческое тело, здесь это компенсируется тем, что источник помещен в четвертое измерение; он берет свое начало из *идеального* центра, из главного лица. Таким образом, картина дает представление о четвертом измерении как о симметричном лишь с первого взгляда; при более внимательном рассмотрении обнаруживается

1) Иезекииль, 1, 26.

его реальная асимметричность (заметим, что скрытая здесь проблема для психологии и бессознательного столь же важна, сколь и для ядерной физики).

Итак, «четырёхмерный» фон картины представляет собой «видение» в обоих смыслах этого слова: как от «видеть», так и от «быть видимым». Кажется делом чистого случая, что картина получилась именно такой; она могла бы быть совершенно иной, если бы обстоятельства момента сложились по-другому. Зрелище этих бесцельно разбросанных по едва

намеченной поверхности округлых пятен, большая часть которых служит глазами для трудноразличимых, полуживотных-получеловеческих лиц, лишенных какого-либо определенного выражения, не способно возбудить наш интерес. Любая попытка установить контакт с таким пейзажем кажется невозможной, ибо чисто случайные конфигурации не пробуждают в человеке чувства соучастия — особенно если в них нет привлекательности эстетического порядка. Их случайный характер превращает любую попытку истолкования в пустую спекуляцию. И только профессиональный интерес психолога — интерес, столь часто остающийся непонятным для непосвященных, — побуждает его следовать смутному инстинкту поиска порядка, используя для этой цели самое простое и изначальное из средств — *счет*. Когда сопоставимых признаков мало или их вообще нет, единственной схемой упорядочения остается число. С уверенностью можно говорить только о том, что маленькие диски или дыры на анализируемой картине обладают округлой формой, и что большая их часть выказывает сходство с глазами. Подсчет этих элементов приводит к цифрам и сочетаниям, которые выглядят совершенно случайными и повторение которых кажется крайне маловероятным. Вот почему в подобных случаях следует попытаться избавиться от статистического или экспериментального образа мышления: ведь, скажем, научный анализ нашей картины дал бы нам такое количество цифр, что мы бы попросту не знали, что с ними делать. Экспериментальные исследования в нашей области возможны, только если опыты легко воспроизводимы за короткий промежуток времени (как, например, опыты Дж.Б. Райна). Но разбираемая картина — это сложный и уникальный объект; с статистической точки зрения о нем можно сказать лишь, что он ничего не означает. Тем не менее, поскольку наши интересы сосредоточены в области психологии, мы имеем право предполагать за подобным курьезом определенную значимость — хотя бы в связи с тем, что сознание невольно поддается его глумливному воздействию. Вот почему есть смысл обратить внимание на данное произведение — независимо от степени его неправдоподобности и иррациональности; оно этого заслуживает, ибо является важным фактором, влияющим на психические процессы. И все же не надо забывать, что констатации в данной области вовсе не обладают силой доказательств.

Психология — в той мере, в какой она практически затрагивает конкретного человека, — не может удовлетворяться средними значениями, поскольку они говорят только об общих принципах поведения; она должна самым внимательным образом отнестись к исключениям индивидуального порядка, остающимся за рамками статистических подсчетов. Настоящий, глубинный смысл человеческой душе в ее усредненных характеристиках, а в ее уникальности и неповторимости, то есть в свойствах, которые с научной точки зрения ничего не значат. Благодаря экспериментам Райна — если не благодаря собственному практическому опыту — мы теперь знаем, что невероятные события все-таки происходят, и что наше *видение мира*, дабы соответствовать действительности, должно учитывать также и проявления невероятного. Подобный взгляд на вещи — кошунство для тех, кто предпочитает чисто научный образ мышления; следует, однако, напомнить, что без исключений не было бы статистики, и что для реальной, практической жизни исключения зачастую оказываются намного важнее усредненных правил.

Наша картина позволяет а posteriori сделать некоторые выводы относительно природы феноменов «небесного происхождения». «Небо» — это не просто воспринимаемое нашим зрением воздушное пространство голубого цвета или Вселенная, заполненная звездами; оно является человеку как четвертое измерение — нечто совершенно чуждое, населенное человекоподобными и зооморфными сверхъестественными существами, полное темных дисков и округлых дыр. Что касается дыр, то они, по всей видимости, трехмерны и лишены четвертого измерения. Как мы видели, задний план картины в целом имеет «водянистую» природу; он представляет собой нечто текучее и в этом смысле прямо противоположен «огненной» природе предыдущей картины. Огонь служит аллегорией движения, страсти и аффекта, тогда как вода, в силу своей особой, «прохладной» вещественности, обозначает пассивность, терпение,

спокойствие, отрешенное созерцание; отсюда — утоляющая жажду «вода учености» (aqua doctrinae) и refrigerium — освежающая, прохладная вода жизни враю, гасящая огонь чистилища, подобно «саламандре» алхимиков.

Говоря «наша вода — это огонь» (aqua nostra ignis est), старые мастера-алхимики выражают единство, которое нашим мышлением разорвано на контрастные составляющие; аналогичный феномен мы встречаем в связи с бессознательным образом Божества. Эта кажущаяся тайна характеризует все сущее: с одной стороны оно есть такое, какое есть, а с другой стороны оно не равно самому себе; данный парадокс полностью применим к сфере бессознательного, реальность которой мы можем испытать только в сравнительной форме. То же относится и к четвертому измерению, которое можно рассматривать либо как всего лишь математическую фикцию, измышление нашего мудрствующего рассудка, либо как откровение сферы бессознательного.

Возвращаясь к НЛО, позволим себе сделать из изложенного следующий вывод: *НЛО — это ставшее видимым содержание глубинных слоев психики, то есть — по определению — НЛО суть архетипические формы.*

Картина Ива Танги (рис. 4)

Картина Ива Танги датируется 1927 годом, то есть она написана за 10 с лишним лет до эпохи массированных бомбардировок городов, на мысль о которых она наводит. Произведения современной живописи обычно трудно интерпретировать, ибо вся ее цель в том и состоит, чтобы изгнать смысл и форму, заменив их чем-то странным, обескураживающим зрителя. Поэтому я прибег к необыч-

1) Американский художник-сюрреалист французского происхождения (1900-1955).

Рис. 4: Картина Ива Танги (без названия)

ному методу: я показал эту картину множеству самых разных людей, то есть осуществил нечто вроде теста Роршаха¹. Большинство опрошенных восприняло черно-белый фон, содержащий минимум значащих деталей и максимум абстракции, как некую поверхность. Подобное восприятие основывается на том, что освещаемые под углом от 30 до 45 градусов центральные фигуры (их всего 5) отбрасывают тень, которая явно падает на какую-то поверхность. Но что представляет собой эта поверхность?

Суждения по данному вопросу оказались многообразными. Одни усмотрели здесь море, покрытое айсбергами, в полярную ночь; другие — море и ночной туман; третьи — поверхность удаленной от Солнца и пустынной планеты, вроде Урана или Нептуна; наконец, четвертые — большой ночной город вроде Нью-Йорка или Сан-Франциско, распростершийся вдоль бухты и погруженный в слабый отблеск тусклого света. Большую часть зрителей приводили в недоумение странные, расположенные словно в шахматном порядке фигуры над городом. Некоторые сразу же усматривали в них падающие бомбы и даже — особенно в центре — взрывы. Центральная фигура воспринималась так же как морское животное (актиния, полип), или как цветок, или как демонический лик со спутанными волосами и взглядом, направленным вниз и влево, или, наконец, как клубы дыма (или тумана) над местом большого пожара. Аналогично и другие четыре фигуры интерпретировались то как морские животные, то как дым, то как грибы студенистой консистенции, то как дьяволоподобные рога тьмы. Фигура слева в середине, своим ярким желто-зеленым цветом контрастирующая с матовым и неопределенным оттенком остальных фигур, воспринимается как ядовитый дым, водное растение, пламя, горящий дом и т. п. Хорошо видно, что эти фигуры отбрасывают тени на находящуюся под ними поверхность. Признаюсь, что особенно убедительным показалось мне сравнение с расположенным на морском берегу ночным городом, наблюдаемым освещенным луной.

1) Герман Роршах (Rorschach) (1884-1922) — швейцарский психиатр, автор специального теста, с помощью которого, через выявление от ношения субъекта к некоторым простейшим изобразительным формам, распознаются глубинные, скрытые

стремления этого субъекта.

шаемымс очень большой высоты — возможно, с самолета. Впрочем, художник был в своем время моряком и имел много возможностей испытать впечатления подобного рода.

Горизонт теряется за нагромождением каких-то масс, напоминающих облака. Над ними парит нечто округлое, испускающее слабое свечение; слева оно касается едва освещенного слоя облаков (?) в форме сигары. В центре округлого светящегося объекта как бы случайно находится едва видимое на репродукции пятно того же цвета, что и огонь в левой верхней части «шахматной» композиции из пяти фигур. Ниже и чуть правее центра картины непосредственно над городом (?) видно другое такое же пятно, значительно более четкое. Тонкая линия соединяет его еще с одним пятном сходного вида, оставляющим впечатление продолжения пламени (?). Продолговатая форма второго пятна ориентирована в сторону центра едва различимых концентрических кругов, которые словно указывают на идею вращения. Интересно, что первое из упомянутых пятен (вверху, в середине) также находится в связи с аналогичными концентрическими кругами. К сожалению, этого нельзя увидеть на репродукции (она слишком темная), но на самой картине, при надлежащем освещении, связь обнаруживается достаточно явно. На репродукции видно лишь эллиптическое сияние вокруг желтого пятна. На ощупь круги воспринимаются как линии, слегка выступающие над поверхностью картины; они либо были добавлены позднее, либо — что более вероятно — были нанесены острым инструментом. В любом случае ясно, что речь идет о каких-то кругах; концентрическая природа конфигурации, расположенной ниже остальных, особенно хорошо заметна.

Кажется, что соотношение всех этих деталей — по аналогии с предыдущей картиной — вызвано к жизни чистой игрой случая. Против подобного вывода возразить вроде бы нечего. Тем не менее при сравнительном подходе ситуация выглядит иначе. Действительно, две почти невидимые, смутные округлости появляются вроде бы случайно; столь же случайно в небе оказывается нечто продолговато-сигарообразное, нечто светящееся и слегка вытянутое, с маленьким светлым пятном, и нечто вроде линии, связывающей вторую округлость с пламенем. Можно было бы дать волю воображению и представить себе, что пламя — это взрыв снаряда, выпущенного со смутно различимой округлости, которая по нынешним понятиям может считаться НЛО: вспомним, что «тарелкам» приписывалась тенденция вызывать пожары. В нашей картине тарелка *сеет огонь*: тонкая, но явственно видимая линия соединяет ее с пламенем.

Правда, картина вдобавок содержит целую серию более или менее волнистых линий, пересекающих ее в горизонтальной плоскости; они слегка напоминают дороги или полосы на поверхности земли. Связаны ли они каким-либо образом с явлениями, обнаруживающимися на небе? Столь многое в картине позволяет строить предположения! В особенности это относится к тем не поддающимся определению объемным пластическим формам, которые вместе с пламенем образуют композицию из четырех элементов со структурой 3+1. Что касается срединной фигуры, ее так же нелегко расшифровать. Впрочем, ясно, что ее природа — иная, нежели у окружающих фигур; отличие заключается в ее большей размытости, туманности, хотя тем она отбрасывает такую же, как и остальные фигуры.

Описание картины было бы неполным, если бы я не упомянуло важное соотношение, которое можно заметить только при ее очень внимательном изучении. Облако цилиндрической, как бы фаллической формы (?), расположенное слева вверху, словно нацелено на светящуюся округлость едва намеченные круги; это соотношение, таким образом, можно интерпретировать в сексуальном ключе — как сожительство. Округлость испускает огонь, аналогичный тому, который исходит от округлости в середине картины; этот последний огонь лучше виден и связан с большим пламенем внизу слева. В свою очередь это так называемое пламя отличается от трех других образований; таким образом, оно может символизировать дифференцированную функцию (противопоставленную трем недифференцированным функциям), что с психологической

точка зрения указывает на основную (или, наоборот, наименее важную) функцию.

Четыре фигуры составляют развернутый символ целостности, то есть Самость в виде одного из ее эмпирических проявлений. Существует гностическое божество, известное под именем Барбело: «Бог — это Четыре»¹. В раннехристианском представлении единство ставшего видимым божества основывается на числе 4, то есть на столпах четырех Евангелистов (которые репрезентируют структуру 3+1); сходным образом гностический Моноген (Единородный) зиждется на Тетрапезе (то есть на трапедии; «Тетрапеза» означает стол на четырех ножках). Христос — глава Церкви (общины верующих); в качестве Бога Он есть единая Троица, а в качестве «антропоса», исторически реального Сына Человеческого, он является прообразом внутреннего мира личности и, одновременно, высшим примером для стремящегося к достижению целостности эмпирического человека.

Итак, словно по совершенно случайному совпадению, картина воплощает образ священного брака на небесах, в след за которым на земле происходит рождение Спасителя и Божоявление.

Картина характеризуется подчеркнутой горизонтальной осью. Что касается вертикали, то ее видимым выражением служит композиция из четырех фигур; кроме того, ощущению вертикали способствует драматический аспект огня, источник которого находится в небе. Трудно отказаться от сопоставления с бомбардировкой, ибо в период создания картины мысль о возможности бомбардировок носилась в воздухе — с одной стороны, в форме воспоминания, а с другой стороны в форме предчувствия. Появление в небе образований, похожих на НЛО, и удивительные события, происходящие внизу — все это составляет впечатляющую вертикаль, которую легко воспринять как вторжение иного порядка вещей. Акцент в картине явно падает на фигуры, расположенные в шахматном порядке (об этой конфигурации мы подробно говорили в связи с предыдущей картиной). У художника, несомненно, было намерение сделать эту группу как можно более загадочной. В горизонтальном плане картины художнику удалось исключительно точно выразить состояние космической пустоты, холода, безжизненности, бездушия, полной заброшенности и одиночества.

1) Упоминание об этом божестве встречаем в памятнике, известном как «Апокриф Иоанна»; русский перевод М. К. Трофимовой см. в книге: Апокрифы древних христиан. — М., «Мысль», 1989.

ва, несмотря на его ассоциацию с большим городом. Этим художник только подтверждает стремление современного искусства сделать объект неузнаваемым и, таким образом, подавить и исключить возможность понимания и соучастия со стороны зрителя: последний, отвергнутый и смущенный, чувствует свою полную заброшенность и сосредоточивается на самом себе.

Психологическое воздействие на зрителя очень похоже на то, которое оказывает на него тест Роршаха, когда иррациональный и совершенно случайный образ апеллирует к иррациональной силе воображения тестируемого лица, вызывая таким образом к жизни его неосознанные склонности. Когда внешний интерес зрителя наталкивается на столь трудное препятствие, он отступает и находит прибежище в том, что я называю «субъективным фактором»; в результате возрастает энергетический заряд этого фактора. Данный феномен нашел свое явное проявление в осуществленных еще в начале нашего столетия первых попытках вызывания ассоциаций: сказанное экспериментатором «индуцирующее слово» сбивает тестируемого лица с толку, ошеломляет его: изолированное от какого бы то ни было контекста, это слово приобретает многозначность и в связи с этим служит причиной замешательства. Тестируемый утрачивает ориентацию; отсюда исключительное разнообразие ответов и — что особенно важно — многочисленность беспорядочных, нарушенных реакций (таких, как эффекты торможения, отсутствие реакции, неспособность вспомнить данный ранее ответ, оговорки и т. д.), обусловленных вторжением содержимого бессознательной сферы.

Зритель подходит к картине, движимый чувством интереса. Если ответом на это

чувство служит отталкивание, стремление шокировать чем-то совершенно непонятными невразумительным, оно (то есть чувство интереса) как бы обращается внутрь субъекта и, таким образом, вызывает новую активизацию сферы бессознательного, высвечивает ее содержимое. Именно здесь кроется секрет воздействия современного искусства. Можно сказать, что последнее свойственно тенденции (сознательная или бессознательная) отвлечь взгляд зрителя от доступного понимания и способного быть источником наслаждения мира чувств и в качестве компенсации, своего рода «эрзаца» потерянной, естественной для человека среды навязать ему проявление бессознательного. Стремление того же рода лежит в основе опытов по вызыванию ассоциаций и теста Роршаха: их цель состоит в выявлении состояния глубинных слоев психики, что они и делают с большим успехом. «Установка на эксперимент», свойственная современному искусству, несомненно, та же; она ставит перед зрителем вопрос: «Какова твоя реакция? Что ты думаешь? Что пробуждает это в твоём воображении?». Иначе говоря, современному искусству интересны не образы, создаваемые им самим, а субъект, зритель, и его невольные реакции.

Когда человек, разглядывая нечто, заключённое в раму, видит разнообразные цвета, в нём не возникает интерес; этот интерес, однако, не находит никакой опоры, поскольку наталкивается на конфигурацию, бросающую вызов способности человека к пониманию. Появляется чувство разочарования, пробуждающее мгновенную субъективную реакцию, которая, выражаясь в разного рода восклицаниях, служит для человека средством обезопасить себя от сильных эмоций. Каждый, кто способен интерпретировать подобные восклицания, может многое узнать об внутренних склонностях зрителя, хотя о самой картине они не сообщают ничего: картина служит всего лишь материалом для психологического теста. Наши утверждения могут показаться негативными только тому, кто к самой идее «субъективного фактора» относится только как к источнику дискомфорта. Напротив, человек, ощущающий по отношению к собственной душе действительный интерес, обратит внимание на «субъективный фактор» и постарается тщательно проанализировать тенеуловимые движения и комплексы, которые вызываются в нём подобными экспериментами.

Даже самое смелое воображение художника-творца — независимо от того, в какой степени и каким образом оно преодолевает рамки обычного человеческого понимания, — не в силах преодолеть границы, обусловленные психическими возможностями; из-под кисти или резца художника могут появиться формы, ему самому неизвестные, но в любом случае они будут нести на себе отпечаток определенных ограничений. Что касается картины Танги, то такими формами являются: пять фигур в шахматном порядке (quincunx), тетрада (со структурой 3+1) и, в верхней части, «небесные знамения» в форме округлости и сигары, то есть, иначе говоря — архетипы.

Пытаясь отвлечься от мира наглядных и постижимых вещей и обратиться к беспредельности хаоса, современное искусство в значительно большей степени, нежели психологические тесты, способно возбуждать свободные от обычного личностного аспекта «комплексы», которые, таким образом, предстают в своём истинном виде, то есть как первичные формы инстинктов. Будучи сверхличностными, они обладают коллективно-бессознательной природой и являются едиными для всех людей. Личностные комплексы всегда возникают там, где имеет место конфликт инстинктивной предрасположенностью. Они суть точки неудачной адаптации, и их чувствительность высвобождает аффекты, срывающие с лица цивилизованного человека маску приспособленности к жизни. Быть может, здесь-то и кроется цель, которой косвенным образом стремится достичь современное искусство. Хотя ныне в нём царит крайний произвол, беспредельный хаос, утрата красоты и смысла возмещается актуализацией и укреплением бессознательного. Последнему менее всего свойственна хаотичность; оно является составной частью природного порядка, и поэтому следует ожидать возникновения форм, свидетельствующих об этом порядке. Сказанное, как мне кажется, относится и к картине Танги: словно по чистой случайности в хаотическом множестве

возможностей дают о себе знать неожиданные упорядочивающие принципы; последние обнаруживают самое тесное родство с вечными психическими доминантами. Возбуждая коллективную игру воображения, они, как бы по мановению волшебной палочки, переносят на небеса «видения», типичные для нашего технического века.

Образы наподобие представленного в нашей картине редки, но все-таки иногда встречаются; точно так же НЛО видели лишь немногие люди, что, однако, не дает основания сомневаться в существовании соответствующих слухов. Слухи эти даже обратили на себя внимание твердых лобовых военных, хотя по своей невероятности они превосходят все, что я говорил здесь о смысле обсуждавшихся картин. Читателю, желающему составить независимое представление о степени распространенности легенды НЛО, я рекомендую книгу Эдгара Зиверса «Летающие тарелки над Южной Африкой». Многие в ней кажутся спорными, но в целом она дает хорошее представление об условиях, которые в наше время приходится тратить интеллигентному человеку доброй воли, желающему заниматься проблемой НЛО. Видно, задача должна была показаться автору слишком уж провоцирующей и задевающей за живое, раз он взял на себя труд сдвинуть с места небо и землю. К сожалению, Эдгару Зиверсу недостает познаний в области психологии бессознательного, абсолютно необходимых в связи с данной проблемой; но то же можно сказать о подавляющем большинстве наших современников. В его книге приведено огромное количество разнообразных объяснений, к которым люди прибегали вплоть до последнего времени; объяснения эти основываются на научных и философских соображениях, а также, к сожалению, на не поддающихся проверке утверждениях теософского порядка. Некритический подход и легковерность, в иных обстоятельствах крайне нежелательные, в данном случае принесли большую пользу, ибо благодаря им скопившиеся вокруг проблемы НЛО разнородные спекуляции оказались собраны в данной книге. Читатель, интересующийся психологией молвы, сможет почерпнуть много полезного из этой работы; в ней он найдет исчерпывающий обзор психической феноменологии НЛО.

4. К истории феномена НЛО

«Рекламный» шум вокруг НЛО начался лишь в последние месяцы второй мировой войны. Но само явление известно с давних времен; оно наблюдалось и описывалось задолго до начала XX века, возможно, даже в античную эпоху. В литературе о НЛО приводятся сообщения самых разнообразных типов; все они нуждаются в критическом рассмотрении. Впрочем, мы не намерены здесь заниматься этим и ограничимся лишь несколькими примерами.

«Базельский листок», 1566 (рис. 5)

Этот «листок» составлен в августе 1566 года Самуэлем Кокциусом, «изучающим Священное Писание и свободные искусства на своей родине, в Базеле». В нем сообщается, что 7 августа, на утренней заре, «в воздухе появилось множество больших черных шаров, с огромной скоростью двигавшихся к Солнцу. Потом они описали полукруг и столкнулись друг с другом, как бывшие в битву; многие из них превратились в красные огненные тела, которые затем сгорели и потухли».

Как показано на приводимой нами иллюстрации, явление это наблюдалось в Базеле. На рисунке изображена площадь, на которой находится кафедральный собор. Темный цвет «тарелок» связан, по-видимому, тем, что наблюдение за ними велось против восходящего солнца. Впрочем, другие тарелки — светлые или даже огненно-красные. Высокая скорость и беспорядочность движения характерны именно для летающих тарелок.

Рис. 5: «Базельский листок» 1566 года (из коллекции «Викиана», Центральная библиотека Цюриха)

«Нюрнбергский листок», 1561 (рис. 6)

В «листке» сообщается о «страшном видении», имевшем место на рассвете 14 апреля 1561 г. Очевидцами явления были «многочисленные мужчины и женщины», видевшие «шары» кроваво-красного, синеватого или черного цвета, а также «круглые диски», в большом количестве появившиеся близ Солнца; они объединялись в группы «примерно по три в длину, а иногда и по четыре в форме квадрата; впрочем, многие были сами по себе. Между шарами можно было увидеть кресты кроваво-красного цвета». Кроме того, «были видны две» (на рисунке — три) «большие трубы, внутри которых находились шары в количестве трех, четырех или даже сверх того. Эти тела принялись воевать друг с другом», что продолжалось примерно час. Потом «все это, как бы пылая, начало падать на землю Солнца, неба; и все сгорело в большом облаке пара». Тогда же среди шаров было замечено продолговатое тело, «похожее на большое черное копье». Естественно, данное «видение» было истолковано как Божье предупреждение.

Читатель, конечно, заметил, что многие детали сообщения напоминают кое-что из уже известного нам. Прежде всего это относится к «трубам», аналогичным цилиндрическим формам из сообщений о НЛО. Пользуясь языком этих сообщений, можно говорить о «трубах» как о кораблях-«матках», переносящих на большие расстояния чечевицеобразные корабли меньшего размера. На рисунке «трубы» показаны в действии: они то ли принимают в свое чрево, то ли извергают из него летающие тарелки. Особенно важны комбинации из четырех объектов — тем более, что в современных сообщениях о НЛО подобные случаи не встречаются; такие комбинации представлены либо в виде простых крестов, либо в виде дисков, объединенных в крестообразные конфигурации, подобные настоящей мандале. Словно по чистой случайности на рисунке изображены как раз 4 креста и 4 мандалы. В описании, в форме дилеммы «три или четыре», косвенно упоминается тема 3+1. Если для нашего времени характерна интерпретация в техническом, то для XVI века — в военном духе. «Шары» и «трубы» — это ядра и пушки; движение «ядер» воспринималось как артиллерийское сражение. Большое черное острие

Рис. 6: «Нюрнбергский листок» 1561 года (из коллекции «Викиана», Центральная библиотека Цюриха)

копья и та часть, которая выглядит как его древко (?), подчеркивают мужской фактор, и в особенности идею пенетрации, проникновения внутрь. Аналогичные мотивы встречаются в современной литературе о НЛО.

Обнаружившийся здесь мотив креста сразу же вызывает чувство удивления. Едва ли в данном случае есть смысл говорить о христианском значении креста, поскольку речь идет о явлении, так сказать, естественном: о множестве округлых тел, находящихся в беспорядочном, вихревом движении, которое напоминает автору картину битвы. Если бы летающие тарелки были живыми существами, можно было бы вообразить рой насекомых, взлетевших одновременно с восходом Солнца не для битвы, а для брачных игр. В подобных случаях крест указывает на синтез противоположностей (вертикали и горизонтали), и, в качестве знака «плюс», — на соединение и сложение. Осуществленное соединение противоположностей в форме креста есть «брачная четверица», описанная в моей книге о психологии перенесения¹. Эта «четверица» образует схему первобытного кросс-кузенного брака² и одновременно представляет собой символ индивидуации, указывающий на соединение «четырех». Две кроваво-красные полосы в форме полумесяца, пересекающие Солнце по горизонтали, неподдаются простому объяснению. Внизу, в местах падения шаров (ядер), видны два столба дыма; так же, как тема «четверицы», они напоминают о проанализированной выше картине Танги. Момент восхода Солнца (*Aurora consurgens*, по Св. Фоме Аквинскому и Якобу Бёме) выразительно свидетельствует об «откровении света».

Таким образом, эти два сообщения, пришедшие к нам из XVI века, вызывают очевидное сходство не только друг с другом, но и с современными свидетельствами о НЛО, а

C. G. Jung. Die Psychologie der Übertragung. - Zürigh, 1946, S. 95ff (прим. автора). «Перенесение» («перенос», «трансферт») — описанный еще Фрейдом феномен, когда пациент «переносит» на врача-психоаналитика положительные или (реже) отрицательные эмоции, пребывавшие до начала процесса психоанализа в вытесненном состоянии в сфере его бессознательного, и возвращенные его сознанию в течение этого процесса.

Имеется в виду архаическая система осуществляемого из поколения в поколение регулярного взаимного обмена брачными партнерами между одними и теми же «линиями» (родами).

Рис.7: Пилигрим, «странствующий душой», преодолевает границу иного мира. Гравюра XVII (?) века

также с формами, прорастающими в сфере бессознательного современного человека.

Гравюра XVII (?) века (рис. 7)

Эта гравюра, изображающая, вероятно, озарение одного из адептов братства розенкрейцеров¹, происходит из неизвестного мне источника². В ее правой части представлен тот мир, который мы знаем. Пилигрим, «странствующий душой», преодолевает ночную границу своего мира и погружает взгляд в другую, надприродную Вселенную, где различаются располагающиеся друг над другом слои облаков, горы (?) и т. п. Кроме того, видны колеса Иезекииля³, округлости в форме дисков и образования, напоминающие радугу и, судя по всему, репрезентирующие «небесные сферы». В этих символах мы находим прообраз видений НЛО, которых удостоиваются «озаренные». Здесь не может быть речи о небесных телах, составляющих часть эмпирического мира; следует говорить скорее об округлостях (rotunda), проецируемых из нашего внутреннего, четырехмерного мира. Нечто аналогичное в еще более явственной форме мы встречаем в следующем рисунке.

Рисунок из рукописи «Познай пути» (Scivias) Хильдегарды из Бингена (рис. 8)

Этот рисунок взят из Рупертсбергского кодекса Scivias Хильдегарды из Бингена (XII в.)⁴. На нем изображено «вдувание» жизни, души в ребенка, развивающегося в утробе матери. Дыхание высшего мира проникает в зародыш.

Розенкрейцеры — тайное общество «озаренных», существовавшее с XV по XVIII в. Символом общества была алая роза, прикрепленная к центру креста; этот символ, по-видимому, указывал на обладание эзотерическим знанием.

Она была любезно предоставлена мне г-ном Д. Ван Хоутеном (Берген, Нидерланды) (прим. автора). Позднейшие данные говорят о том, что это имитация, относящаяся к XIX веку (замечание редакторов английского издания, Princeton University Press, 1978).

Иезекииль, 1,15.

Святая Хильдегарда из Бингена (1098-1179) — монахиня бенедиктинского ордена, основательница монастырей в Рупертсберге и Айбингене (окрестности Бингена, западная часть Германии). Книга мистических озарений «Познай пути» датируется 1141-1151 годами.

Рис. 8: Обретение души младенцем в материнской утробе. Рисунок из рукописи «Познай пути» (Scivias) Хильдегарды из Бингена, XII в.

Этот высший мир имеет примечательную четырехугольную форму; он разделен на три части, соответствующие ипостасям Троицы, но средняя полоса, вместо того, чтобы равной двум другим, отличается от них. Она содержит тела округлой формы, тогда как для двух других полос характерен мотив глаз. Таким образом, как и в случае колес Иезекииля,

округлые формы ассоциируются с глазами.

Как отмечено в тексте св. Хильдегарды, сверкание «бесчисленных глаз» (в действительности в каждой из зон их насчитывается по 24) обозначает «Божье знание» или зрение — по аналогии с семью «очами Господа», которые «объемлют взором всю землю» (Захария, 4, 10).

В противоположность «глазам» округлые формы обозначают деяния Божьи, такие, например, как нисхождение на Землю Сына в качестве Спасителя (с. 127). Хильдегарда добавляет: «Все доброе, равно как и все дурное известно Богу, ибо Его знание никогда не затмевается». Поскольку душа и дух человека представляют собой «огненный шар» (с. 120, 126, 130, 133), можно думать, что и душа Христа также имеет форму шара; Хильдегарда толкует свое видение как относящееся не столько к становлению отпрыска рода человеческого вообще, сколько именно Христу и Богородице (с. 127). Разделенный на три части квадрат представляет дух, воспринимаемый ребенком (с. 129). Творящее начало Святого Духа объединяет Божество с материей — это со всей очевидностью следует из Священного Предания. Округлости явно представляют собой связующие формы между духом и материей, подготовительную стадию развития тел, одушевленных жизнью. В большом количестве (30) они заполняют срединную полосу. Каким бы случайным ни казалось число тридцать, в действительности оно указывает на Луну, владительницу вещественного мира, тогда как число двадцать четыре — число часов в сутках — соотносится с Солнцем, первым из светил. Возникает намек на мотив соединения (*coniunctio*) Солнца и Луны. Здесь мы сталкиваемся с одним из многочисленных случаев бессознательной предрасположенности, которая

впоследствии найдет свое проявление в дефиниции Бога, выдвинутой Николаем Кузанским¹: Бог — это соединение противоположностей (*complexio oppositorum*), последнее же в истинном смысле не может существовать иначе, как в Боге.

В рассматриваемой миниатюре шары окрашены в огненный цвет и представляют собой нечто вроде «духовных молок», огненного семени, из которого рождаются человеческие существа. Подобное сравнение кажется оправданным в свете того, что алхимики сравнивают «округлости» (*rotunda*) с рыбьими глазами (*oculipiscium*). Рыбьи глаза, подобно очам Бога, всегда открыты. Они синонимичны «искрам» (*scintillae*), в свою очередь представляющим собой «сверкание души». Не исключено, что эти алхимические представления повлияли на Хильдегарду через посредство атомистической теории Демокрита («Дух заключен в атомах» — *Spiritus insertus atomis*²). Аналогичным воздействием, возможно, обусловлена и квадратная форма, в которую облечен Святой Дух.

В алхимии квадрат, имеющий *четыре* угла, символизирует целостность и Землю, тогда как дух выражается формой круга. Земля — женское начало, а дух — мужское. Квадрат как символ духовного мира необычен, но его появление в этой функции становится понятным с учетом принадлежности Хильдегарды к женскому полу. Эта же примечательная символика отражается в знаменитой проблеме квадратуры круга; последняя также представляет собой *coniunctio oppositorum*. В алхимии «квадратность» приписывается единой субстанции — философской ртути (*Mercurius Philosophorum sive quadratus*); последняя характеризует хтоническую, земную природу ртути как металла, но также ее духовную сущность (*spiritus mercurialis*), поскольку философская ртуть в равной мере является как металлом, так и «духом». В христианской догматике мы находим параллель этой двойной и парадоксальной природе ртути в виде Святого Духа, который, будучи третьей ипостасью Божества, не является исклю-

Николай Кузанский (Н. Кребс, 1401-1464) — знаменитый немецкий богослов и философ, кардинал, автор трактата «Ученое незнание».

Macrobius. In somnium Scipionis (прим. автора).

чительной принадлежностью во плоти жившегося Бога, но распространяется и на обычного человека, затронутого первородным грехом. Правда, во времена Хильдегарды эти

представления еще не были по-настоящему осознаны; тем не менее они должны были в скрытом виде присутствовать в коллективном бессознательном и актуализироваться благодаря аналогии Христос — ртуть. Осознание этой аналогии пришло в следующем веке, но его признаки ощутимы уже в писаниях Зосима Панополитанского (III в.). Что касается исторических связей, то в данном случае о них говорить не приходится; здесь мы имеем дело прежде всего с обнаружением актуализованного архетипа исконного человека, или Антропоса.

Наконец, заметим, что в алхимии можно встретить ту же арифметическую структуру Святого Духа, что и на нашем рисунке. Речь в обоих случаях идет о единстве, состоящем из двух начал: глаз и огненных шаров; это целое, будучи квадратом, поделено на три части. Данный мотив известен как «аксиома Марии» (имеется в виду Александрийская женщина-философ, сыгравшая большую роль в развитии классической алхимии).

Две группы людей на рисунке изображают судьбу, с которой придется столкнуться пробуждающейся душе. Ведь, согласно самой же Хильдегарде, есть люди, делающие «хороший, средний и плохой сыр»¹; в последнем случае не обходится без вмешательства дьявола.

Данная картина, подобно предыдущей (рис. 7), недвусмысленно свидетельствует о том, что глаза и огненные шары отнюдь не идентичны небесным телам; они принципиально отличаются от звезд. Приведенные картины подтверждают, что шары — это души.

1) «Вы посмотрите дальше и увидите на земле людей, несущих молоко в глиняных сосудах. Из него они изготавливают сыр. Это люди, мужчины и женщины, несущие в своих телах человеческое семя. Из него рождаются разного рода люди. Часть молока — жирная; из нее получается жирный сыр. Это семя... порождает энергичных людей... Благодаря ему и благоразумию они овладевают жизнью, и труды их процветают на глазах Бога и людей. Дьяволу не находится места в них. Другая часть молока — жидкая; она дает посредственный сыр. Такое семя... рождает слабых людей... Последняя часть молока — с гнилью, и сыр, получаемый из нее, горек. Такое семя... порождает уродов» и т. д., Scivias, p. 128ff (прим. автора).

5. Резюме

Осуществленный в предшествующих главах анализ сновидений и картин показал, что для выражения своего содержимого бессознательное использует отдельные обрывки видений образов, сопоставимые с НЛО. В случае первого, второго, шестого и седьмого снов, а также картины «Сеятель огня» (рис. 2) связь с НЛО была осознанной, тогда как для остальных снов и картин такой связи обнаружить не удалось. В снах рассказчик (наблюдатель) и НЛО вступают в почтиличные отношения; в картинах же ничего подобного нет. В средневековом изобразительном искусстве личное участие в эпифании или в каком-либо ином визионерском опыте, выражается, как известно, через присутствие самого визионера на картине. Подобное чуждо современной концепции живописи, которая, напротив, пытается отдалиться от зрителя и представить изображаемый объект как нечто вроде таблички теста Роршаха; этот преднамеренный «ташизм» имеет целью нейтрализовать любые ассоциации и возбудить чистую субъективную игру воображения.

Привнимательном анализе обнаруживается, что содержимое и смысл как снов, так и картин позволяют однозначно квалифицировать их как *эпифании*. В картине «Сеятель огня» этот смысл находит особенно явное выражение.

1) «Ташизмом» (от франц. *tache* — «пятно») иногда называют некоторые направления современной абстрактной живописи; ташистские картины представляют собой главным образом изображения автономных цветных пятен.

В других случаях более или менее углубленное исследование методом сравнительной психологии приводит к аналогичному выводу. Для читателя, еще не знакомого с миром психологии бессознательного, следует особо подчеркнуть, что в основе

моих выводов лежит не разгульнообузданного воображения — в чем меня время от времени упрекают те, кто тщательно анализу предпочитает простые объяснения, — а результаты исследований в области сравнительной истории символов. Лишь нежелание перегружать текст побудило меня отказаться от подробных ссылок на источники. Читатель, испытывающий необходимость проверить обоснованность моих выводов, волей-неволей будет вынужден обратиться к другим моим работам, снабженным соответствующим библиографическим аппаратом. Используемый мною *амплификативный* (усиливающий) метод интерпретации (см. выше) показал свою плодотворность по отношению как к историческому материалу, так и к психологическим данным последнего времени. На мой взгляд, он дает полное основание сделать вывод, что в центре исследованных образцов находится манифестация центрального архетипа, который я называю Самостью; эта манифестация осуществляется традиционным способом, в форме эпифании (Богоявления), то есть явления небесного происхождения, сущность которого в ряде случаев характеризуется противоречивыми свойствами.

Напомним универсальные пары противоположностей, о которых было сказано выше. Во-первых, это *вода и огонь*; тот же смысл имеет так называемый «щит Давида» Y, составленный из двух треугольников: №9650; (огонь), и №9660; (вода). «Шесть» является символом целостности: «четыре» характеризует естественное деление круга, а «два» обозначает вертикальную ось с зенитом и надиром; всё вместе формирует пространственный образ целостности. Таким образом, намек на четвертое измерение в картинах, воспроизведенных на рис. 2 и 3, может считаться современным вариантом того же символа целостности.

Противопоставление *мужского женскому* представлено в виде продолговатого и округлого предметов, «сигары» и круга; см. рис. 4. Есть основания полагать, что в данном случае речь идет о сексуальной символике. Китайский символ *единого*, Дао, состоит из Ян (обозначающего огонь, жар, сушь, южный склон горы, мужское начало и т. п.) и Инь (обозначающего тьму, влажность, прохладу, северный склон горы, женское начало и т. п.). Данный символ, таким образом, вполне соответствует еврейскому символу Давидова щита. В христианском мире аналогичный мотив представлен церковной доктриной, утверждающей единство Материи Сына, и представлением об андрогинности Христа. Напомним также, что «первосущество» (Urwesen) многих экзотических и первобытных верований гермафродитично, что гностикам было свойственно представление о едином существе — «отце-матери», и что алхимики представляли Меркурия в виде гермафродита.

Третья пара противопоставлений — *верхи низ*; см. рис. 3, где она как бы перенесена в четвертое измерение. В других приведенных нами примерах оппозиция верха и низа обозначает разницу между происходящим в небе и на земле.

Четвертая пара противоположностей — *единица и четверица* — синтезирована, как нам представляется, в виде пяти фигур, расположенных в шахматном порядке (рис. 3 и 4): четыре элемента служат своего рода обрамлением для пятого, выделенного благодаря своему центральному положению. В истории символов «четыре» появляется как результат *развертывания «одного»*. «Развертывание» понимается следующим образом: «единое существо» (Allwesen) не может быть познано как таковое, ибо, по определению, его нельзя ни отличить от чего бы то ни было, ни сравнить с чем бы то ни было. Развертываясь и воплощаясь в виде четверицы, единое обретает тот минимум различных качеств, благодаря которому его отныне можно распознать. Подобный ход рассуждений не содержит в себе ничего метафизического; он просто указывает на психологическую формулу, описывающую процесс осознания содержимого сферы бессознательного. Действительно, пока нечто пребывает в сфере бессознательного, оно не обладает никакими различимыми свойствами; соответственно, его удел — быть частью всеобщего незнания, быть везде и одновременно нигде отсутствовать, или, по выражению гностиков, всеприсутствовать, не существуя. Но перейдя в сферу

сознания, это содержимое сразу же дезинтегрируется, распадается, дробится... — на *четыре*; лишь благодаря *четырем* кардинальным функциям сознания оно становится достоянием опыта. Итак, это содержимое *воспринимается* как нечто существующее, *распознается* и *дифференцируется*, обнаруживает свою *приемлемость, привлекательность*, или, наоборот, *непривлекательность*; наконец, *предугадываются* его истоки и направленность¹. Содержимое бессознательного не может быть ни воспринято ощущениями, ни распознано мыслью, ни оценено чувством; поэтому все, касающееся его пребывания во времени, относится к области интуиции.

Расщепление единого и превращение его в «тетраду» можно сравнить с делением горизонта на четыре стороны или с делением годового цикла на 4 времени года. Таким образом, в акте сознания находят свое проявление четыре фундаментальных аспекта целостности или, по меньшей мере, приближения к целостности и отношения к ней. Все это, впрочем, никому не мешает умозрительно представить себе существование еще трехсот шестидесяти других аспектов. Названные мною четыре аспекта указывают всего лишь на то обстоятельство, что человеческому разуму свойственно естественным образом делить «круг» или «целостность» по меньшей мере именно на столько частей.

В историях болезни моих пациентов я очень часто сталкивался с символом тетрады (IV), значительно реже — с символом триады (III) и совсем редко — с символом пентады (V). Надо сказать, что моя клиентура всегда отличалась интернациональным составом; благодаря этому у меня было много возможностей для сравнительных наблюдений над этническими особенностями. Я обнаружил, что все без исключения «триадические» мандалы исходили от пациентов-немцев. Мне кажется, что это каким-то образом связано со второй ступенной ролью, которую типическая фигура «анимы» играет в немецкой художественной литературе — в отличие от романов французских или англосаксонских авторов. В противоположность основной, обычной структуре 3+1 триадическая мандала — если рассматривать ее с точки зрения целостности — имеет структуру 4-1. Четвертая функция, диаметрально противоположная пер-

1) «Функции сознания», о которых говорит здесь Юнг, сводятся, таким образом, к *ощущению, мысли, чувству и интуиции*.

вой главной, — это недифференцированная, низшая функция, характеризующая слабую сторону, «тень» личности. Если она не представлена в символе целостности, это означает существенный перевес сознания.

Пятое противопоставление касается различия между загадочным высшим миром и миром человеческой повседневности. В этой оппозиции заключен самый главный контраст; в той или иной форме она находит свое выражение во всех исследованных нами примерах. Она всегда, словно преднамеренно, производит глубокое впечатление, как если бы она была своего рода вестью, посланием. Горизонтальному измерению нашего сознания — сознания, замечающего только движение материальных тел, — противопоставляется другой порядок «сущего»: измерение «душевной субстанции». Все, что мы могли бы более или менее уверенно сказать об этом измерении, касается психической сферы: математических абстракций с одной стороны, легендарного и мифологического содержимого — с другой стороны. Если рассматривать число не просто как *зобре тенный* нами инструмент для счета, но как нечто *открытое* нами, то в силу своей мифологической природы оно принадлежит к миру «богоподобных» человеческих и животных образов и столь же архетипично, как ионы. Число обнаруживает свою принадлежность к классу «божественных» фигур людей и животных, и, подобно последним, архетипично. Но в противоположность им число к тому же еще «реально», ибо, будучи объектом, связанным со счетом, оно принадлежит одновременно и к сфере опыта — как *количество*. Таким образом, число, относящееся к физически познаваемому, реальному миру, так и к миру воображаемому, перебрасывает «мост» между этими двумя мирами. Хотя воображаемое и нереально, оно тем не менее действенно. В его действительности сомневаться не приходится — особенно в наше время. Человека непосредственно затрагивают не столько поведение, недостаток или чрезмерное изобилие тех

или иных физических объектов, сколько овладевшие им воображаемые представления об этих объектах, способ их постижения.

Роль числа в мифологии и в сфере бессознательного наводит на размышления. Число присуще как реальному, физическому, так и воображаемому, психическому аспекту.

Число служит не только для счета и измерения; помимо чисто количественной, в нем есть и качественная сторона. Вот почему в нем — хотя бы в плане предварительных соображений — можно видеть нечто таинственное, некое связующее звено между мифом и реальностью, отчасти открытое, отчасти же — изобретенное. Например, уравнения, возникшие в результате чистой игры математического воображения, обнаруживают свою пригодность в качестве формул, описывающих количественные аспекты поведения физических тел; и наоборот, благодаря своим индивидуальным качествам числа являются носителями и посредниками психических процессов в сфере бессознательного (так, структура мандалы в своей основе арифметична). Можно согласиться с математиком Якоби¹, которому принадлежит изречение: «Вечное число царствует над сонмом олимпийцев».

Изложенные здесь соображения призваны показать читателю, что оппозиция мира человеческого и высшего мира не носит абсолютного характера; несоизмеримость этих двух миров лишь относительна, ибо путь «отсюда» «туда» преодолим: ведь между ними есть такой великий «посредник», как число — реальное, действительное для обоих миров, архетипическое по самой своей сути. Теософские спекуляции совершенно ничего не дают для понимания той расщепленности картины мира, которая нашла свое выражение в наших примерах, поскольку эти спекуляции касаются только имен и слов и не способны указать путь к «единому миру» (Unus Mundus). Напротив, число принадлежит обоим мирам, реальному и воображаемому. Оно одновременно наглядно и абстрактно, наделено качественными и количественными аспектами.

Итак, особое значение имеет тот факт, что число характеризует «персонифицированную» суть *фигуры-посредника*. Находясь на платформе психологии и учитывая ограниченность любого научного знания, я называю «Самостью» тот «объединяющий» или опосредующий символ, который неизбежно возникает в ситуации, когда в силу существенных психологических причин между противоположностями создается достаточно сильная напряженность.

1) Карл Густав Якоби (1804-1851) — крупный немецкий математик.

Этим я хочу подчеркнуть, что я пытался в первую очередь обозначить факты, доступные эмпирическому постижению, и не предавался сомнительным экскурсам в область метафизики. Пребывая на почве метафизики, я непременно «вторгся» бы в сферу всевозможных религиозных убеждений. На Западе мне пришлось бы вместо «Самости» говорить «Христос», на Ближнем Востоке — «Хадир», на Дальнем Востоке — «Атман», «Дао» или «Будда», на Дальнем Западе — «заяц» или «Мондамин» (бог майса), наконец, в мире Каббалы — «Тиферет».

Наш мир сжимается подобно шагреновой коже. Постепенно рождается и развивается понимание того, что существует *единое* человечество с *единой* душой. Смирение — не последняя из добродетелей, и оно должно побудить хотя бы христиан, из любви к милосердию (то есть к наибольшей из добродетелей), подать хороший пример и признать, что существует только *одна* истина, выраженная на многих языках; лишь наша недостаточная способность к пониманию мешает нам проникнуться этой убежденностью. В мире нет никого, кто по праву богоподобного существа мог бы считать себя единственным носителем Истинного слова. *Мы всматриваемся в тусклое зеркало, в котором, смутно указывая на невидимую истину, обретает форму некий темный миф. Духовное око различает в этом зеркале некий образ, который мы называем Самостью. Я полностью осознаю, что речь идет об антропоморфном образе; называя его данным термином, я тем не менее необъясняю его сути. Конечно, термин «Самость» призван обозначить психическую целостность; но мы не знаем, каковы те реальности, которые лежат в*

основе этого понятия — ведь психическое содержимое невозможно наблюдать, пока оно пребывает в сфере бессознательного, и душа не может познать самое себя. Бессознательно познаваемо лишь в той мере, в какой оно становится частью сознания. Что касается модификаций, происходящих с содержимым бессознательного в процессе его интеграции в сознательную сферу, то о них мы имеем лишь смутные предчувствия, но не достоверные знания. К тому же понятие психической целостности, по необходимости, включает в себя элемент трансцендентности, обусловленный наличием в этом понятии бессознательных составляющих.

Используя слово «трансцендентность», я должен напомнить, что я не вкладываю в него метафизического смысла, а наделяю его статусом всего лишь «пограничного», или «демаркационного» понятия (пользуясь языком Канта)¹.

Можно лишь очень приблизительно догадываться о том, что лежит за порогом, обозначенным теорией познания; но *архетипы*, а еще более явно — *числа* указывают, что за этим порогом, в темных глубинах человеческого существа, что-то есть. По эту сторону порога числа — это счет; по ту сторону они представляют собой автономные психические сущности, выражающие не только количественный, но и качественный аспект вещей и находящие свое проявление в форме соотношений, которые предшествуют любым суждениям. Эти соотношения включают не только психические феномены, поддающиеся объяснению в терминах причинности — символы, с которыми мы встречаемся в сновидениях и т. п., — но и особые формы релятивизации времени и пространства, не обусловленные никакими причинными связями. Речь здесь идет о тех парапсихологических проявлениях, которые я объединил в понятие «синхронность» и которые Райн подверг статистическому исследованию. Положительные результаты опытов Райна заставляют нас отныне рассматривать парапсихические феномены как неопровержимые факты.

Таким образом, мы слегка приблизились к пониманию столь загадочного параллелизма между психическим и физическим: ведь мы теперь знаем о существовании некоего фактора, благодаря которому преодолевается кажущаяся несоизмеримость телесной и психической субстанций, материисообщается определенная «психическая» способность, а психической субстанции — определенная «материальность», что позволяет им воздействовать друг на друга. Говорить о влиянии тела на душу — это значит быть тривиальным; ведь всем известно, что любой физический

1) В кантовской терминологии понятие «граница» указывает на возможности употребления чистого разума; находящееся по ту сторону «границы» не является умопостижимым и принадлежит сфере метафизики. Вспоминая данный кантовский термин, Юнг, по-видимому, имеет в виду, что трансцендентная составляющая проблемы бессознательного в рамках психологической науки может быть угадана и описана, но непознана и не разрешена.

недуг или болезнь находят отклик в психике. Но гипотеза о таком влиянии чего-то стоит лишь в том случае, если психической субстанции приписывается существование в себе для себя, а это противоречит обычной материалистической концепции; впрочем, последняя, так или иначе, совершенно не в состоянии объяснить, каким образом химические реакции могут породить психическую субстанцию.

Обе противоположные концепции — материалистическая и спиритуалистская — не более, чем метафизические предвззудки. Опытным данным лучше соответствует гипотеза, согласно которой любая живая материя обладает психическим, а психическая субстанция — физическим аспектом. Если же мы обратим должное внимание на парапсихологические данные, то окажемся вынуждены распространить гипотезу о психическом аспекте за пределы биохимических процессов в живой природе и охватить ею всю, в том числе и неживую, материю. С точки зрения этой гипотезы бытие основывается на некоем до сих пор не разгаданном субстрате, обладающем как материальными, так и психическими качествами. Имея в виду образ мыслей современных физиков, мы можем

утверждать, что такое предположение сегодня будет воспринято с большей готовностью, нежели в прошлые времена. В результате сомнительная гипотеза психофизического параллелизма уступит место возможности построения новой модели, приближающейся к идее единого мира — Unus Mundus. «Внепричинные» (акаузальные) соответствия взаимно независимых психических и физических процессов, то есть синхронные феномены и, в особенности, психикинез, займут свое место во сфере доступного понимания, поскольку любое событие материального мира по самой своей природе будет включать психический компонент и наоборот. Подобные рассуждения и в коем случае не следует оценивать как пустые спекуляции; они неизбежно приходят на ум в результате углубленного изучения феномена НЛО, что явственно вытекает из содержания следующей главы.

6. Феномен НЛО с психологической точки зрения

Как уже было сказано в начале настоящей работы, наша задача состояла прежде всего в трактовке явления НЛО с точки зрения психологической феноменологии. Для подобного подхода у нас было достаточно оснований; стоит хотя бы вспомнить распространяемую молвой противоречивые и «невозможные» утверждения вокруг данной проблемы. Эти утверждения, естественно, вполне заслуживают критики, скептицизма и даже явного неприятия. Мы с пониманием и даже симпатией относимся к тем, кто отказывается видеть в слухах о НЛО что-либо, кроме всеобщего помутнения рассудка и полагает, что единственная польза от этих слухов может заключаться в той реакции противодействия со стороны разума, которую они неизбежно породят. Конечно, читатель вправе удовлетвориться предложенным нами психологическим способом объяснения и принять как должное, что сознательное или бессознательное воображение, при поддержке прямых выдумок и лжи, играет решающую роль в формировании соответствующих слухов. Казалось бы, после этого проблему вполне можно считать закрытой.

Тем не менее нам представляется, что, поступая таким образом, мы рискуем недооценить ситуацию, складывающуюся в наши дни. К сожалению, в силу множества причин мы не имеем права позволить себе отделаться от проблемы столь простым способом. Неопровержимая, основанная на многочисленных наблюдениях информация свидетельствует, что НЛО можно не только видеть, но и регистрировать на экране радара, и даже (хотя и изредка) фотографировать. Я основываюсь на сводных сообщениях Раппелта и Кэйхоу, которыми вовсе не следует пренебрегать, а также на том факте, что профессор астрофизики Мендель, несмотря на все свои усилия, не смог дать рационального объяснения ни одному из должным образом засвидетельствованных сообщений. Таким образом, речь здесь может идти лишь о разрешении следующей дилеммы: вызвано ли эхо радара проекциями, зародившимися в человеческой психике, или наоборот, появление реальных тел порождает проекции мифологического порядка.

Заметим, что даже если НЛО физически реальны, соответствующие психические проекции не *создаются* им в прямом смысле этого слова, а лишь *возбуждаются и провоцируются*: ведь утверждения мифического порядка, часто связываемые с НЛО, были известны вовсе эпохи. Единственное различие состоит в том, что до эпохи наблюдений за НЛО никому не приходило в голову сближать мифический аспект явления с аспектом, касающимся каких-то загадочных небесных тел.

Все, что связано с мифотворчеством, с проявлением мифологического, основывается прежде всего на уникальных в своем роде структурах глубинного слоя человеческой психики, то есть на коллективном бессознательном; последнее всегда, во все времена порождало проекции. Проекция бывает разной; далеко не все они выглядят как круглые небесные тела. Но проекции округлостей, сопровождаемые общепсихологическим контекстом в виде занимающих нас здесь слухов, являются одним из наиболее специфичных, характерных проявлений нашей эпохи. В свое время представление о медиаторе (посреднике),

о Боге, ставшем человеком, приобрело доминирующее значение и вытеснило назадний план общепринятое прежде многобожие; но ныне это представление постепенно улетучивается из сознания людей. Многие миллионы так называемых христиан утратили веру в реального, живого медиатора, а истинно верующие христиане пытаются придать своей вере правдоподобие и привлекательность в глазах первобытных народов — тогда как обращение усилий на пользу белому человеку было бы несравненно более плодотворным, важным и необходимым. Но ведь говорить и действовать «сверху вниз» — это такое не обременительное и в то же время трогательное занятие; говорить и действовать в противоположном направлении куда сложнее. Слово Святого Павла было обращено к народам Афин и Рима. Что же делает Альберт Швейцер в Ламбарене? Такие люди, как он, значительно нужнее в Европе.

Христианин не станет подвергать сомнению важность веры в медиатора-Спасителя. Христианин также не станет отрицать серьезность последствий, связанных с потерей этой веры. Могушественное представление о божественном медиаторе соответствует глубокой потребности человеческой души, из-за которой потребность отнюдь не исчезает после того, как ее выражение утратило былую силу. Куда девается энергия, до сих пор питавшая это представление, поддерживавшая в нем жизнь, обеспечившая ему возможность укреплять души? Сознание нашей эпохи расколото в результате политического, социального, философского и религиозного антагонизма, который ныне достиг небывалых масштабов. Перед лицом такого беспрецедентного противостояния непременно должна появиться потребность в спасителе. Но безнадежные призывы к медиатору не пользуются популярностью, ибо они иррациональны и противостоят научному мышлению. В эпоху статистики мало кто верит в подобные вещи. Вот почему проистекающая из глубочайшей тревоги потребность в медиаторе может быть выражена в лучшем случае лишь вполголоса. Кроме того, в отличие от первых христиан, ныне едва ли кто-либо добровольно признается в собственном пессимизме, ибо героический идеал современного американизированного человека заключается в энергичности, оптимизме и неизменной улыбке (*keeps smiling*). Даже небольшой дозы пессимизма зачастую оказывается достаточно, чтобы заподозрить его носителя в разрушительных, пагубных намерениях; тем не менее, как нам представляется, лишь определенная мера разумного пессимизма способна заставить человека задуматься о собственном существовании. Даже при самом поверхностном, торопливом, жизнерадостном и шумном образе жизни в глубине человеческой души неизбежно развивается и укрепляется потребность в медиаторе.

1) А. Швейцер (1875-1965) — знаменитый немецкий философ, теолог, врач, музыкант; Ламбарене — местечко в Габоне (Западная Африка), где А. Швейцер с 1913 года занимался врачебной и миссионерской деятельностью.

Многочисленные наблюдения показывают, что в человеческой душе, так же, как и в природе, в результате напряженности, возникающей между контрастными полюсами, образуется скрытый потенциал, который в любой момент может проявиться в виде освобожденной энергии. Падение камня или водопада соединяет верхнюю и нижнюю плоскости; между теплом и холодом возникает бурный, вихревой обмен. Аналогичным образом и между противопоставленными друг другу полюсами психики вызревает и формируется «объединяющий символ», вначале — бессознательный. Именно этот процесс идет в настоящее время в сфере бессознательного современного человека. Между контрастными полюсами спонтанно складывается символ единства и целостности, вне зависимости от того, осознается он человеком или нет. Как только в окружающем мире появляется что-либо экстраординарное, особо впечатляющее — будь то человек, вещь или идея, — реакция со стороны содержимого сферы бессознательного может выразиться в виде соответствующей проекции. Объект проекции, наделенный отныне мифической силой, источником которой служит субъект проекции, приобретает для последнего нуминозный смысл. Вследствие этого он оказывает огромное суггестивное воздействие и вырастает в миф о спасителе, в основных своих чертах повторяющийся постоянно, начиная с незапамятных

времен.

НЛО явились поводом, благодаря которому смогло проявиться скрытое содержимое сферы бессознательного.

О НЛО мы можем с уверенностью сказать лишь то, что они обладают поверхностью, которую можно видеть и которая отражает волны радара. Все остальное выглядит пока слишком неопределенно; поэтому до получения достоверных экспериментальных данных лучше воздержаться от любых не поддающихся проверке предположений и домыслов. Неизвестно, идет ли речь о машинах с экипажами, или о своеобразных живых существах, прибывших неведомо откуда и проникших в нашу атмосферу. Предположение о неизвестных науке метеорах не кажется вероятным, ибо поведение этих объектов никоим образом не напоминает поведения неодушевленных физических тел. Их движения свидетельствуют о волевом, психическом вмешательстве; в них можно усмотреть стремление скрыться, избежать встречи, а иногда даже агрессивную или защитную реакцию. Перемещения объектов в пространстве осуществляются по непрямым линиям, с изменчивой скоростью (что также не свойственно метеорам); их причудливые перемещения напоминают полет насекомых, а скорость варьирует от нуля до нескольких тысяч километров в час. Ни одно живое существо, известное на Земле, не смогло бы выдержать огромного ускорения и резких изменений направления движения, присущих НЛО; столь же непереносимо для земных форм жизни тепло, которое неизбежно должно выделяться в больших количествах вследствие преодоления сопротивления воздуха.

Совпадающие результаты визуальных наблюдений и наблюдений с помощью радаров сами по себе могли бы служить доказательством реальности НЛО. К сожалению, однако, известны случаи, когда экран радара не реагирует на то, что видит глаз, и наоборот, объекты, совсем несомненно зарегистрированные радаром, не обнаруживаются визуально. Я не решаюсь говорить здесь о некоторых других, еще более поразительных свидетельствах, ибо они подвергают нашу доверчивость и рассудительность слишком сильным испытаниям.

Если занимающие нас здесь объекты хоть сколько-нибудь реальны¹ — а сомневаться в этом уже не приходится, — нам остается выбирать между двумя гипотезами: либо они не подчиняются закону тяготения, либо они являются порождением психики. Окончательного решения этой дилеммы у меня нет. В порядке опыта мне показалось полезным рассмотреть психологический аспект феномена НЛО и тем самым попытаться внести некоторую ясность в проблему. Я ограничился несколькими максимально наглядными примерами. К сожалению, несмотря на десять лет целенаправленных усилий, мне не удалось собрать достаточно количества свидетельств, чтобы на их основании можно было делать окончательные выводы. Мне пришлось скромно ограничиться указанием на отдельные направле-

1) Не следует упускать из виду, что Юнг, как первооткрыватель эмпирического бессознательного, наделяет статусом реальных объектов лишь бы порождения последнего; поэтому с точки зрения признания реальности существования НЛО для него не столь уж важно: являются ли они физически осязаемыми «вещами», или они целиком обязаны своим происхождением психической субстанции человека.

ния, по которым могут пойти дальнейшие исследования. Что же касается объяснения феномена с физической точки зрения, здесь дело практически не сдвинулось с мертвой точки.

Значимость психического аспекта такова, что пренебрегать им не следует. Его обсуждение, насколько мне удалось показать, подводит нас к психологическим проблемам, за которыми открываются такие же фантастические возможности (и невозможности), как и за соображениями, касающимися физической природы феномена. Если даже оборонные ведомства специально занимаются сверкой и анализом соответствующих наблюдений, психология тем более не просто должна, но и обязана внести свой вклад в разъяснение этих таинственных сообщений.

Вопрос *антигравитации*, возникающий в связи с НЛО, я вынужден оставить на долю физиков: лишь они смогут оценить шансы подобной гипотезы на успех. Мнение, будто

данном случае речь идет об объектах психической природы, наделенных какими-то физическими качествами, кажется еще более далекой от действительности: совершенно непонятно, откуда такие объекты могли бы взяться. Можно сказать, что идея о материализовавшемся психическом факторе выглядит еще более беспочвенной, чем гипотеза об отсутствии силы тяжести. Правда, пара психологии известны факты материализации, но все они связаны с непосредственным присутствием одного или нескольких медиумов, которые в подобной ситуации должны как бы «снять» и «связать» весомую субстанцию. Известно, что психическая субстанция способна передвигать материальные тела — но только будучи заключена внутри живой структуры. Нашему пониманию недоступна сама возможность существования феномена, психического по своей природе, обладающего материальными свойствами, наделенного огромным энергетическим зарядом и доступного наблюдению с очень больших расстояний, да еще в отсутствие людей-медиумов. Наши познания бессильны помочь нам в данном вопросе, и поэтому нет смысла предаваться бесплодным спекуляциям.

Мне представляется, что с некоторой долей осмотрительности следует признать существование еще одной, третьей по счету возможности: НЛО — это материальные объекты неизвестной природы, ведущие свое происхождение, скорее всего, из космических пространств, и уже давно видимые для жителей Земли, но не имеющие никаких известных связей с Землей и ее обитателями. В последнее время, когда люди направляют свои взгляды на небо — отчасти в связи с открывшейся возможностью реализовать давние мечты о межпланетных полетах, отчасти же в связи с величайшей угрозой самому их земному существованию, — содержимое сферы бессознательного проецируется на необъяснимые небесные явления, придавая им значение, которого они, вообще говоря, не заслуживают. Поскольку после Второй мировой войны НЛО стали появляться чаще, чем когда-либо, мы, возможно, имеем здесь дело с феноменом синхронии, или «осмысленных совпадений». Психологическая ситуация современного человечества и феномен НЛО как физическая реальность обнаруживают между собой никаких причинных связей, но их сосуществование во времени имеет глубочайший смысл. Осмысленная взаимосвязь, с одной стороны, обусловлена проекцией; с другой же стороны она ведет свое происхождение от округлых и цилиндрических форм, которые соответствуют проецируемому смыслу, как это было всегда в истории рода человеческого, символизируют соединение противоположностей.

Еще одно, столь же «случайное» на вид совпадение подобно городу можно усмотреть в выборе эмблемы для самолетов в СССР и в США: советские самолеты украшены *красной* пятиконечной звездой, тогда как американские — такой же звездой, но *белого* цвета: ведь в течение тысячелетий красный выступал в качестве «мужского», а белый — в качестве «женского» цвета. Алхимики говорили о «красном рабе» (*servus rubeus*) и «белой женщине» (*femina Candida*), совокупление которых имело целью достичь высшего соединения противоположных полюсов. Говоря о России, сейчас же вспоминаешь «батюшку» царя или другого «батюшку» — Сталина; говоря же об Америке, редко обходятся без выпадов в адрес свойственного этой стране «матриархата», вспоминая, в частности, что большая часть американского капитала находится в руках женщин (не следует забывать и шутку Кайзерлинга о «тетушках нации»¹). Конечно, вряд ли можно сомневаться в том, что подобные сопоставления не имеют ничего общего с выбором символов — по крайней мере в плане осознанной причинной связи. Но продолжая в том же духе, можно прийти и к другим комическим констатациям; например, то обстоятельство, что красный и белый являются брачными цветами, позволяет представить Россию в забавной роли недостаточнострастного или, напротив, нежеланного любовника «белой женщины» в Белом доме — даже если не говорить ни о чем более глубоком.

1) Граф Герман фон Кайзерлинг (1880-1946) — немецкий философ и писатель, основатель «Школы Мудрости» в Дармштадте, автор книги «Психоанализ Америки» (1931); проповедовал идею достижения единства человечества

путем синтеза материализма западной и духовности восточной цивилизаций. Юнг имеет в виду то место из книги Кайзерлинга «Америка: становление нового мира» (1930), где он сравнивает типичную американку — члена женского клуба — стетушкой, которая из всех сил старается отучить своего гадкого маленького племянника от спиртного, поскольку оно вредит его здоровью. Напомним, что 1930 год — время действия «сухого закона» в США.

Эпилог

Уже после того, как настоящая работа была готова в рукописи, мне удалось ознакомиться с книгой, о которой здесь следовало бы специально упомянуть. Речь идет о книге Орфео М. Анджелуччи «Секрет тарелок»¹. Автор — самоучка, сам себя характеризующий как «физически слабого» и «неврастеника». Сменив множество разнообразных занятий, он в 1952 г. поступил рабочим на предприятие авиационной фирмы Локхид (Бербанк, Калифорния). По всей видимости, он лишен гуманитарной культуры, но в области естественных наук его познания выходят за пределы уровня, которого в данном случае можно было бы ожидать. Анджелуччи — американизированный итальянец, человек необразованный, но — если внешность нас не обманывает, — серьезный и обладающий определенными идеалами. В настоящее время он добывает средства на жизнь, проповедуя собственное «евангелие», внушенное ему летающими тарелками; вот почему я обращаю внимание на его книжку.

Его карьера пророка началась после 4 августа 1946 г.: в этот день ему довелось наблюдать НЛО. По его собственным словам, данная проблема прежде его никогда не занимала. В свободное от работы время он трудился над книгой «О природе бесконечных сущностей»², которую впоследствии

Orfeo M. Angelucci. The Secret of the Saucers. — Amhurst Press, 1955 (прим. автора).

Автор утверждает, что в этой книге говорится об «эволюции атомов», «остановках в развитии», «инволюции», «происхождении космических лучей» и т. п. (прим. автора).

Вии издал за свой счет. 23 мая 1952 года случилось событие, определившее его дальнейшее призвание. Около одиннадцати часов вечера он почувствовал недомогание; в верхней части туловища ощущался зуд, как перед грозой. В тот вечер он находился на работе; возвращаясь на автомобиле домой, примерно в половине первого ночи, он увидел парящий низко над горизонтом светящийся красный предмет овальной формы, который, судя по всему, так и остался незамеченным другими людьми. Выехав затем на тихий участок дороги, расположенный на некотором возвышении, он вблизи от себя увидел красный округлый предмет, как бы подвешенный над дорогой и непрерывно «пульсировавший». Вдруг этот предмет взмыл в небо под углом 30-40 градусов и, набрав высокую скорость, умчался в западном направлении. Перед тем, как он исчез за горизонтом, от него отделились два огненных шара зеленого цвета; из этих шаров донесся «мужской» голос, говоривший на «чистом английском» языке. Автор запомнил слова: «Не бойся, Орфео, мы — друзья!». Голос предложил Орфео выйти из машины, что тот и сделал; затем, опершись об автомобиль, Орфео стал следить за двумя округлыми предметами, «пульсировавшими» на «небольшом расстоянии» от него. Голос сообщил, что светящиеся тела — это «приборы для приема и передачи» (то есть нечто вроде органов чувств), и что он находится в прямом контакте с «друзьями из другого мира». Все это напомнило автору 4 августа 1946 года. Внезапно он почувствовал сильную жажду. Голос сказал ему: «Выпей из хрустального бокала, который ты видишь на крыле автомобиля». Выпитая жидкость оказалась «напитком, вкуснее которого я никогда ничего не пробовал». Напиток этот взбодрил и укрепил автора. Расстояние между двумя светящимися телами составляло около трех футов. Вдруг свет их потускнел, и между ними возникло «трехмерное» сияние. В этом сиянии появились

мужчина и женщина, «совершенные в высочайшей степени» (being the ultimate of perfection); были видны лишь их головы и плечи. У них были огромные блестящие глаза; несмотря на свое сверхъестественное совершенство, они показались автору удивительно знакомыми и близкими.

Он рассматривал его и окружающий пейзаж. Автору показалось, что между ним и этими существами установилась теплая патетическая связь. Затем видение исчезло так же неожиданно, как и появилось, и огненные шары обрели прежнюю яркость. Он услышал слова: «Путь откроется, Орфео», а затем голос продолжил: *«Мы видим каждого жителя Земли таким, каким он является на самом деле, а не таким, как его воспринимают ограниченные в своих возможностях чувства людей. Мы наблюдали за обитателями твоей планеты уже в течение нескольких веков; последняя серия наблюдений была предпринята лишь недавно. Нами отмечалось любое продвижение вперед в вашем обществе. Мы знаем вас лучше, чем вы знаете самих себя. Основные сведения о каждом из вас — мужчине, женщине, ребенке, — мы записываем на кристаллических дисках. Мы придаем каждому из вас бесконечно большее значение, чем вы, жители Земли, придаете сами себе, ибо вы не осознаете истинной тайны своего существования... С жителями Земли нас объединяет чувство братства, обусловленное давним родством между нашей и вашей планетами. Благодаря вам мы можем заглядывать очень далеко в прошлое и восстанавливать некоторые черты нашей древности. Видя ваш путь, ваши болезни и рост, мы понимаем вас и преисполнены глубочайшего сострадания. Мы просим, чтобы ты воспринимал нас просто как своих старших братьев».*

Автору было рассказано и многое другое. Например, он узнал, что летающие тарелки управляются на расстоянии с главного корабля — «матки»; что путешественники на летающих тарелках, будучи «эфирными» существами, на самом деле не нуждаются в этих кораблях и используются им только для того, чтобы явиться людям в материальном облике; что скорость летающих тарелок почти равна скорости света; что «скорость света равна скорости истины» (то есть скорости мысли); что небесные посетители не приносят вреда и преисполнены добрых намерений; что «космический закон» запрещает показное, рассчитанное на эффект приземление; что Земле в настоящее время угрожают опасности, в истинных размерах которых жители планеты не отдают себе отчета.

После этого сообщения дух А. укрепился и усилился. Он утверждает: «Я будто в мгновение ока возвысился над уровнем обычных смертных и почувствовал свое родство с этими высшими существами». Когда светящиеся тела исчезли, ему показалось, что окружающий мир утратил реальности и превратился в обиталище теней.

23 июля 1952 года, то есть через два месяца, он почувствовал себя нездоровым и не пошел на работу. Вечером он отправился на прогулку; на обратном пути, проходя по тихому, безлюдному месту, он ощутил нечто, напомнившее о 23 мая того же года. Одновременно он отметил «притупление сознания» (the dulling of consciousness), уже испытанное им 23 мая; это состояние служит обязательным предварительным условием для спонтанного возникновения психических феноменов. На поверхности земли перед собой он неожиданно увидел туманное, слабо освещенное образование, похожее на огромный «мыльный пузырь». Этот предмет постепенно приобрел более определенную форму, и вскоре взгляду удалось различить нечто вроде отверстия, сквозь которое можно было видеть ярко освещенный интерьер. Он вошел внутрь и оказался в сводчатом помещении диаметром около 6 метров. Стены были сделаны из «эфирного материала, напоминающего перламутр». Передним находилось удобное откидное кресло из того же «эфирного» материала. Кроме кресла, в помещении ничего не было. Стояла тишина. Он сел в кресло; ему показалось, что он сидит в воздухе. Сиденье словно специально появилось для того, чтобы принять в себя его тело — настолько идеально подогнанной была его форма. Дверь закрылась, как будто ее никогда и не существовало. Он услышал звук, похожий на ритмичное гудение, вызванное вибрацией; этот звук привел его в состояние как бы полусна. Свет в помещении погас; со стороны стен стала доноситься музыка. Затем свет загорелся вновь. На полу он обнаружил

кусочек блестящего металла, похожий на монету. Когда он взяло в руки, ему показалось, что тот уменьшился в размерах. Он почувствовал, что «тарелка» забрала его с собой. Вдруг открылось нечто похожее на круглое окно диаметром около 9 футов. В это окно он увидел планету; это была Земля с расстояния свыше 1000 миль, очем ему поведал уже знакомый голос. Он заплакал от избытка чувств, и голос произнес: *«Плачь, Орфео... Мы плачем вместе тобой о Земле и о ее детях. Несмотря на свою несомненную красоту, Земля среди разумных планет — нечто вроде чистилища. Ненависть, эгоизм и жестокость, подобно мрачному туману, исходят из многих мест на ней»*. Затем они удалились в глубины Вселенной. Здесь они встретили НЛО длиной примерно в 1000 и диаметром в 90 футов, сделанный из прозрачного кристаллического вещества. Из него лилась музыка, уносящая дух в видениям планет и галактик, одушевленных гармоническим вращательным движением. Голос сообщил, что на его планете (планете, далекой от Земли) все живые существа бессмертны, но смертные тени этих существ пытались избавить Землю от мрака. Все эти существа служат либо добру, либо злу. «Мы знаем, Орфео, на чьей ты стороне». Благодаря своей физической слабости он был наделен духовными дарами; вот почему они — небесные существа — смогли войти с ним в контакт. Ему было дано понять, что как музыка, так и голос доносились с этого большого межпланетного корабля. Последний начал медленно удаляться, и А. смог увидеть по обеим его сторонам два пламенеющих вихря, приводивших «корабль-матку» в движение, подобно пропеллерам; но кроме того, они служили средством «телепатического видения и слышания» (!).

На обратном пути они встретили две «летающие тарелки» обычного вида, направлявшиеся к Земле. Голос давал дополнительные объяснения об отношении высших существ к людям. Последние ни в моральном, ни в психологическом плане не смогли угнаться за собственным стремительным техническим прогрессом; поэтому обитатели других планет пытаются помочь жителям Земли лучше понять свое нынешнее критическое состояние, а также принести им пользу — особенно в области медицины. Они хотят также просветить людей насчет Иисуса Христа. Аллегорически его называют «Сыном Божиим»; на самом же деле, как сказал голос, он является «Повелителем огня» (Lord of the flame), «беспределенной солнечной, неземной сущностью». Как солнечный дух, пожертвовавший собой ради «детей скорби» (то есть людей), он стал «частью всеобщей человеческой души и мировым духом». Этим он отличается от других пророков этого мира.

Каждый человек на Земле обладает духовной, непознанной «Самостью», возвышающейся над материальным миром и сознанием, и наделенной вечным, вневременным, духовно совершенным существованием в рамках высшей, единой души... Человеческая жизнь на Земле имеет целью воссоединение с «бессмертным сознанием». Под испытующим взглядом этого «великого и милосердного сознания» он почувствовал себя «жалким червячком — грязным, порочным и грешным». Под звуки музыки он вновь заплакал. Голос произнес: «Дорогой земной друг, мы крестим тебя в истинном свете вечных миров». Блеснула белая молния; перед его глазами явственно открылась вся его жизнь, и воспоминания обо всех прежних существованиях вернулись к нему. Он понял «тайну жизни» (!). Ему показалось, что он умер, ибо он понял, что в это мгновение он был перенесен в «вечность», во «вневременное море блаженства».

После этого светлого, торжественного переживания он пришел в себя; под звуки все той же «эфирной» музыки он был возвращен на Землю. Как только он покинул летающую тарелку, последняя внезапно исчезла, не оставив следов. Позднее, ложась спать, он почувствовал жжение в левой части груди. В этом месте обнаружился стигмат величиной с монету в 25 центов, в виде воспаленного круга с точкой в центре. Он истолковал этот стигмат как «символ атома водорода» (!).

Это событие побудило его выступить в качестве прорицателя — в стиле, с которым мы только что ознакомились. Он стал свидетелем не только Слова, но и НЛО; в результате ему пришлось испытать неприятие и издевательства, всегда выпадавшие на долю мучеников. В ночь на 2 августа того же года он, вместе с восемью другими свидетелями, увидел в небе

летающую тарелку обычного типа, которая вскоре исчезла. Он отправился в уже знакомое тихое, уединенное место; тарелки он там не обнаружил, но ему явилось видение, воскликнувшее: «Я приветствую тебя, Орфео!». Этот же образ являлся ему и раньше; тогда он требовал называться «Нептуном». Это был высокий, удивительно красивый мужчина с огромными выразительными глазами. Очертания его фигуры находились в постоянном колеблющемся движении — подобно воде, волнуемой ветром. Нептун рассказал ему много нового о Земле, о причинах ее плачевного состояния и об обудущем избавлении. Потом он вновь исчез.

В начале сентября 1953 года А. впал в состояние сомнамбулизма, продлившееся примерно неделю. Придя в себя, он вспомнил все происшедшее с ним в течение всего периода «отсутствия». Он находился на маленьком «планетоиде», на котором жили Нептун и его спутница, Лира. Возможно, впрочем, что Орфео Анджелуччи попал на небо — такое, каким он представлял себе его наяву: полное цветов, благоуханное, многоцветное, изобилующее нектаром и амброзией, населенное благородными эфирными созданиями, с почти беспрестанно звучащей музыкой. Он узнал, что его небесного друга на самом деле зовут не Нептун, а Орион; «Нептуном» же должен был зваться сам Орфео, пока он еще пребывал в небесном мире. Лира относилась к нему с особым вниманием; Орфео, ставший Нептуном, отвечал ей в соответствии со своей земной природой, то есть в форме любовного влечения, что вызвало ужас небесного сообщества. Ему понадобилось немало усилий, чтобы освободиться от этой человеческой, слишком человеческой реакции, после чего он удостоился «небесной свадьбы», мистического соития, аналогичного алхимическому «соединению противоположностей» (*conjunctio oppositorum*).

На этом кульминационном пункте я бы хотел завершить описание этого «паломничества души» (франц. *le rite de l'initiation*). Не имея ни малейшего представления о психологии, Анджелуччи описывает свой мистический опыт, связанный с видением НЛО, во всех желательных подробностях. Не думаю, что его рассказ нуждается в детальном комментарии; вся история настолько наивна и ясна, что любой читатель, обладающий хоть сколько-нибудь развитой психологической культурой, без труда усмотрит в ней подтверждение изложенных мною суждений и выводов. Его можно рассматривать в качестве своего рода уникального документа, свидетельствующего о том, как создается и воздействует мифология НЛО. Вот почему я предоставил слово Анджелуччи.

Психологическое переживание, связанное с НЛО, выражается в форме видения, представленного чем-то округлым, то есть символом целостности или архетипом, изображаемым в виде мандалы. Как показывает опыт, мандала появляется чаще всего в ситуации беспокойства, растерянности, замешательства. Архетип, выявляемый в данной ситуации, представляет собой упорядочивающую схему, которая возвышается над психическим хаосом и действует в каком-то смысле подобно кресту оптического прицела: будучи кругом, разделенным на четыре равные части — фигурой, которая ограничивает и защищает, — архетип помогает элементам психического содержания не утратить свои места в общей структуре целостности и предохраняет их от распада и исчезновения в хаосе расплывчатости и неопределенности. Именно с этой точки зрения восточный символ мандалы, в особенности в рамках буддистской доктрины Махаяны, репрезентирует космический, временной и психологический порядок. Одновременно он формирует «янтры» — инструменты, с помощью которых устанавливается этот порядок¹.

Наша эпоха в целом и психология отдельных личностей в частности характеризуются распадом, растерянностью и замешательством; это выражается в особенности в виде фантастических образов и представлений, зарождающихся спонтанно, обнаруживаемых в снах или возникающих в воображении. Подобные феномены я наблюдаю у своих больных в течение вот уже сорока лет, и на основе накопленного огромного опыта я пришел к выводу, что архетип целостности имеет центральное значение, причем возрастание его значения прямо пропорционально потерям, которые несет «Я». Но ведь состояние растерянности как раз способствует падению потенциала «Я».

С психологической точки зрения округлая форма, составляющая мандалу, символизирует Самость. Таким образом, психологически Самость — это преимущественно архетип порядка. Конфигурация мандалы обусловлена арифметически, поскольку целые числа — это также упорядочивающие архетипы простейшей природы. Последнее относится к особенностям к цифре четыре, тетраде, пифагорейскому «тетрактису». Далее, поскольку состояние растерянности и дезориентации обусловлено, вообще говоря,

1) К вопросу о физиологических основах данного явления ср.: K. W. Bash, H. Ahlenstiel, R. Kaufmann. Über Präyantraformen und ein lineares Yantra. in: Studien zur Analytischen Psychologie C G. Jungs. Festschrift zum 80. Geburtstag, Zürich, 1955 (прим. автора).

психологическим конфликтом, понятие диады — сложной, составной двойственности, синтеза противоположностей, — эмпирически связывается с мандалой, что явно выражается в видении Анджелуччи.

Центральная позиция мандалы придает этому символу высшую эмоциональную значимость, что находит свое выражение, в частности, в стигматизации Анджелуччи. Символ Самости совпадает с образом Бога — как у Николая Кузанского, который отождествляет диаду с complexio oppositorum, возможным только в Боге, или как в знаменитом определении Бога: «Это круг, центр которого везде, а окружность — нигде»; с этим последним определением совпадает «символ водорода» у Анджелуччи. Стигмат Анджелуччи — это не христианский знак, подобный ранам Господним; это символ Самости, абсолютной целостности или, говоря религиозным языком, Божественной целостности. Из данного психологического контекста вытекает также алхимическое представление о тождестве Христа и философского камня.

Символом центра часто служит глаз — либо всегда открытый глаз рыбы (у алхимиков), либо не знающее сна «Божье око», либо, наконец, солнце, которое освещает все сущее. Современной эпохе присуще непосредственное психологическое переживание подобных символов: они являются сознанию современного человека не как озарения внешнего порядка, но как откровения души. Я хотел бы процитировать здесь стихотворение одной женщины, написанное много лет назад и запечатлевшее ее переживание — вне какой бы то ни было связи с НЛО:

ВИДЕНИЕ

Свет ударяется в мелкие камешки
На дне глубокого синего пруда.
Вколышащихся зарослях драгоценный камень
Искрится, блестит и сверкает.
Проходя мимо, я обращаю на него внимание;
Неподвижный взгляд рыбьего глаза
Притягивает мой дух и мое сердце...
Рыба прозрачна, как стекло.
Рыба — мерцающая серебряная луна, —
Постепенно обретает форму
И являет картину бурного хороводного танца;
По мере того, как свет становится все ярче,
Диск превращается в горящее золотое солнце,
Принуждая меня к более напряженному созерцанию.

Вода — это глубины бессознательного, в которые проник луч света из сферы сознания. Танцующий диск, рыбий глаз плавают не в небе, а в темных глубинах внутренней низшей сферы; он порождает солнце, освещающее мир; это — Ихтис (Рыба), Непобедимое Солнце (Sol Invictus); вечно открытый глаз, отражающий взгляд созерцателя и представляющий собой личностную, самодовлеющую, независимую Всеобщность; округлость (rotundum), выражающая целостность Самости — Самости, которую можно отделить от Божества только на уровне понятий. Как «Рыба» (Ichtyis), так и «Новое Солнце»

(NovusSol)— это аллегорически названия Христа, представляющие, наряду с «открытым глазом», Божественность. Луна и Солнце являются собой божественную Мать и ее Сына-возлюбленного, что еще сегодня можно наблюдать во многих церквах.

Видение летающей тарелки, явившееся Анджелуччи, не отступает от старого правила и разворачивается в небе; фантазии Анджелуччи явно связаны с небом, а его космические друзья зовутся звездными именами. Спервого же взгляда в них легко распознать если не античных богов или героев, то по меньшей мере ангелов. Автор по истине достоин собственного имени: если его жена, урожденная Борджанини, происходит, по его собственному мнению, из зловещей памяти рода Борджа¹, то сам он — судя по фамилии — ангелоподобен, и возвещая, в духе элев-

1) Из итальянского рода Борджа (испанского происхождения) вышли известный своим развратом папа Александр VI (Родриго Борджа, 1431— 1503; понтификат 1492-1503) и его столь же одиозные дети: Чезаре (1476-1507) и Лукреция (1480-1519). Образ последней выведен в драме Гюго «Лукреция Борджа» и одноименной опере Доницетти.

синских мистерий, бессмертие, является новым Орфеем¹, избранным богами специально с целью посвятить мир в «мистирию» НЛЮ. Если имя и фамилия автора выдуманы специально, о них можно сказать: *ben trovato*². Но если это его подлинные имя и фамилия, неизбежно возникают вопросы. Сегодня уже нельзя безоговорочно предполагать, что имени присуща непреложная магическая сила; в противном случае супруге Анджелуччи (или его аниме) пришлось бы приписать значимость противоположного, зловещего порядка, а это подорвало бы наше доверие к наивности и интеллектуальной ограниченности нашего пророка и заставило бы признать, что тут не обошлось без лукавства витальянском духе. Но сфера бессознательного, обладающая природным коварством, способна делать то, что не по плечу сознанию: «то, чего не может сделать дьявол, делает женщина».

Как бы то ни было, книжка Анджелуччи сама по себе — сочинение наивное, и именно в силу своей наивности она широко выявляет бессознательный фон, скрытый за феноменом НЛЮ. Вот почему она наилучшим образом отвечает потребности психолога. Процесс индивидуации, столь важный для современной психологии, выражен здесь с максимальной ясностью, в символических формах, которые автор, в соответствии со своим неразвитым менталитетом, воспринимает конкретно. Вся книга в целом удивительно удачно подтверждает наши соображения, изложенные выше.

Здесь осуществлено сближение двух различных древнегреческих культов: культа Диониса Загрея («Великого ловчего»), основателем которого традиционно считался Орфей, и культа богини плодородия Деметры и ее дочери Персефоны, обряды которого разыгрывались в Элевсине, близ Афин. Общим между этими культами является то, что оба они имеют отношение к мифологическому представлению об умирающей и воскресающей природе.

Часть итальянской поговорки: *se non è ben trovato*: «если и не правда, то хорошо придумано».

Когда настоящий эпилог был уже в печати, я ознакомился с книгой Фреда Хойла «Черное облако»¹. Автор книги — не кто иной, как профессор Ф. Хойл (Hoyle), всемирно известный астроном; его перу принадлежат выдающиеся труды «Природа Вселенной» (The Nature of the Universe) и «Границы астрономии» (Frontiers of Astronomy), которые я читал в свое время и которые представляют собой блестящее описание последних, к моменту их выхода в свет, достижений астрономии. На основании этих книг можно заключить, что их автор наделен богатым и смелым мышлением. То обстоятельство, что этот же автор обратился к научной фантастике, показалось мне любопытным. Сам Хойл в предисловии к книге характеризует ее как забавную, шуточную историю, и с самого же начала предупреждает читателя, что суждения его героя, гениального математика, нельзя идентифицировать с его собственными суждениями. Естественно, умный читатель никогда не совершит подобной ошибки (впрочем, мы к этому еще вернемся), но он обязательно задаст вопрос: во имя чего автор обращается к проблеме НЛЮ?

В «байке» Хойла рассказывается, как молодой астроном из Паломарской обсерватории², изучающий сверхновые звезды, открывает в звездном скоплении в южной части созвездия Ориона темное округлое пятно. Он полагает, что это — глобула, темное облако газа, которое, по-видимому, движется по направлению к Солнечной системе. Тогда же англичане обнаруживают серьезные сдвиги скорости вращения Юпитера и Сатурна вокруг своей оси. Главный герой книги, гениальный математик из Кембриджа, выявляет причину этих сдвигов, которая кроется как раз там, где находится открытое американцами темное облако. Диаметр последнего примерно равен расстоянию от Земли до Солнца; оно состоит из довольно плотного скопления атомов водорода и направляется к Земле со скоростью около 70 км/сек. Земли оно должно достичь примерно через 18

London, Heinemann, 1957 (прим. автора). Книга издана в русском переводе Д. Франк-Каменецкого: Альманах научной фантастики, вып. 4, 1966.

Обсерватория на горе Паломар в Южной Калифорнии, одна из наиболее известных в научном мире.

месяцев. Когда темное облако оказывается в непосредственном соседстве с Землей, на последней устанавливается жесточайшая жара, уничтожающая большую часть живой природы. Затем наступает полная тьма, поистине «тьма египетская»¹, которая длится около месяца; она напоминает нам *nigredo* («черноту»), описанную в алхимическом трактате *Auroga consurgens* («Восходящая заря»), приписываемом св. Фоме: «Глядя вдаль, я увидел огромную тучу, тьмой нависшую над всею землей; она поглотила землю и покрывала мою душу...»².

Потом тьма медленно начинает рассеиваться, что сопровождается страшным холодом — вновь с катастрофическими последствиями. Все это время выдающиеся высокопоставленные ученые находятся в окруженном колючей проволокой городке-лаборатории, специально оборудованном британским правительством для того, чтобы спасти их от катастрофы. Исследование некоторых странных явлений ионизации атмосферы подводит их к выводу, что своим происхождением эти явления обязаны чьей-то осознанной воле, то есть в облаке должен содержаться некий разумный фактор. Благодаря радиоученым удастся вступить с ним в контакт и узнать, что возраст облака — 500 миллионов лет, и что в настоящее время оно переживает обновление. Облако приблизилось к Солнцу с целью получить от него заряд энергии: облако как бы «кормится» от Солнца. Ученые узнают также, что каким-то образом облако должно устранить все радиоактивные вещества, поскольку они наносят ему вред. Об этом узнают и американские наблюдатели; по их настоянию облако подвергается атаке с использованием водородных бомб, предназначенных для того, чтобы его «убить». Между тем обнаруживается, что облако окружает Солнце подобно кольцу, то есть что Земля дважды в году грозит длительным солнечным затмением. Англичане, естественно, задают облаку самые разнообразные вопросы, в том числе «метафизический» вопрос о том, есть ли в мире еще более грандиозное, древнее, всеведущее и мудрое существо. Облако отвечает, что оно уже обсуждало данную тему с другими «глобулами», но они осведомлены об этом примерно в той же мере, что и люди.

См.: Исход, 10, 22.

См.: C. G. Jung. *Mysterium Coniunctionis*, III, S. 48. — Zürich, Rascher (прим. автора).

Облако выказывает готовность немедленно поделиться с людьми своими познаниями. Один молодой астроном добровольно соглашается стать объектом опыта. Но, впад в гипнотическое состояние, он умирает от воспаления мозга; ему так и не удастся сообщить полученную информацию другим. Тогда на участие в опыте дает согласие гениальный профессор из Кембриджа — при условии, что процесс коммуникации будет протекать значительно медленнее. Облако принимает условие, но,

несмотря на это, профессор впадает в горячку и вскоре также умирает. Между тем облако решает покинуть солнечную систему и отправиться на поиски какого-нибудь другого светила. Солнце выходит из-за своего «покрывала» и все возвращается на круги своя, если не считать причиненного жизни на Земле невообразимого ущерба.

Ясно, что автор в своей книге касается характерной для нашего времени проблемы НЛО: образование округлой формы приближается из космоса к Земле и истощает ее катастрофами огромных масштабов. Молва чаще всего усматривает косвенную причину появления НЛО в катастрофической политической ситуации на Земле или в попытке расщепления атомного ядра. Но нередко за появлением НЛО видят другую, непосредственную опасность, заключающуюся в агрессии со стороны инопланетян; в результате такой агрессии нашему и без того непрочному положению грозили бы неожиданные и, вероятно, крайне нежелательные осложнения. Странная мысль, что облако обладает неким подобием нервной системы, то есть психической субстанции или даже разумом, не является оригинальным открытием автора: ведь умозрительное изображение тех, кто верит в НЛО, уже разработало гипотезу «чувствующем электрическом поле» (sentient electrical field). Этому же умозрительному воображению мы обязаны идеей, будто НЛО «запасаются» на Земле водой, кислородом, мелкими животными и т. п. — примерно так же, как облако из нашей книги «запасается» солнечной энергией. Это облако вызывает гигантские перепады температуры «черноту», уже являвшуюся алхимикам в их видениях. Обрисованная здесь картина дает представление об одном из характерных аспектов психологической проблемы, возникающей, когда «дневной свет» (сознание) непосредственно сталкивается с «ночной тьмой» (коллективным бессознательным). Это влечет за собой столкновение контрастов высочайшей степени интенсивности; отсюда, в свою очередь, вытекают потеря ориентации и помрачение сознания, которые часто принимают угрожающие масштабы, — нечто подобное нам иногда приходится наблюдать на ранних стадиях психозов. Описывая столкновение психического содержимого облака с сознанием двух несчастных жертв, Хойл подчеркивает именно данный аспект, то есть аналогию с психической катастрофой. Психическая субстанция и сама жизнь двух ученых уничтожены в результате внезапной встречи с бессознательным — аналогично тому, как большая часть живых существ уничтожена после столкновения облака с Землей.

Округлость, как уже говорилось, является несомненным символом целостности. Но в момент своего появления этот символ обычно встречается с абсолютно неподготовленным сознанием, которое ничего не понимает в целостности, заблуждается насчет нее; соответственно, оно не в силах его воспринять и выдержать. Такое сознание способно заметить целостность в виде внешней, спроецированной формы, но не способно интегрировать ее в себя в качестве субъективного феномена. В подобной ситуации сознание совершает ту же роковую ошибку, что и некоторые душевнобольные: оно воспринимает проявление целостности как факт внешнего порядка, но не понимает, что на деле это — субъективный, символический процесс. Последствия подобной ошибки, естественно, весьма серьезны: ведь в глазах душевнобольного миротныне становится безнадежно раздробленными неупорядоченным; миру приходит конец постольку, поскольку больной теряет связь с конкретной, повседневной действительностью. Автор подсказывает эту аналогию с психозом, изображая бредовое состояние гениального математика. Ту же фундаментальную ошибку совершают не только душевнобольные, но и все те, кто придает значимость объективной реальности различного рода философскими или теософскими спекуляциями — например, теми, кто, веря в ангелов, в самом факте этой веры видит гарантию их объективного существования.

Показательно, что несчастье коснулось именно героя повествования, гениального математика. Писателям, вообще говоря, свойственно наделять героев чертами собственного характера — как бы они ни старались избежать этой фатальной закономерности; таким образом, в любом герое можно усмотреть частичное отражение психологической специфики автора. Происшедшее с героем, символически говоря, выпадает и на долю автора. В данном

случае это, естественно, производит неприятное впечатление, поскольку возникает серьезный повод для опасения, что возможная встреча с бессознательным приведет к катастрофе, к утрате дифференцирующей функции сознания. Несомненно, здесь мы имеем дело с широко распространенным предрассудком, с опасением, которое можно назвать почти нормальным: неужели глубокое понимание предрасположенностей и движущих сил сферы бессознательного неизбежно влечет за собой нарушение функций сознания? Мы суверенностью отвергаем это опасение и утверждаем, что главным результатом проникновения в глубины бессознательного является модификация сознательного отношения к миру. Что касается фабулы рассматриваемого здесь романа, то она показательна еще в одном отношении: поскольку в нашем сегодняшнем мире все спроецировано вовне, человечество и, шире, вся земная органическая жизнь становится жертвой самых страшных опустошений, причем данное обстоятельство, похоже, не особенно трогает автора; всеобщая катастрофа упомянута им как одно из малозначащих вторичных последствий, что, естественно, указывает на преобладающую роль интеллектуального фактора в его сознании.

Слегка напуганное несколькими сотнями водородных бомб (возможно, благодаря радиоактивному излучению нанесших определенный ущерб его нервной системе), облако удаляется. Мы так ничего и не узнаем о том, что оно собой представляет; впрочем, судя по всему, оно, подобно нам, действительно не обладает знаниями, касающимися одной из важнейших метафизических проблем. Как бы то ни было, уровень его разума оказался непереносимым для человека; это дает нам повод заподозрить в облаке существо, близкое к богам или ангелам. Здесь великий астроном протягивает руку простаклу Анджелуччи.

Рассматривая роман с психологической точки зрения, мы можем сказать, что благодаря символической природе описанных в нем фантастических явлений последние обнаруживают свои бессознательные истоки. В каких бы обстоятельствах ни происходила подобная встреча сознания с бессознательным, мы почти всегда можем усмотреть в ней попытку интеграции. Где в нашем романе выявляется такая попытка? Я полагаю, что ее выражением служит стремление облака на длительное время «прислониться» к Солнцу, чтобы почерпнуть из него энергию. Психологически это означает, что бессознательное, соединившись с солнцем, приумножает свою жизненную силу. При этом Солнце, конечно, не теряет своей энергии, но Земля, жизнь на Земле и, в частности, жизнь человечества не могут не пострадать. Человек должен платить за это вторжение, за этот прорыв бессознательного: психической жизни человека угрожают страшные опасности.

Но что означает — опять же с психологической точки зрения — это космическое, то есть, на самом деле, психическое столкновение? Оно, несомненно, означает, что бессознательное затмевает сознание вследствие прекращения нормального диалектического процесса между содержимым сознания и бессознательного¹. Для личности это означает, что облако лишает ее солнечной энергии, то есть, иначе говоря, что ее бессознательное берет верх над сознанием. Явления тождественного порядка мы рассматриваем во всеобщих, катастрофических эпидемиях безумия, подобных национал-социализму или нынешнему разгулу коммунизма, этого архаичного социального порядка, грозящего уничтожить человеческую свободу и заменить ее рабством и тиранией. Человек пытается противостоять этим тревожным явлениям, используя свое «лучшее» оружие (в нашем романе таким оружием служат водородные бомбы). Толи чтобы избежать бомбовых ударов, толи вследствие изменения образа мышления (последнее в данном случае больше похоже на правду) облако удаляется. Психологически это означает, что бессознательное, получив соответствующую энергетическую «подпитку», отступает туда, откуда оно вышло. Баланс происшедшего печален. Самосознание человечества и вся земная жизнь претерпели

1) См. об этом: C. G. Jung. Die Beziehungen zwischen dem Ich und dem Unbewußten. — Zürich, Rascher, 1933.

поддающийся оценке ущерб, причиной которого стал непонятная, лишенная смысла,

выходящая за рамки человеческого разума «игра природы» (*lusus naturae*), дурная шутка, достигшая космических масштабов.

Этот последний аспект также указывает на некое обстоятельство психического порядка, не вполне понятное современной эпохой: для тех, кто пережил драму, кошмар исчез, но сами они остались жить в опустошенном мире; сознание катастрофически страдает от падения собственной значимости. Кошмар, исчезая, как бы похитил у сознания нечто очень важное и существенное. Понесенный сознанием ущерб состоит в том, что в связи со столкновением, которое может больше не повториться (или если даже и повторится, то не скоро), сознание упустило возможность контакта с содержанием сферы бессознательного. Хотя людям удалось установить интеллектуальную связь с облаком, восприятие его содержания привело к смерти тех, кто отважился подвергнуть себя риску непосредственного контакта. Мы так ничего и не узнаем о потустороннем содержимом. Встреча с бессознательным оканчивается безрезультатно. Наши знания ничем не обогащаются, оставаясь бесплодными. С этой точки зрения мы остаемся на той же позиции, что и до катастрофы. К тому же мы лишились по меньшей мере половины живших на земле существ. Ведущие ученые, самые передовые умы оказались слишком слабыми и незрелыми, чтобы суметь воспринять сообщение из сферы бессознательного. Будущее покажет, является ли этот печальный конец порождением субъективной убежденности автора или здесь мы имеем дело с пророчеством.

Сравнивая этот роман с наивными писаниями Анджелуччи, можно точно представить себе разницу между высоко развитым научным образом мышления и мышлением человека, лишенного культуры. Оба переводят проблему в конкретный план; но один из них делает это для того, чтобы в достоверном виде представить небесную акцию спасения, а другой превращает тайное, или лучше сказать, тревожное ожидание в забавную литературную шутку. Но несмотря на огромную разницу между нашими авторами, оба они испытали воздействие одного и того же бессознательного фактора; они используют одинаковую в своей основе символику, чтобы с ее помощью выразить то бедствие, которое настоящее время испытывает человеческое бессознательное.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Олетающих тарелках 1

Ваше желание обсудить вопрос о «летающих тарелках» является, несомненно, весьма своевременным. Обратившись ко мне с вопросом вы, пожалуй, не ошиблись адресом; тем не менее я должен сказать вам, что несмотря на мой интерес к данному предмету, зародившийся около 1946 года и с тех пор несколько не уменьшившийся, я все еще не в состоянии установить эмпирическую основу, достаточную для каких-либо выводов. В течение ряда лет мне удалось собрать объемистое dossier о видениях, включающее сообщения двух хорошо знакомых мне лично очевидцев (сам я ничего подобного никогда не видел!); кроме того, я прочел все доступные мне книги. И все-таки сегодня даже приблизительно не могу определить природу этих наблюдений. Пока ясно только одно: речь идет не только о слухе, а о чем-то таком, что люди действительно видят, и что может быть либо субъективным видением (или галлюци-

1) Письмо Юнга в газету «Вельтвухе» (Цюрих), написанное в ответ на просьбу редактора об интервью и опубликованное № 1078 от 9 июля 1954 года. В том же номере вслед за письмом были помещены вопросы и ответы на них. Отрывки из публикации в «Вельтвухе» были без разрешения автора перепечатаны лондонским «Обзором летающих тарелок» (май-июнь 1955) и Бюллетенем Организации по изучению небесных явлений АПРО (Аламогордо, Нью-Мексико, июнь 1958). Допущенные в публикации неточности и поднятый вокруг них рекламный шум заставили Юнга обратиться с заявлением к агентству ЮПИ (датированному 13 августа 1958 года) и открытым письмом к упомянутому в тексте книги «Современный миф» майору Кэйхоу. Оба документа приводятся ниже.

нацией) одного человека, либо видением коллективного порядка, являющимся одновременно большим числом лиц. Психический феномен подобного рода сходен со слухами в том отношении, что он также имеет компенсаторное значение, поскольку служит спонтанным ответом бессознательного на ситуацию, сложившуюся к настоящему времени в сознании — то есть на страхи, порожденные явно безвыходной политической ситуацией, способной в любой момент привести к всеобщей катастрофе. В такие времена люди обращают свои взоры за помощью к небу, и свыше им являются чудесные знаки угрожающей или умиротворяющей природы — причем символы округлой формы, отличающиеся особой силой внушения, появляются ныне во многих спонтанных фантазиях, прямо ассоциированных с угрожающим положением в мире.

Возможность чисто психологического объяснения иллюзорна, так как большое количество наблюдений указывает на явления природного или даже физического порядка — например, на явления, объяснимые исходя из отражений, возникающих в результате «инверсий температуры» в атмосфере. Несмотря на противоречивый характер своих заявлений по данному вопросу, ВВС США, так же, как и Канада, считают видения «реальными» и создали специальные бюро для сбора информации. Но «диски», то есть сами объекты, ведут себя не в соответствии с законами физики, а так, как если бы они были невесомы; кроме того, они выказывают признаки *разумного управления* — словно их пилотируют некие человекоподобные существа. С другой стороны, ускорение, с которым они движутся, настолько велико, что ни один человек не способен его выдержать.

Широко распространенная (в Америке) убежденность в реальности дисков привела к тому, что сообщения об их приземлениях не заставили себя ждать. Недавно я прочел отчеты этого рода, происходящие из двух различных источников. В обоих случаях явно выражен мистический элемент видения (фантазии): описываются получеловеческие, идеализированные человеческие существа, похожие на ангелов и выступающие с соответствующей просветительской миссией. К сожалению, в отчетах отсутствует хоть сколько-нибудь полезная информация. К тому же в обоих случаях не удалось сделать никаких фотографий. Отсюда — необходимость воспринимать любые сообщения о приземлениях с известной осторожностью. Особенно удивительным мне кажется то обстоятельство, что несмотря на всю свою предполагаемую информированность, а также на публично выражаемые опасения спровоцировать панику, похожую на ту, которая разразилась в Нью-Джерси в связи с радиопостановкой пьесы Уэллса, американские ВВС упорно отказываются публиковать какие бы то ни было достоверные, заслуживающие доверия сообщения, и, таким образом, работают как раз на разжигание паники¹. На нашу долю остается только случайная информация, добытая журналистами. В результате непосвященные не имеют возможности составить себе адекватное представление о происходящем. Я в течение восьми лет собираю все, попадающее в поле моего зрения, но должен признать, что за все это время я ничуть не продвинулся вперед. Я до сих пор не знаю, с чем именно мы сталкиваемся в лице этих «летающих тарелок». Сообщения о них настолько удивительны и фантастичны, что даже если бы их реальность не вызвала сомнений, возникал бы соблазн сравнить их со случаями паранормального психического порядка.

Занеимением сколько-нибудь надежных оснований любые наши спекулятивные рассуждения будут лишены ценности. Нужно подождать и посмотреть, что принесет нам будущее. Так называемые «научные» объяснения, наподобие теории отражений Менцеля, возможны только при нарочитом пренебрежении данными, не соответствующими теории.

Вот и все, что я мог бы сказать на тему летающих тарелок. Интервью, на мой взгляд, не имеет смысла.

1) Отчет майора Доналда Э. Кэйхоу о его борьбе с Пентагоном за признание инопланетного происхождения НЛО был напечатан в 1958 году под заголовком «Летающие тарелки из космоса» (прим. автора).

(Дополнительный вопрос, заданный Юнгу в письменном виде)

Предполагая, что за нами, возможно, следят разумные существа внеземного происхождения, считаете ли вы, что это обстоятельство может быть включено в существующую ныне картину мира, не причинив особого вреда? Или вы думаете, что оно обязательно приведет к чему-то наподобие Коперниковской революции и, как следствие, — к панике, которой вы опасаетесь как единственного средства противодействия, обусловленного психологическими законами?

*Далее, должны ли компетентные органы власти предпринять шаги для предотвращения паники, и какие психогигиенические меры кажутся вам наиболее подходящими для данной цели? **

Ваши вопросы совершенно оправданны, поскольку компетентные, облеченные властью и лучше меня информированные лица полагают, что обсуждаемые нами феномены имеют внеземное происхождение. Как я уже сказал, за неимением возможности получить необходимые подтверждения пока не могу разделить этот взгляд. Но даже если часть объектов действительно имеет внеземное или, возможно, инопланетное (Марс, Венера) происхождение, нам необходимо учитывать сообщения о тарелках, появляющихся из моря или из земли. Мы должны также иметь в виду многочисленные сообщения о феноменах, похожих на шаровые молнии или на странные, стационарные подобию «блуждающих огоньков» (не путать с огнями св. Эльма). В редких случаях шаровые молнии могут достигать значительных размеров и казаться ослепительными световыми шарами величиной чуть ли не в половину луны, движущимися от одного облака к другому или прожигаящими лесные тропы шириной до пяти и длиной до двухсот ярдов. Шаровые молнии либо бесшумны, как тарелки, либо неожиданно исчезают с громopodobным звуком. Возможно, шаровые молнии в форме изолированных электрических зарядов (так называемые «молнии-бусинки») являются истинным прототипом тех выстроенных в ряды тарелок, которые удалось сфотографировать некоторым наблюдателям. В связи с тарелками неоднократно отмечались и другие электрические явления.

Итак, в вопросе о происхождении тарелок все еще много неясного. Если же их внеземное происхождение будет когда-нибудь подтверждено, мы получим доказательство того, что между планетами существует осмысленное сообщение. Трудно представить себе, что может значить этот факт для человечества. Но не приходится сомневаться, что мы окажемся в той же критической ситуации, что и первобытные общества, столкнувшиеся с высшей культурой белого человека. Бразды власти будут вырваны из наших рук и, как сказал мне некогда со слезами в глазах один старый знахарь, «мы больше не будем грезить»: крылья нашего духа окажутся подрезанными, и он никогда не восстановит свою способность к высоким порывам.

Естественно, наша наука и технология тут же будут отправлены на свалку. Моральные последствия подобной катастрофы легко представить на примере жалкого упадка первобытных культур, происходящего на наших глазах. Не подлежит сомнению, что способность строить такие механизмы свидетельствовала бы об уровне научной технологии, бесконечно превосходящем наш собственный. Подобно тому, как племенные расы в Африке прекратились в результате установления Pax Britannica¹, нашему миру также придется свернуть свой «железный занавес» и отправить его на слом вместе с миллиардами тонн вооружений, боевых кораблей и военного снаряжения. Все это было бы не так уж плохо, но ведь мы были бы «открыты» и «колонизованы» — а это уже достаточный повод для всеобщей паники!

Если мы хотим избежать подобной катастрофы, официальные лица, владеющие достоверной информацией, должны, не колеблясь, по возможности оперативно и подробно ознакомить с нею общественность и прекратить глупую игру мистификаций и двусмысленных намеков. Но вместо этого они допускают разгул фантастических и лживых сообщений — и трудно придумать более успешный способ подготовки грядущей массовой паники и психических эпидемий.

1) «Мирпо-британски» (лат.): порядок, установленный в странах Африки в результате британской колонизации.

(Дальнейшие дополнительные вопросы)

Идея возможной параллели с парапсихологическими процессами чрезвычайно интересна. Судя по всему, вы имеете в виду видения, не так ли?

Вы пишете, что в эпохи, подобные нашей, люди обращают свои взоры за помощью к небу. Имеете ли вы при этом в виду какие-либо критические периоды в прошлом, порождавшие сопоставимые явления? Существуют ли свидетельства о других коллективных видениях или галлюцинациях со сходным содержанием?

Как вы объясняете тот факт, что тарелки, заочно гибли исключениями, наблюдались до сих пор только над Северной Америкой? Указывает ли это, по-вашему, на их чисто психическую природу как явлений, так сказать, специфически американских, или наоборот, на то, что они существуют объективно?

Едва ли возможно ответить на ваш вопрос об аналогии между тарелками и парапсихологическими явлениями, поскольку не существует достаточных оснований для сравнения. Для того, чтобы всерьез говорить о наличии подобной аналогии, нужно прежде всего показать, что «видения» находятся в причинно-следственной связи с психическими состояниями; другими словами, нужно показать, что под влиянием некоторых эмоциональных условий значительные группы населения могут испытывать ту же психическую диссоциацию и ту же экстериоризацию психической энергии, что и отдельно взятый медиум. Наш сегодняшний день мы знаем только то, что коллективные видения действительно существуют. Но вопрос о коллективных психических феноменах наподобие левитаций, световых явлений, материализаций и т. п. все еще остается спорным. В настоящее время любая ссылка на парапсихологический аспект свидетельствует только о той безграничной растерянности, в которой мы ныне пребываем.

И все же я не могу удержаться от замечания, что коллективная психологическая проблема, поставленная эпидемией тарелок, представляет собой компенсаторную антитезу нашей научной картине мира. В США господство этой картины кажется еще более очевидным, чем у нас. Как вы знаете, картина, о которой идет речь, во многом состоит из статистических или «усредненных» истин. Она исключает любые редкие пограничные случаи, вызывающие со стороны ученых реакцию отторжения постольку, поскольку они не способны понять. В результате возникает картина мира, состоящего целиком из нормальных случаев. Подобно «нормальному» человеку они, в сущности, представляют собой фикцию, а как раз в психологии фикции могут привести к катастрофическим ошибкам. Я недопущу большого преувеличения, если скажу, что действительность состоит главным образом из исключений, которые сводятся к норме в результате чисто интеллектуальных операций; яркая многоцветная картина реального мира заменяется унылым и поверхностным рационализмом, способным для утоления эмоционального и духовного голода предложить одни только камни вместо хлеба¹. Логическим итогом оказывается ненасытная жажда сверхъестественного. Если мы добавим к этому великий упадок человеческого разума, ежедневно демонстрируемый в газетных сообщениях и принявший особенно угрожающий характер из-за неисчислимы опасностей водородной бомбы, перед нашим взором предстанет картина всеобщего духовного бедствия, сравнимого с ситуацией в начале нашей эры, хаосом, последовавшим непосредственно за 1000 г. н.э. или смутами начала XV века². Неудивительно, что в старых хрониках мы находим сообщения о всевозможных знаках и удивительных явлениях в небе или обожидании чудесного вмешательства с неба в случае, если человеческие усилия не увенчаются успехом. Наши видения тарелок — *mutatis mutandis*³ — обнаруживаются во многих сообщениях, восходящих к античности — хотя в те времена, судя по всему, подобные видения не были настолько частыми. Но, с другой стороны, тогда еще не было тех возможностей глобального разрушения, которые ныне оказались в руках наших так называемых политиков. Маккартизм оказавшее им влияние свидетельствует о глубоких

Ср.: Матфей, 7,9, Лука, 11, 11.

Можно предполагать, что Юнг в данном случае имеет в виду начало не XV,

а XVI века, отмеченное Реформацией, которую он считал «духовной катастрофой» для христианского мира.

С соответствующими изменениями (лат.)

итревожных предчувствиях, охвативших американскую общественность. Именно поэтому большинство небесных знамений должно появляться именно над Северной Америкой.

В начале нынешнего века я был твердо убежден, что ничто тяжелее воздуха не может летать, и что атом действительно «а-томичен», то есть неделим. С тех пор я стал очень осторожен и ныне ограничусь тем, что повторю сказанное в самом начале нашей переписки: несмотря на доскональное знакомство со всей доступной мне литературой (включающей шесть книг и неисчислимое множество сообщений истатей, в том числе два сообщения очевидцев, знакомых мне лично), я все еще не знаю, какого рода реальностью обладают летающие тарелки. Поэтому я не в состоянии делать выводы и формулировать сколько-нибудь поддающиеся проверке суждения. Я просто-напросто не знаю, как решить загадку этого феномена.

Заявление агентству печати ЮПИ

На основании статьи, опубликованной в Бюллетене Организации по изучению небесных явлений (АПРО), распространяются сообщения о том, что я считаю НЛО существующим в действительности. Эти сообщения совершенно ложны. В недавно опубликованной книге («Современный миф», 1958) я совершенно определенно заявил, что не могу взять на себя смелость судить о физической реальности НЛО, поскольку не имею достаточных доказательств ни за, ни против. Поэтому я посвятил свои усилия исключительно психологическому аспекту феномена НЛО, о котором имеется достаточно обширный материал. Моя позиция относительно реальности НЛО сформулирована в следующей фразе: «люди что-то видят, но что именно — неизвестно». Данная формулировка оставляет вопрос природе «видений» открытым. «Видеть» можно как нечто материальное, так и нечто, относящееся к области психического. И то, и другое — реальности, но реальности различного рода.

Мои контакты с АПРО ограничились следующим: когда я собирал материал для упомянутой выше книги, эта организация со страниц своего Бюллетеня обратилась ко мне с любезным предложением стать ее почетным членом. Я дал свое согласие и выслал по адресу АПРО свою книгу, чтобы информировать их о моем взгляде на проблему НЛО. АПРО защищает физическую реальность НЛО с исключительным рвением и идеализмом. Посему я рассматриваю вводящую в заблуждение статью, опубликованную в Бюллетене АПРО, как досадное недоразумение.

Письмо Кэйхоу 16 августа 1958

Майору Доналду Э. Кэйхоу, Национальный исследовательский комитет по небесным явлениям 1536, Коннектикут Авеню, Вашингтон 6, Округ Колумбия

Уважаемый майор Кэйхоу!

Большое Вам спасибо за Ваше любезное письмо! Я прочел все, что Вы написали о НЛО; кроме того, я являюсь подписчиком Бюллетеня Вашего Комитета. Я признателен Вам за отвагу, с которой Вы взяли на себя выяснение противоречивого вопроса о реальности НЛО.

Статья в Бюллетене АПРО от июля 1958, вызвавшая весь этот шум в прессе, к сожалению, грешит неточностями. Насколько Вам известно, я являюсь специалистом по лечению душевнобольных и медицинской психологии. Я никогда не видел НЛО и не располагаю полученной непосредственно из первых рук информацией как о самих НЛО, так и о двусмысленном отношении к ним ВВССША. Из-за этого досадного пробела я лишен возможности сформулировать определенное мнение о физической природе феномена НЛО. Будучи ученым, я утверждаю только то, что могу доказать, и воздерживаюсь от суждений, если сомневаюсь в собственной компетентности. Посему я говорю: «Люди видят нечто, но что именно — неизвестно». Я ничего не утверждаю и не отрицаю. Но не подлежит никакому сомнению, что НЛО являются предметом великого множества сообщений самого разнообразного рода. Меня интересует главным образом именно

данный аспект явления. Проникновение в его имеющую универсальное значение суть дает богатейшую пищу для интуиции. При этом янисколько не исключаю ни физической реальности НЛО, ни их внеземного происхождения, ни целесообразного характера их поведения и т. д. Но имеющиеся в моем распоряжении данные не позволяют делать окончательных выводов; с другой стороны, они достаточно убедительны, чтобы вызывать постоянный и живой интерес. Я с большим сочувствием слежу за вашей достойной уважения деятельностью по установлению истины о НЛО.

Несмотря на то, что мое суждение о природе НЛО все еще неопределенно (надеюсь, что с течением времени ситуация изменится), я считаю возможным уже сейчас внести некоторую ясность в богатый фантастический материал, скопившийся вокруг специфических небесных явлений. Любой новый опыт имеет два аспекта: 1) факт сам по себе, и 2) характер восприятия этого факта. Меня интересует второй из этих аспектов. Если правда, что правительственные ВВС утаивают сообщаемые факты от широкой общественности, значит, они ведут исключительно глупую, психологически неприемлемую политику. У слухов и паники нет лучших союзников, чем незнание. Очевидно, людям нужно сообщить всю правду, ибо в конце концов она все равно выйдет на свет. Едва ли это вызовет шок более сильный, чем в случае водородной бомбы: ведь об последней знают все, и тем не менее это знание не вызывает массовых обмороков.

Что касается Вашего вопроса о возможной враждебности НЛО, я должен еще раз подчеркнуть, что все мои знания о них ограничиваются тем, что можно почерпнуть из опубликованных сообщений. Вот почему я все еще так далеко от какой бы то ни было уверенности относительно физической реальности НЛО.

Спасибо за любезное предложение выслать мне вырезки из прессы. Я уже получил их достаточно количество. Любые мои заявления почему-то сразу же искажаются и перевираются. Создается впечатление, что прессе больше нравится ложь, нежели правда.

Остаюсь, уважаемый майор,
Вашим К.Г. Юнгом

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

